

Тамара Ростовская

Тетрадь из сожженного гетто (Каунасское гетто глазами подростков)

Дневник, очерки, стихи

Посвящается: Моим родителям Регине и Владимиру Лазерсон и брату Рудольфу, погибшим от рук фашистских палачей в 1941–1945 годах.

От автора

Читатель, перед тобой дневник девочки-подростка. Эта книга не предназначалась ни для одного читателя в мире.

Дневник этот — крик души девочки, на долю которой неожиданно обрушилось столько несправедливых ударов судьбы, что вынести их, не сойдя с ума, казалось просто невыносимым.

Этой девочкой была я, Тамара Ростовская (Лазерсонайте), узница Каунасского гетто, дожившая до сегодняшнего дня.

Все записи вела только для себя, не думая о публикации, однако в наши дни, когда все чаще раздаются голоса, отрицающие Холокост, молчать становится невозможно.

Дневник служил мне как бы «громоотводом» и успокаивал душу. Рядом всегда был друг — верный, преданный, безмолвный. Но лишь стоило моей руке прикоснуться к нему, и он становился неузнаваем: он плакал и радовался, молил о пощаде и проклинал. А когда становилось совсем невозможно, он утешал меня, доказывая, что были времена и похуже.

Как появился на свет этот дневник?

Согласно приказу от 27 июля, евреи Каунаса были насильственно переселены из своих домов в гетто, которое оккупационные власти совместно с литовскими националистами учредили в загородном районе Каунаса Вилиямполе (Слободка). От города этот район отделяла река Вилия (по-литовски — Нерис). Переселялись в гетто на подводах.

Моя семья была вынуждена фиктивно обменять принадлежавшую нам виллу, расположенную на ул. Видуно, 31, на 4-комнатный деревянный дом по ул. Гриняус, 7. Сначала в распоряжении семьи был весь этот дом, но постепенно нас стали уплотнять, и в конце концов оставили одну комнатку с кухней.

Примерно в это время отец, профессор психологии Вильнюсского университета, сказал брату Виктору: «Пиши дневник. Мы живем в интересное историческое время», и брат стал писать. Будучи моложе его на два года, я всегда старалась не отставать ни в чем. Я начала вести дневник в июле 1941 года и вела его до 13 сентября 1942 г. в тетрадке, сшитой из отдельных листочков. К сожалению, эти записи утеряны. Горько сетовал по этому поводу директор музея «Лохамей на-гетаот» Цви Шнер, ибо записей столь юного автора (12 лет) ему не доводилось читать. Где взять в гетто толстую тетрадь? Увы, несчастье помогло. Наши друзья, семья Румшиских пытались убежать из гетто. Они достали фальшивые документы на имя караимов. (Караимов немцы не трогали.) Но Румшиских схватило гестапо, откуда они живыми уже не вышли. Узнав о случившемся, мы пошли к ним на квартиру, где все было перевернуто вверх дном. На полу валялась толстая тетрадь. Это были записи по авиамоделизму их сына Цезаря. В тетради было много пустых страниц, и я воспользовалась этим, продолжив вести дневник.

После моего побега из гетто (07.04.44) брат Витя положил наши дневники в жестяную коробку и закопал под окнами дома. Когда части Красной армии подошли к Каунасу, гетто было сожжено, и найти это место было трудно — не осталось ни дома, ни окон. Но брату удалось выкопать коробку.

Когда мы впервые встретились после освобождения, он вручил мне дневник. Я

продолжала вести записи до конца 1946 г. С того времени я больше никогда не расставалась со своей тетрадью, исключая те несколько лет, когда я одолжила ее Вашингтонскому музею Холокоста в качестве экспоната выставки «Скрытая история Каунасского гетто».

И все-таки несколько раз дневник находился в большой опасности.

Первый раз это было в 1945 году, когда я жила у одной из моих спасительниц др. Броне Паедайте. Ее пришли арестовать. Производя обыск в квартире, чекисты наткнулись на мой дневник. Среди сотрудников НКВД оказался еврей, он прочел записи на идише и решил забрать тетрадь. С большим трудом удалось убедить его, что я еврейка и дневник принадлежит мне.

Вторая опасность ожидала дневник в 1971 г., когда нашей семье разрешили выехать в Израиль. Я знала, что на границе рукописи отбирают. Друзья посоветовали обратиться в Голландское посольство, которое в то время представляло Израиль, и передать дневник диппочтой.

Спрятав дневник за пазуху (благо была зима), я подошла к посольству. Дежурный милиционер спросил, что я несу с собой. И глазом не моргнув, я ответила, что у меня с собой ничего нет. В посольстве меня постигло разочарование. На месте не оказалось ни посла, ни его заместителя, а секретарь не мог взять на себя ответственность — решить такой необычный вопрос. Мне предложили прийти после обеда, будто они не знали, что граждане СССР не могут посещать иностранные посольства, когда им вздумается.

И тут мне пришла на помощь Анна Франк. На убогом немецком языке я стала объяснять, что подобно Анне, я тоже вела дневник. Возможно, этот аргумент возымел действие. Мне сказали, что отправят дневник на проверку в литовское представительство, и если не обнаружат материалов, компрометирующих СССР, то перешлют дипломатической почтой.

Неизвестно, где бы я очутилась, если бы дежурный у посольства проявил бдительность и обыскал бы меня. Возможно, что вместо субтропиков «загорать» бы мне в зоне вечной мерзлоты. Но судьба была ко мне благосклонна, и дневник в целостности и сохранности прибыл в Тель-Авив.

С тех пор, как я поставила последнюю точку в дневнике, прошло более 60 лет. Зеленые чернила, которыми написано большинство страниц, почти выцвели, кстати, «паркер», которым я писала, подарил мне на день рождения отец.

В дневнике нет ни крупицы выдумки, только одна горькая правда. Да и какая человеческая фантазия смогла бы придумать такой фантазмагорический сюжет, который уготовила нам сама жизнь.

Тридцать лет ни одна чужая рука не касалась этих страниц. Быть может, он «пролежал» бы так безмолвно еще десятки лет и в итоге истлел бы, но чуткое сердце писательницы и исследователя Катастрофы Сары Шнеер-Нешамит решило его дальнейшую судьбу. Вместе с педагогом Любой Барак она перевела дневник с литовского на иврит.

Сара посвятила этим записям много дней кропотливого труда и вдохнула в эти старые страницы вторую жизнь. И дневник заговорил. Он заговорил на древнейшем языке мира — на языке моего народа.

Книга впервые вышла в 1975 г. в Израиле. В 1997 г. издана в Литве на литовском.

Прошло еще почти тридцать лет после выхода ивритского издания, и книга, дополненная очерками и стихами моего брата Виктора, в авторском переводе с литовского впервые, может быть, появится на русском языке.

Хочу отметить, что в гетто многие вели дневники, сочиняли стихи и песни. Но мало кому удалось сохранить свое творчество до наших дней. Мой брат, к большому сожалению, не сохранил своих дневников. Сохранились только два очерка и стихи.

Нет у меня могилы самых близких, дорогих мне людей, и нет памятника им. Я бы хотела, чтобы эта книга стала памятником моим близким, погибшим в огне Катастрофы: моим родителям Владимиру и Регине Лазерсон, и брату Рудольфу.

...Не узнать мне той даты печальной,

Не найти мне кусочка земли —
Без речей, без молитв поминальных
Был их пепел рассеян вдали.

Я хочу, чтобы эта книга стала памятником всем тем отважным и благородным Праведникам Мира, которые, рискуя своей жизнью, спасали еврейских детей от верной гибели. Ничто не должно быть забыто, никто не должен быть забыт. Ибо в Талмуде сказано: «Спасший одну душу — спас весь мир».

Имена людей, спасавших меня и моего брата Виктора:

Казимирас и Витаутас Виткаускас
Вероника Жвиронайте
Онуге Кайрене
Петронеле Ластене
Броне Паедайте
Вера и Пятрас Эффертас
Да будет благословенна их память!

Я родом не из детства — из Шоа,
Я выжила — подстреленная птица;
Израненная детская душа
До старости не в силах исцелиться.

Натянутые нервы как струна,
Сирена бьет по ним истошным воем...
И вновь, и вновь со мной моя семья
Расстрелянная вражеским конвоем.

Но сердце согревает взгляд любви
Со старого, измятого портрета...

«Запомни все! Запомни... и живи!» —
Кричали камни на руинах гетто.

Отступление первое

Из интервью данного писателю Евсею Цейтлину. Журнал «Мосты» № 13.2007 г.
Евсей пишет:

«Слушая рассказы тех, кто пережил Катастрофу, я часто задавал себе вопрос: почему, находясь на самом краю гибели (в гетто, лесах, тайных убежищах), евреи вели дневники?

Это поражало. Люди, судьбы, обстоятельства так не походили друг на друга. Но была одна страсть, одна сверхзадача... Впрочем, была очевидна и традиция. Известно: память — главное богатство евреев.

„Не забудь!“, „Передай своим сыновьям“, — то и дело повторяет нам Тора».

Известный еврейский историк Шимон Дубнов, который погиб в Рижском гетто, завещал: «Евреи, пишите, фиксируйте все, что с нами здесь происходит, чтобы ничего не было забыто».

Отступление второе

Моя семья

Я родилась в 1929 г. Каунасе, в Литве в семье врачей.

Отец: профессор Владимир Лазерсон родился в Москве. Он был психиатром, психологом и невропатологом — в те времена все эти специальности зачастую соединял в себе один специалист. В последний год перед войной отец был очень занят: он заведовал кафедрой психологии в Вильнюсском университете и продолжал читать лекции в Каунасском. Кроме того, занимался частной практикой. Успешно лечил алкоголиков гипнозом. А по вечерам раздавался стук пишущей машинки: отец писал статьи и готовил к изданию книгу «Психология гениальных людей». У него совсем не было свободного времени. Помню, ребенком, я прочла статью отца, которая называлась «Почему дети лгут?» Я пошла к маме и выложила свою обиду «почему папа занимается воспитанием других детей, а нас не воспитывает?»

Мать: моя мама Регина, урожденная Сапочински, родилась в Плонске, в Польше. Она была детским врачом. Родители познакомились, будучи студентами университета во Франкфурте на Майне. В России тогда была процентная норма и евреев почти не принимали в русские университеты, а желающие учиться уезжали за границу. Пока дети были маленькими, мать занималась нашим воспитанием и учебой. Но в 1940 году, когда Литву «освободила» советская власть, мама пошла работать детским врачом. Правда, до того, как появились дети, мама работала в Каунасском университете.

Братья : У меня были два брата — Рудольф — старше меня на четыре года и Виктор — на два. Рудольф был очень одаренным, увлекался астрономией. В пятнадцать лет он сдал экзамены на аттестат зрелости... В начале войны Рудольф хотел бежать на восток. Инстинкт самосохранения, видимо, предупредил его об опасности. Он метался, не находил себе места. Отец не хотел отпускать Рудика одного, а мать была больна, и таким образом семья осталась. Друг отца позвонил нам и уговаривал эвакуироваться вместе. Отец бегло говорил по-немецки и помнил немцев, как просвещенный и культурный народ. Он полагал, что война принесет лишения и неудобства, но не мог себе представить страшные убийства.

Случилось так, что на второй день после начала войны, учитель Рудика позвонил нам и пригласил брата прийти к нему, якобы, обсудить вопрос насчет вручения аттестата зрелости. Брат надел свой новый костюм, приготовленный для выпускного вечера, и ушел. И больше никогда не вернулся. Намного позже мы узнали, что его расстреляли на шестом форте. Единственная вина его была в том, что родился евреем и был очень способным юношей. Ему я посвятила стихотворение «Крик».

Крик

Посвящается Рудику Л.

убитому в 1941 г. в Литве. Ему было 15 лет

Ты для себя копал могилу...
Фашисты пьяные устали,
А ты, мальчишка, полон силы,
Но, Боже, руки как дрожали.

Копал ты долго, неумело
Ту землю, что любил когда-то,
И дрожь пронизывала тело,
И уходила вкось лопата.

О чем ты думал, мальчик бедный...

Зловеще каркали вороны,
В обойму вставлены патроны,
И колокольный звон к обедне —
В тот день воскресный. День последний.

Ты поседел в единый миг,
Сердечко колотилось дико...
Потряс меня истошный крик,
Но мир оглох... Он не услышал
Крика.

С Витей мы были очень дружны: вместе играли, всем делились. Кстати, он просвещал меня по вопросам секса. В семье у нас об этом ничего не говорили. Было наложено табу. Хотя отец, как я позже узнала, был последователем Фрейда, но детей не посвящал в эти вопросы. Витя был типичный гуманитарий. Писал стихи, фантазировал. Мы были очень горды, когда стихотворение его появилось в детском журнале. Родился он шестого июня, в день рождения Пушкина, значит, быть ему поэтом. Увы, не сложилось.

Итак, наша семья, понесшая колоссальную утрату, очутилась за колючей проволокой. Здесь я перехожу на дневниковые записи, которые вначале смахивают на репортаж. И, да простит меня читатель, я, право, в мои тринадцать лет, не знала, как пишется дневник.

Глава 1, 1942 г.

Сентябрь 13 (воскресенье).

Погода плохая. Каждый день льет и льет дождь. Осень началась слишком рано. Настроение плохое. Положение с каждым днем ухудшается. Дома ничего нет; ни муки, ни картофеля. Основная наша пища сейчас — морковь и помидоры, которые пока еще растут на огороде. На рынке гетто продаются лучшие яблоки, сливы и груши, но, к сожалению, все это не для нас.

Сентябрь 14 (понедельник).

Случайно попала в бригаду¹. Была недалеко от рыбного рынка. К моему большому удивлению, речи и мысли евреев только и вращаются вокруг пакета². Хотя нам запрещено что-либо проносить в гетто или вообще что-нибудь покупать, наши люди рискуют и покупают. Спрятав продукты в разных местах одежды, пытаются пронести через ворота. Даже имея при себе пять килограммов, ухитряются «чисто» пройти проверку. Вот это народ! Такой народ никогда не погибнет. Для него не существует никакие приказания, никакие запреты. Наш народ никогда не будет соблюдать такие запреты. Поэтому он всегда будет существовать и не даст себя уничтожить.

¹ Бригада — так называли в гетто группу людей, выполняющих тяжелые работы за пределами гетто.

² Пакет — свертки с продуктами питания, которые, несмотря на строжайший запрет, проносили через ворота гетто.

Сентябрь 15 (вторник).

Скучно. Голод ощущается все больше и больше. Нет новостей, которых мы так жаждем. Я благодарю Бога, что имею книги. Когда кругом свирепствует осень, я сижу, съездившись в комнате, и читаю свое богатство — «Детскую Энциклопедию». Стоит только углубиться в эту книгу, и ты забываешь об осени, голоде и холоде. Ты забываешь обо всем. Перед тобой открывается все то, что пережили и выстрадали люди, изобретая разные новшества: машины, книги и др. И как из-за своих изобретений, приносящих пользу человечеству, они подвергались страшным мучениям, сжигались на кострах.

Сентябрь 16 (среда).

В гетто опять беспокойно. Ожидается какая-то комиссия из Берлина, поэтому людям приказано убрать особенно красиво и чисто комнаты, подмести дворы, сказано, чтобы как можно меньше мужчин шаталось без работы.

Говорят, будто бы, от этой комиссии многое зависит. Ну, увидим!

Сентябрь 17 (четверг).

Оживление. Завтра ожидается комиссия. Заметно усилилась проверка у ворот. Трудно что-либо пронести, и поэтому на нашем рынке поднялись цены. Вообще болтают, что эту комиссию литовцы вызвали специально из Берлина, чтобы избавиться от нас. Ну, мы еще посмотрим!

Сентябрь 18 (пятница).

Приехала столь ожидаемая комиссия. Сначала она посетила «веркштаты»³. Впечатление неизвестно. Я должна сидеть дома, полицейские никуда не пропускают. А так все по-прежнему. Продаем последние вещи, покупаем продукты и кое-как питаемся.

Сентябрь 19 (суббота).

Комиссия посетила комитет⁴. Шеренги полицейских не пропускают на улицы. Я кое-как пробралась и пошла в лавку за мясом. Получила двойную порцию, только не мяса, а всяких внутренностей: легких, кишок и других частей. Не знаю, что можно сварить из всего этого, завтра попробуем. Хотя это «мясо» слегка пахнет, но это неважно, важно, что его много.

Сентябрь 20 (воскресенье).

Приготовили неплохой обед. Я нажралась как свинья, потому что остальные члены семьи не могли есть. Ощущаю сытость, и сразу мир выглядит иным, кажется, так весело и хорошо жить, хочется шалить. В эту минуту просто не могу понять, как это человек может быть голоден. Не зря есть пословица: «Сытый голодного не разумеет».

Сентябрь 21 (понедельник).

³ «Веркштаты» (нем.) — мастерские.

⁴ Комитет («Aeltestenrat» — Совет старейшин). Он был создан немцами для поддержания внутреннего порядка и для разрешения разных административных вопросов в гетто.

Открылась старая рана — начался учебный год. Больно мне, очень больно, что еще один год пропадает. Но ничего не поделаешь. Утешаю себя чем только могу. Сегодня великий пост — день Йом Кипур (Судный день). Люди постятся. Все так же, как и в прошлом году: поздравления с праздником, пожатия рук, плач и пожелания, чтобы в этом году кончилась война и наши страдания. (Ах, все это старо и банально). Про ту комиссию пока еще ничего не слышно.

Сентябрь 22 (вторник).

У ворот проверяет еврейская полиция. Литовцы все пропускают, только евреи сами отбирают. Люди очень возмущаются таким поведением. По ночам через забор идет торговля. Часовые подкупаются, поэтому они «ничего не видят». Наше положение понемногу улучшается. Продаем последние вещи. Что будет дальше — не знаю. На фронте бои идут все еще у Сталинграда. Бои идут уже на улицах, но немцы пока еще не могут взять город.

Сентябрь 23 (среда).

По ночам усиливается воровство. Особенно много воруют на огородах, принадлежащих комитету. Там совсем неплохо уродилась картошка. Я тоже присоединилась к одной группе детей, ночью мы накопили немало картошки. Но сегодня комитет спохватился и послал людей выкопать картофель. Так ничего нового.

Сентябрь 24 (четверг).

Осенняя погода. Солнце борется с дождем, желтые листья шелестят от порывов ветра, а люди копают картошку. Все это так привычно, так мило. Сегодня в гетто был один инцидент: когда ввозили дрова — под ними нашли муку. Это так не пройдет. Пока арестовано пять человек. Думают, что их расстреляют.

Сентябрь 25 (пятница).

К празднику нам преподнесли новый сюрприз: приказано освободить довольно большую площадь, заселенную узниками гетто. Урезается целый район из пяти улиц: от ул. Вьеножинскё до ул. Демократу. Срок до первого. Опять волнения, заботы. Люди ищут жильё. Это, видимо, «работка» последней комиссии.

Сентябрь 26 (суббота).

Надо потесниться. Каждому человеку теперь дается 2,4 метра. Мы принимаем к себе еще двух людей. Я опять буду спать в спальне. Будет очень неудобно. Сегодня целый день занимались перестановками, поэтому не имею времени писать.

Сентябрь 27 (воскресенье).

Неспокойно. Сегодня вывозят 200 женщин в Палемонас. Там очень тяжелая работа. Погода замечательная. Началось бабье лето. У нас с продуктами дела улучшаются, тем более что я получила карту⁵ в Марву⁶. Опять начну работать. Завтра уже пойду, надеюсь принести

⁵ Карта — удостоверение работающего, которое выдавалось всем рабочим в бригадах.

⁶ Марва — пригород Каунаса. Там находились обширные поля и выращивались овощи. На прополку полей и

овощей.

Сентябрь 28 (понедельник).

Работала в бригаде. Мне там очень понравилось. Есть дают два раза в день. Работаем в поле на уборке овощей, которые берем, сколько хотим. Через ворота нас пропускают без придинок, потому что возвращаемся поздно. Так ничего нового.

Сентябрь 29 (вторник).

Положение улучшается. На рынке гетто дешевет продукты, так как много их поступает через забор. Жить становится легче. Между прочим, рассказывают, что наши мучители NSKK⁷ 4-й батальон погиб на фронте. На здоровье им!

Сентябрь 30 (среда).

Сегодня опять была на работе. Сейчас буду ходить через день. Работали мы на уборке свеклы и капусты. Взяла себе около пяти кг овощей, кроме того, еще кое-что купила, так что получился неплохой пакет. Только нести было очень тяжело — дорога такая дальняя.

Октябрь 1 (четверг).

Чудный день. Так тепло, что можно купаться. Стараюсь не думать о том, что сегодня день рождения Рудика⁸. День пролетел в уборке и в приготовлениях к завтрашнему дню. Думала, что не засну, такая теплая стояла ночь. (Больше не о чем писать).

Октябрь 2 (пятница).

Бр..бр..бр... — сегодня так устала, еле живая вернулась из города. Тащила 10 кг овощей. Было очень неудобно и тяжело нести. Следующий раз возьму рюкзак, будет во сто крат легче. Продали пальто отца и наше положение улучшилось. Между прочим, срок переселения с ул. Вьеножинскё продлен до 5 числа.

Октябрь 3 (суббота).

Ничего особенного. Сейчас торговля через забор идет в ускоренном темпе, так как через пару дней сообщение с ул. Вьеножинскё будет закрыто. Продукты очень подешевели, в городе тоже все дешево.

Октябрь 4 (воскресенье).

Отдыхаю. Дома очень скучно. Хочется, чтобы скорее прошло воскресенье, так тянет в город. Витас⁹ иногда кое-что приносит, но со мной не сравнишь. Я каждый раз приношу

на уборку овощей посылались из гетто детские и женские бригады.

⁷ NSKK (нем.) — заглавные буквы Nationalsozialisther kraftfahrer Kompanie) воинское подразделение, свирепствовавшее в гетто некоторое время.

⁸ Рудольф — старший брат Тамары. Родился 1/X — 1925 г. в Каунасе. Расстрелян на VI форте летом 1941 года.

⁹ Виктор — средний брат Тамары. Родился 6/VI — 1927 г. в Каунасе. Умер в Хайфе в 1980 г.

около 13–15 кг, и чистой прибыли получается примерно 500–600 руб. Поэтому и питаемся неплохо. Но как долго это так будет продолжаться? Еще неделя, а потом опять голод.

Октябрь 5 (понедельник).

На улицу Вьеножинскё ворвались литовцы. С торговлей покончено. С жильем сейчас очень плохо. Людям некуда деваться. С нашими новыми соседями (Гайстами)¹⁰ мы уживаемся неважно. Он хороший человек, но она невыносима. Витя по этому поводу сочинил стихотворение «Соседка». Сегодня я вернулась в десять часов. Брала с собой рюкзак, поэтому нести было не слишком тяжело.

Октябрь 6 (вторник).

Появился новый приказ, требующий отдать все имеющиеся сырье, оборудование и деньги. Хотя приказ строгий, но люди не волнуются. Три раза совершали ошибки, на четвертый раз их избежим. Никто даже и не думает ничего отдавать. Мы расходует наши деньги на покупку продуктов. Удивительно, но за деньги еще можно купить все, что только хочешь.

Октябрь 7 (среда).

Ничего особенного. Наступили дождливые дни. Домой возвращаюсь промокнув до костей. Витя пока еще не получил бригады. Отец надеется при помощи витамина «П» достать ему вскоре карту.

Октябрь 8 (четверг).

Папа недомогает, я этим озабочена. Сегодня нас обрадовало известие о гибели нескольких кровопийц из NSKK. Среди них и заклятый наш враг Иордан¹¹, наконец, свернул себе шею. Его труп привезли в Каунас.

Октябрь 9 (пятница).

Выдался тяжелый день. Целый день лил дождь. Пришлось работать под дождем, что было очень неприятно. Дорога домой тоже невыносимо тяжелая: темно, ничего перед собой не видишь, а кругом грязь — по колени погрязает в лужах. Да еще и рюкзак жмет плечи. Благодарила Бога, когда, наконец, достигли гетто. Сейчас хотя бы отдохну два дня.

Октябрь 10 (суббота).

Отдыхаю. Мы обсуждаем вопрос насчет печки, дров. Кажется, нет никакого выхода. Придет зима — будем мерзнуть. Сегодня вернулись бригады, которые работали в провинции. Они привезли большие пакеты.

¹⁰ Эдвин Гайст — композитор, немец. Он пошел в гетто вслед за своей женой еврейкой. Некоторое время они жили вне гетто, и Гайст даже учил музыке детей ответственного немецкого чиновника. Впоследствии семью Гайстов вернули обратно в гетто: его расстреляли на IX форте, а она отравилась.

¹¹ Фриц Иордан — гауптштурмфюрер СС, референт немецкого комиссара в Каунасе «по еврейскому вопросу».

Октябрь 11 (воскресенье).

Как только наступает воскресенье — сразу скучно. Не знаю, чем заняться. Витас сегодня тоже дома. С продуктами положение немного улучшилось. Сейчас получаем в «Параме» 90 г масла вместо 125 г мяса и еще дополнительно получаем 20 г масла — паек отца. Поэтому сейчас опять почувствовали вкус жиров. Но я соскучилась по мясу. Перечитываем прошлогодние записи и смеемся сами над собой.

Октябрь 12 (понедельник).

Дождь. Осенняя меланхолия и лужи на улицах Каунаса. Задумываюсь при виде детей, идущих в школу. О, были времена, вспоминаю с болью. Сегодня работали на уборке моркови, поэтому я ела сколько хотела, даже желудок испортила. Но и домой принесла.

Октябрь 13 (вторник).

Ходят слухи, будто понадобится 300 человек отправить в Ригу. Думаем, что найдется много добровольцев, потому что от ранее высланных были письма, что они там прекрасно¹² живут. Но все-таки в гетто очень неспокойно.

Октябрь 14 (среда).

Холодно. Сегодня такой ветер! Меня насквозь продуло. Ну, как вы думаете, в такую погоду простоять весь день во дворе?! Я уже не пишу «работать», ибо какая сейчас там работа! У меня все время болела спина, совсем как в прошлом году во время акции 28 октября. (Тогда простояли целых 12 часов на площади Демократов, не зная какой жребий вытянем — жить или умереть). Отчасти я и сама виновата, потому что не хочу теплее одеваться. Я все осторожничаю. Говорю, что если я сейчас теплее оденусь, то, что я буду делать зимой? Принесла домой неплохой пакет. Было хорошо идти — ноша согревала плечи.

Октябрь 15 (четверг).

Виктор, наконец, получил карту в бригаду Саргенай¹³ — одну из лучших. Надеемся на его поддержку. Между прочим, получили привет от нашей бывшей домработницы Марите. Она вернулась из деревни и хочет с нами увидеться. Может быть, удастся с ней встретиться.

Октябрь 16 (пятница).

Вот и грянул гром: официально объявлено, что требуется 150 мужчин и 150 женщин для отправки в Ригу. Началась большая паника — добровольцев нет. Будет плохо, если начнут брать насильно. У ворот проверка стала строже, ничего больше не пропускают нести — ни в сетках, ни в торбах. Но люди ухитрились сделать двойные подкладки, двойные подошвы, в шапки ухитряются складывать яйца и таким образом еще кое-что приносят в гетто. Но разве много спрячешь?

Октябрь 17 (суббота).

¹² Чтобы облегчить вывоз людей из гетто, немцы специально распространяли слухи, что вывезенным живется «прекрасно».

¹³ Саргенай — городок вблизи Каунаса. Там, на кирпичном заводе работали узники гетто.

Беспокойные ночи: ловят людей для отправки в Ригу. Никто не хочет идти добровольно. Большущая паника. Нас становится все меньше и меньше, пока совсем никого не останется.

Октябрь 18 (воскр.).

Тревожные дни. Опять оханье, плач. Опять разделяют семьи, отделяют мужчин от женщин. Прямо страшно, что здесь творится. Мы живем недалеко от кутузки, откуда раздаются душераздирающие крики младенцев. Никто из отправляемых в Ригу не надеется возвратиться, так же как и мы не надеемся когда-либо их увидеть. Однако, нужного числа людей (300) все еще нет. Дело в том, что многих освобождают по протекции, а на их место ищут других. (Сказка без конца).

Октябрь 19 (пон).

Каждую ночь новые облавы — все из-за Риги. Большинство семей забирают вместе с младенцами и стариками. Ах, чтобы, наконец, уехала эта Рига. Уже и проверка у ворот стала очень строгой. Ничего не дают пронести, всех пугают Ригой. Поэтому в бригады идут мало людей. В нашей бригаде вместо 100 сегодня было лишь 20 женщин.

Октябрь 20 (вторн).

Быстро проходят дни. Новостей никаких. Про Сталинград сочиняют смешные анекдоты. Наше положение, пока оба ходим в бригады, очень хорошее. Питаемся хорошо, но запасы сделать никак нельзя. Принесешь, хорошо поешь, а о дальнейшем думать не стоит. В этом году удивительно теплая осень. Вот уже и ноябрь на носу, а смотри, еще солнце греет, еще можно ходить без пальто.

Октябрь 21 (среда).

Сегодня поленилась и не пошла в бригаду. Однако и не стоит идти, потому что не дают ничего пронести. А из-за головки капусты не стоит проделывать такой длинный путь. Лучше помогу дома.

Октябрь 22 (четв).

Наконец-то завтра отправляют «Ригу». Все вздохнули с облегчением. Только подумайте, сколько времени продержали людей в кутузке. Многие сбежали, поэтому полагают, что завтра с бригад могут брать людей. Мне немного нездоровится, и мама не разрешает завтра идти, но я заупрямилась и пойду.

Октябрь 23 (пят).

Сегодня пошла. День был холодный, но сдельную работу скоро кончили и все время грелись у огня. Я довольна, что сегодня пошла, по крайней мере — пополнила иссякающие запасы продуктов. Брат тоже кое-что приносит. В гетто паника утихла — «Уехала Рига». Снова сможем некоторое время спокойно пожить, пока опять что-нибудь не произойдет.

Октябрь 24 (субб).

Приятно лежать в кровати после вчерашнего холодного дня. Я имею привилегию лежать до обеда, и пользуюсь этим на все 100 %. Сегодня распространяются странные слухи: о

мирных переговорах и о 24-часовом перемирии, но, увы, умные люди не принимают этого всерьез.

Октябрь 25 (воскр).

Воскресенье... День отдыха Вити. И опять то же воскресенье, и опять те же ссоры из-за доставки воды, колки дров, из-за хлеба, тарелки супа. Ах, в самом деле, как малые дети. Ни одного дня, единственного дня в неделе, не можем не ссориться.

Сегодня много хороших слухов. Говорят, что Литва получит независимость, но мобилизуют всех мужчин. Говорят, что немцы разбиты под Сталинградом и что они набирают новую армию. Кроме того, сильно бомбили Италию, и началось большое наступление в Африке. Болтают, что создается новое правительство в Литве. Но от всего этого нам не легче.

Октябрь 26 (пон).

Ожидаем подтверждения слухов. В городе об этом еще ничего не слышала. Проверка у ворот хорошая, поэтому я использую последние дни в сезонной бригаде. Больше не о чем писать.

Октябрь 27 (втор).

Погода замечательная. Солнышко весело улыбается, и его последние лучи как будто хотят согреть нас на прощание. Даже не сравнить с прошлым годом, тогда в это время уже был снег.

Октябрь 28 (среда).

Годовщина¹⁴. Нет! Не верится, что так скоро, словно мгновение ока, может промчаться год. Печальная годовщина. Но нельзя жаловаться. Я почти рада, что все это было в прошлом году, что уже произошло то, что должно было произойти. Правда, мы не можем знать, что ждет нас в будущем, но об этом лучше не думать, братцы. Пусть свершится то, что неизбежно, а пока мы довольны куском сухого хлеба и теплой кроватью. Ко дню годовщины сочинила стихотворение «28 Октября».

Октябрь 29 (чет).

Вчера принесла колоссально. Несла на своих слабых плечах 20 кг. Сама сейчас не понимаю, как я дошла. Сегодня очень ноют кости, и поневоле приходится лежать в кровати. Но, несмотря на это, я очень довольна.

Октябрь 30 (пят).

Сегодня утром была у ворот, но сказали, что не разрешат ничего пронести. Поэтому, желая показаться умной, я вернулась домой. Кроме того, на дворе уже холодно, и мне невыгодно было идти. Но все-таки я просчиталась — вечером совсем не было контроля и все прекрасно прошли. В общем, не о чем писать.

Октябрь 31 (субб).

¹⁴ 28 октября 1941 года в Каунасском гетто была проведена так называемая «Большая акция». Во время этой «акции» угнали из гетто почти 10 000 узников и 29 октября 1941 года расстреляли их на IX форте, расположенном недалеко от гетто.

Быстро бегут дни. В гетто поступает много овощей, но уже стали закрывать сезонные бригады. Я подумываю о другой бригаде, но не знаю, стоит ли мне вообще идти: холодно, нет обуви. Впрочем, подумаем.

Ноябрь 1 (воскр).

Быстро мчится время. В ноябре начинается зима. Ее мы не очень-то ждем. Сегодня получили дрова. Работали тяжело, пока все перетаскали. Мы планируем поставить железную печурку, чтобы меньше уходило дров, и чтобы было теплее. Но с топливом, скорее всего, будет тяжело, ибо его хватит только до декабря, а потом... надеемся, что война закончится.

Ноябрь 2 (пон).

Неприятный день. Меня «отрезали» от бригады и послали на аэродром. Впервые я попала на аэродром. Но это еще ничего — главное, что по возвращении в гетто нас, 8 женщин, без всякой вины посадили в кутузку. Это уже была беда: холодной ночью спать в нетопленном помещении, лежа на голых нарах. Лежала, прислушиваясь к урчанию в животе. Камера была битком набита. В углу стояла параша. Ужасная вонь не позволяла сомкнуть глаз. Эту ночь я никогда не забуду. Лежу за двойной решеткой и думаю: за что? Ничего дурного мы не совершили. Вот настали времена! Мало того, что немцы нас судят и убивают, — как им заблагорассудится, так еще и своя полиция своевольничает. Мне еще повезло: с утра папа меня освободил при помощи витамина «П». Других отправили прямо с кутузки на работы. Вернулась домой измученная, но веселая. Вот, говорю, двух зайцев одним махом убила. На всякий случай спросила папу, останется ли сейчас пятно на всю мою жизнь — ведь я уже теперь и в тюрьме побывала...

Ноябрь 3 (втор).

Ночь, проведенная в кутузке, оставила тяжелое впечатление. Не хочется даже идти в бригаду, когда видишь, что без вины можно так пострадать. Настали времена, когда каждый мошенник волен судить, как ему вздумается. Для справедливости не осталось больше места в этом мире. О Боже, что нас ожидает? Погибнет мир во лжи!

Ноябрь 4 (среда).

Так и не пошла на работу сегодня, ну ее к черту, эту бригаду! Дома быть намного лучше. Сейчас мы готовимся к зиме. Вставляем двойные рамы, ремонтируем двери, затыкаем щели тряпками и исправляем разные мелочи. Полагаю, что я-то не замерзну зимой, ибо в мое ведение переходит «замечательное» пальто Виктора. Только еще надо подумать — откуда взять перчатки. Ах, что тут долго думать — «пойду в магазин и куплю». Больше не о чем писать. Будьте здоровы.

Ноябрь 5 (четв).

Ничего. Жизнь идет по старому руслу. Виктор временно перестал ходить в бригаду. Но нас еще поддерживает моя морковь. Погода приятная. Я много помогаю дома, так как нечего читать. Очень соскучилась по печатному слову. Но что поделаешь? Надо смириться, в гетто библиотек нет, а свои книги мы сожгли, чтобы не отдать их немцам.

Ноябрь 6 (пят).

Следим за политическими событиями. Пока что крупные победы в Африке. Будто бы союзники заняли Марокко и Алжир. Эти новости широко обсуждаются в гетто. Но что с этого? Нам не лучше.

Ноябрь 7 (субб).

Наступило похолодание. Сегодня выпал тонкий слой снега. Он вскоре растаял. Надеемся, что зима сжалится над нами и не будет суровой. В Марву я больше не пойду. Нет желания. Может быть, больше совсем не буду ходить в бригаду, а, может, пойду в другую. Витя, этот лентяй, совсем обленился. Лег в кровать, стал кашлять и что ты ему сделаешь — не хочет идти в бригаду и баста.

Ноябрь 8 (воскр).

Виктор поступил в ремесленную¹⁵ школу на курсы жестянщиков. Из него выйдет жестянщик, как из меня столяр. Но что с ним поделаешь? Пускай поучится. Сейчас так холодно идти в бригаду, замерз бы бедняга. Все ловят новости, а их так мало. Жизнь так скучна и монотонна, что и в самом деле мой дневник будет совсем неинтересным, ибо не о чем писать.

Ноябрь 9 (пон).

Сильно похолодало. Я по возможности стараюсь реже выходить на улицу. Думаю много. Иногда сердце вырывается из грудной клетки, воспоминания волнуют и мучают. Тяжело бывает в такие минуты. Но я научилась заглушать сердечную боль. Воспоминания заставляют умолкнуть и черпаю настоящую жизнь полной мерой. Часто болит сердце при воспоминании о подруге Изольде. Но и ее вместе с другими пытаюсь вытеснить из сердца и не могу, ибо эта рана слишком глубокая.

Ноябрь 10 (втор).

Новости хорошие. В гетто настроение приподнятое. Кажется, вот-вот уже и кончится эта злополучная война. В общем, лень много писать.

Ноябрь 11 (среда).

Дела наши плохи. Кончается пища. Новых поступлений нет. Ни я, ни Виктор в бригады не ходим. Мамочка озабочена. Но я не морочу себе голову, дали бы только спокойно жить, как-нибудь проживем.

Ноябрь 12 (чет).

Быстро летит время. Погода меняется, но пока нельзя жаловаться, еще не холодно. Надеемся, что в этом году не замерзнем, ибо мы учтем прошлогодний опыт. В отношении отопления гетто еще посмеется над городом, потому что почти все здесь поставили железные печурки, которые обогревают комнату, не расходуя много дров. В городе же, с центральным отоплением, жители совсем оледенеют, ибо нет дров, а тем более угля.

¹⁵ Ремесленная школа открылась в марте 1942 года. Состояла из разных курсов: жестянщиков, столяров, огородников, портных и др. Ремесленная школа выполняла большую воспитательную работу среди молодежи гетто. В ее рамках действовала нелегальная сионистская организация «АБЦ».

Ноябрь 13 (пят).

Случаются еще разные инциденты между нами и не совсем нормальными немцами, но намного реже, чем в прошлом году. Например: в одной бригаде недавно нашим на обед сварили кошек. Конечно, никто их не ел. Пожаловались начальству, которое поддержало нас. Ну, мало ли попадается ненормальных людей.

Ноябрь 14 (субб.).

Немцы уже устали стоять у Сталинграда. Гетто призывает жертвовать стулья, чтобы они могли там посидеть (один из новейших анекдотов). Много смешного придумывают наши люди по поводу Сталинграда. Однако русские показали большое упорство, отстаивая матушку-Волгу.

Ноябрь 15 (воскр).

В гетто настроение скверное. Говорят об имевших место акциях в Друскининкай и Польше. Опасаются, чтобы не было акций у нас. Сегодня много поработали. Распилили с Виктором полкубометра дров и заработали 2 кг хлеба. Вкусен хлеб, заработанный собственным потом.

Ноябрь 16 (пон).

Ну, говорили люди и накликали беду. Вчера вечером один не совсем нормальный спекулянт¹⁶ стрелял в коменданта. Была страшная ночь, все приготовились умереть. Стрелявшего арестовали, также арестовали трех ответственных людей из комитета и взяли еще 20 заложников. Ночью в гетто никто не спал. Все были уверены, что за такое дело нас ожидает смерть. Но, слава Богу, ночь прошла спокойно, а с утра поползли утешительные слухи, будто он выстрелил только в воздух и поэтому гетто не угрожает никакая опасность.

Ноябрь 17 (втор).

Заложников освободили. Сегодня вывешено объявление от имени СД¹⁷, что никакой акции в гетто не будет. Предупреждают, чтобы не смели поднимать панику, а кто посмеет поднимать панику — будет повешен. И второе объявление, требующее сдать имеющееся в гетто оружие, так как у стрелявшего были найдены два пистолета, полный портфель золотых часов и колоссальная сумма денег. После того, как вывесили объявление, люди успокоились.

Ноябрь 18 (среда).

Несчастный преступник после страшных мучений был сегодня публично повешен. Виселицу соорудили возле комитета. Сам комендант выгонял из домов людей, чтобы посмотреть на это жуткое зрелище. Я, эта взбалмошная девчонка, не смогла преодолеть любопытство и тоже пошла посмотреть виселицу. Картина вовсе не такая жуткая. Только жалость охватывает, глядя на человека, столь много пострадавшего. Хотя другие говорят, что не надо его жалеть, ибо своим глупым поступком он мог погубить все гетто.

¹⁶ Наум Мек — узник гетто, схваченный за пределами гетто и оказавший немцам вооруженное сопротивление. Публично повешен в гетто.

¹⁷ СД — заглавные буквы (*нем.*) Sicherheitsdienst — служба безопасности нацистской партии.

Ноябрь 19 (четв.).

Невольно перед глазами все снова, и снова возникает виселица. Что жизнь по сравнению со смертью? Зачем тогда жить, зачем мучиться или бороться — все равно ждет смерть. Исчезнешь с лица земли, будто тебя совсем и не было. К месту здесь стихотворение Майрониса:

Исчезну как дымка в безоблачной дали.
Нигде не оставив следа.
Миллионы веками жили, страдали —
Не вспомнят о них никогда...¹⁸

Ноябрь 20 (пятн.).

Жизнь течет дальше. Ее не остановит никакая смерть, никакое жуткое событие. Жизнь течет и течет, умершие быстро забываются, ибо мир предназначен только для живых...

Сегодня получила в «Параме» 12 килограмм картофеля. Начался сезон гнилой картошки. Странно, еще не было больших морозов, а эта картошка уже успела замерзнуть. Мы еще благодарим Бога, что она не пахнет, в прошлом году вонючую и то ели.

Ноябрь 21 (субб.).

Впервые за полтора года догадались люди дать нам по половине кусочка мыла, немного «Феникса»¹⁹ и коробочку спичек. Хорошо еще, что иногда вспоминают о нас.

Ноябрь 22 (воскр.).

В гетто настроение хорошее. Все с интересом следят за победами союзников в Африке. Немцам стало туго, но они не падают духом, все еще упорно твердят, что только они, а не кто-нибудь другой, выиграют войну.

Ноябрь 23 (понед.).

Погода стоит хорошая. Земля подмерзла, но ни снега, ни сильных морозов еще, слава Богу, нет. Мы кое-как еще существуем. Такие же, как всегда: утратившие надежду, жаждущие новостей, голодные. Что касается голода, то пока нельзя особенно жаловаться — в прошлом году было хуже. Что тут много писать: все то же самое и вечно одно и то же.

Ноябрь 24 (вторн.).

Давно не читала книг. Сейчас их дьявольски трудно достать. Кроме того, вечерами темно, потому что выключают электричество. В темной и нетопленной комнате ничего другого не остается делать, как только лечь в кровать, поэтому в семь, а часто и в шесть часов, я уже лежу. Это самое плохое время, ибо, когда лежишь в темноте, мучают неумолимые воспоминания о прошлом, и никак нельзя от них избавиться. Сон проходит, и я так мучаюсь до

¹⁸ Перевод с литовского Виктора Лазерсона.

¹⁹ «Феникс» — название порошка, который употреблялся для чистки предметов домашнего обихода.

полуночи.

Ноябрь 25 (ср.).

Время летит. Приближается декабрь, Новый год. Что с этого? Зима, весна, осень и следующую зиму опять встретим если не на том свете, то снова в этом проклятом гетто. Как видите, я настроена пессимистически. Увы, вскоре все станем такими. Ничего не поделаешь, время бежит, а рана, кровоточащая рана, не заживает.

Ноябрь 26 (четв.).

Слава Богу, Витя на этой неделе кое-что приносит. Кроме того, нас поддерживает еще и паек гнилой картошки, поэтому чувствуем себя неплохо. Сегодня заказали печурку, которая будет готова через десять дней. За этот мизерный жестяной домик платим тысячу рублей.

Ноябрь 27 (пятн.).

Задумываюсь, о чем мне писать. На самом деле все то же самое, что и вчера, позавчера, год тому назад. Проверка у ворот все еще плохая: отбирают все продукты. О победах в Африке что-то больше не слышно. Ах, англичане всегда так делают: предпримут какой-нибудь шаг, возьмут какой-нибудь город и опять успокаиваются. Такая уж у них политика. Они ждут, пока враг окончательно истощится, у них есть время. Но они не знают, что у нас нет времени, что мы считаем дни в ожидании конца войны. Это их не волнует.

Ноябрь 28 (субб.).

Немцы заняли не оккупированную часть Франции, предвидя, что англичане хотят открыть здесь Второй фронт. Кроме того, русские у Дона прорвали линию фронта. Говорят, что русские начали свое большое наступление на Прибалтику. Но ничего определенного...

Ноябрь 29 (воскр.).

Хорошая погода. В воскресенье у нас самая страда — Виктор дома, мы пилим дрова и делаем все, что требуется по хозяйству. К сожалению, этих дров очень мало осталось, а чтобы давали новые — пока еще не видно. А, все равно будем мерзнуть, и все тут. Не было бы гетто, если было бы все хорошо.

Ноябрь 30 (понед.).

Наступила настоящая зима. Дети вытащили саночки. Кругом саночки, саночки и покрасневшие, веселые лица детишек. Такая приятная, привычная картина. Хотелось бы и мне, все позабыть, схватить саночки и мчаться вместе с детьми наперегонки с ветром. О, были времена — вспоминаю с болью. Были две неразлучные подруги, были саночки, были горки. Но все это было, и исчезло, как сон, который вторично не приснится.

Декабрь 1 (вторн.).

— Декабрь, уже декабрь, — бессмысленно шепчут губы. Но что с этого: еще один месяц канет в бездну, промчится без пользы, монотонно.

— Дедушка, дедушка декабрь, принеси нам мир! В декабре родился Христос. Декабрь, ты дал человечеству Спасителя, дай и нам, обездоленным, такое привлекательное слово, золотое слово — МИР!

Декабрь 2 (среда).

Виктор опять ничего не приносит. Только одну неделю было у ворот лучше, сейчас снова ничего не пропускают. Ничего нет вечного в этом мире. Просматривала газету, но она так несказанно пуста, и до того лжива, что лучше ее совсем не читать, только настроение портится.

Декабрь 3 (четв.).

Не холодно, погода весьма приятная. Кажется, зима не столь страшна, как мы ее себе представляли. Выпало много снега. Я пользуюсь прелестями зимы — катаюсь на саночках. Так, ничего особенного.

Декабрь 4 (пятн.).

Много новостей! Болтают о волнениях в Италии. Кроме того в газетах признаются некоторые победы русских. С наступлением зимы воевать в России стало очень тяжело. Начались метели и морозы. Желаем врагам поскорее свернуть себе шею.

Декабрь 5 (субб.).

Не о чем писать. Дни проходят такие похожие друг на друга. Я работаю, как всегда, Виктор ходит в бригаду и, как всегда, ничего не приносит. Пищи, как всегда, мало, а мы все еще сидим в гетто, хотя уже давно пора выйти.

Декабрь 6 (воскр.).

Сегодня, читая газету, увидела соболезнование семье Доминас. Что случилось? Оказывается, погиб Генрикас. Что и как — не написано. Я остолбенела. Погиб Доминас, погибла Изольдина и моя любовь. Дальше газету не смогла читать. В голове роились печальные мысли. Так друг за другом гибнут, умирают друзья детства. Когда же мой черед? Смерть, о, всемогущая смерть! Что значит вся жизнь перед одним мгновением смерти?!

Декабрь 7 (понед.).

Виктор слег. Слегка простудился. Несколько дней побудет дома. Между прочим, забыла написать, что вчера в гетто были кое-какие неприятности, какие именно, упоминать не буду, скажу лишь, что все кончилось благополучно.

Декабрь 8 (вторн.).

Погода отличная. На дворе настоящая весна. Солнышко мило улыбается, снег тает, а нежный ветерок слегка гладит, будто целует тебя. Приятно находиться во дворе. На лоне природы забываешь свой злой рок.

Декабрь 9 (среда).

Раньше не было желания писать о том, что 3/ХІІ (неделю тому назад) нашего знакомого Гайста, о котором я уже упоминала в прошлом году, прислали из города снова в гетто и посадили в кутузку. Почему? И что стало с его женой? Неизвестно, Слушаю рассказ о нем и, кажется, будто читаю интереснейший криминальный роман. Полагают, что Гайсту нацепят

желтые знаки и поместят обратно в гетто.

Декабрь 10 (четв.).

Быстро мчатся дни. Виктор изредка кое-что приносит. Сейчас совсем не стоит приносить, ибо разница в ценах между гетто и городом очень незначительная, а если иногда что-либо отбирают, то получается еще дороже, чем купить в гетто. Такая дешевизна сейчас потому, что много продуктов поступает в гетто через забор. Мы все здоровы и пока еще живы.

Декабрь 11 (пятница).

Чтобы немного забыться, в гетто стали устраивать концерты. Вот, к примеру, завтра будет ужин для врачей. Приготавливают несколько бутербродов, стакан чая и программу, состоящую из творчества гетто. Есть очень красивые песенки и стихи. Итак, люди забываются на один вечер и чувствуют себя вроде бы в другом мире. Правда, некоторые, более низкого культурного уровня люди, очень возмущаются этим, но они неправы. В гетто многие пишут: папа сочинил немало эпиграмм о нашей жизни, Витя тоже сочиняет стихи. Совсем недавно он написал прозу «Один день в гетто».

Декабрь 12 (субб.).

Пишу сразу по возвращении из города. Давно уже там не была. Вчера получила «пассиршайн»²⁰ на фабрику «Гума», где сегодня работала. Пишу работала, но я даже не заходила на фабрику. Весь день провела у Темпельгофов²¹, где меня хорошо накормили и дали много ценных продуктов. Очень приятные люди, они из Польши, папины знакомые. Одним словом, принесла 15 кг, вернулась в 15 часов и осталась очень довольна. Может, и чаще пойду, не знаю. А стоило бы.

Декабрь 13 (воскрес.).

Вчера мне повезло. Наверно, Боженька меня любит: дал такую чудную погоду, действительно думала, что настал апрель, столь теплы были лучи солнца. Сегодня уже не то. Пасмурно, туман застилает небо. Чувствую себя, как в Англии.

Декабрь 14 (понед.).

Кончатся дрова. Наша печурка еще не готова. Будет печурка — не будет дров. Вот так номер. Не видать, чтобы в гетто ввозили дрова. Придется покупать. Никогда не может быть хорошо. Сейчас с продуктами немного лучше, так нет дров. Ну и жизнь!

Декабрь 15 (вторн.).

Опять новости. Уже и через маленькие ворота ничего не пропускают. Сегодня была страшная проверка. Все отбирали. Дело в том, что у ворот стоял сам комендант, он очень энергичен в этом отношении. Помимо этого, вечер романтичный и настроение неплохое.

²⁰ «Пассиршайн» (нем.) удостоверение рабочего, работающего за пределами гетто.

²¹ Темпельгоф — инженер-специалист резиновой промышленности, беженец из Польши. Его со всей семьей переселили из гетто в отдельный домик, поблизости к фабрике «Гума». После того как он наладил технологический процесс на фабрике, его и всю семью расстреляли.

Декабрь 16 (среда).

Нет света. Испортилось что-то на электростанции и мы, и город погрузились в темноту. При свете свечки не могу писать. К черту!

Декабрь 17 (четв.).

Говорят, что все союзные государства объявили протест: в течение двух минут было остановлено движение и люди склонили голову, сочувствуя нам. Очень приятно, что нас вспоминают. Но что из этого?

Декабрь 18 (пятн.).

В гетто настроение подавленное. Дело в том, что немцы уже отреагировали на вчерашний протест. Идут слухи о манифестациях в Германии и что каждую минуту по радио передают: «Евреев надо уничтожить. Евреев надо уничтожить!» В гетто началась паника.

Декабрь 19 (субб.).

Баста. Уже окончательно у нас не будет света. В городе есть, но потому, что на станции не хватает угля, страдаем мы — в гетто отключается свет. обойдемся и без света, так же, как обходимся без многого другого, дали бы только жить. О, жизнь! Сладка жизнь в преддверии смерти.

Декабрь 20 (воскресенье).

Несмотря на наше положение и все наши беды — сегодня в гетто концерт. К сожалению, я не достала билета и не могу описать этот концерт. Это настоящий пир во время чумы. Как видите, я настроена пессимистически, но что делать? «Что-то будет? Co to będzie?»²² — шепчут губы. Когда сидишь в темноте или при свете свечки — одолевает меланхолия. О, смерть! Какая мощь в Тебе! Жил, умер — и не осталось от тебя следа.

Декабрь 21 (понед.).

Работы на аэродроме кончаются. Но вместо аэродрома имеется похуже место — это строительство Зеленого моста. Так ничего нового.

Сидим без света.

Декабрь 22 (вторн.).

Сделали так называемые «лампады»: налили масло, из ваты скрутили фитиль, и эта штука горит. Конечно, немного воняет, но это лучше чем сидеть совсем в потемках. Люди постарше вспоминают, что во время Первой мировой войны тоже жгли такие лампады. Так вся культура идет не вперед, а назад.

Декабрь 23 (среда).

Имеются хорошие новости. Говорят, что Палестина получила независимость. Гетто

²² Co to będzie (польск.) Что же будет?

ликует. Эту новость передало английское радио, но в газетах, конечно, об этом ничего нет. В честь праздников Виктор имеет свободную неделю.

Декабрь 24 (четверг).

Сочельник. Тихий и мрачный вечер. Где-то воеет собака. На дворе дождь. Дождевые капли, своим монотонным постукиванием, настраивают на мрачный лад. Грустно. Ничто не напоминает о празднике: «И снега нет на улице, ворона не прогуливается, и нет облатки белой на праздничном столе». (А. Мишкинис).

Декабрь 25 (пятница).

Рождество без снега — явление редкое. Лужи, серое небо. Неужто еще осень, — трепещет сердце, неужели зима еще только начинается. Не хочется верить, хотя по календарю точно так. Но, успокаиваю себя: что там календарь, вранье. После рождества уже весна, настоящая весна. Весна, солнце, — трепещет сердце и, будто бы, уже ты чувствуешь приятный солнечный луч. Но эти иллюзии только на мгновение — за окном суровая и холодная зима, зима еще на целых два месяца.

Декабрь 26 (суббота).

Ну, слава Богу, сегодня у нас поставили печурку. Кажется такая маленькая, а сожрала тысячную. Но, по крайней мере, будет тепло, если как-нибудь разрешим проблему дров. Больше ничего нового.

Декабрь 27 (воскресенье).

Сегодня купили полметра дров за 1 500 рублей, считается недорого. Но должны были все сами притащить. Сейчас уже имеем и печку, и дрова. Считаем, что при большой экономии дров должно хватить до марта. Остальное без изменений.

Декабрь 28 (понед.).

Погода сухая, приятная. В этом году декабрь прошел без снега. А так у нас все то же самое: но нет — раньше было холодно, а сейчас тепло, а-а-а, сущее удовольствие. Я имею новую работу: сижу у печки и сторожу огонь. Работа приятная, поэтому из-за нее иногда приходится ссориться с Витей. Но ничего. Собираю творчество гетто, очень красивые песни.

Декабрь 29 (вторн.).

Сжалились наконец над нами и дали свет. Так приятно сидеть в светлой и теплой комнате, хоть и с урчащим желудком, и читать книгу. Это не то, что было раньше — когда сидели в темной и холодной, как погреб комнате.

Декабрь 30 (среда).

Не о чем писать. О господине Гайсте я все это время не упоминала, но с грустью пишу, что он погиб. Жаль мне его, но не такое уже чуткое мое сердце. Ах, все равно раньше или позже — все мы погибнем.

Декабрь 31 (четв.).

Мрачная новогодняя ночь. Решается наша судьба. Суждено ли нам в 1943 году увидеть солнце? Стараемся быть веселыми, но это нам не удается. Не желая нарушать традицию, сделали сегодня хотя бы ужин получше. Не думайте, даже с кислой капустой. В двенадцать часов раздаются выстрелы — это встречают в городе Новый год. Но мы молчим, не слышим. Мы давно, не дождавшись двенадцати, заснули.

Глава 2, 1943 г.

1943 год УРА!!!

Январь 1 (пятн.).

Приветствую Тебя, день новый! Что предвещаешь: счастье или мученья? Несешь ли приговор нам, утвержденный кровью, или в новогодний дар — прощенье. В ночь новогоднюю как раз решалась судьба гетто, и даже в свой последний час я буду помнить ночьку эту.

Январь 2 (субб.).

В связи с Новым годом, наши рабочие имеют несколько свободных дней. Работы на аэродроме уже почти закончены — там теперь работают только женщины. Для мужчин есть еще худшая каторга — строительство Зеленого моста. Работа там очень тяжелая. Поэтому, точно, как в прошлом году ловили людей для работы на аэродроме, так сейчас ловят для работы на Зеленом мосту.

Январь 3 (воскресен.).

Der Hei²³ выступал с речью, в которой, как всегда, не забыл и про нас. Но говорит он уже не так, как в прошлом году, далеко не так! Тяжелые бои идут у Великих Лук. Город переходит из рук в руки. Сталинград теперь редко упоминается в газетах.

Январь 4 (понед.).

Выпало очень много снега. Папа сегодня был в городе и принес много продуктов. Мы опять восстановили связь с некоторыми знакомыми литовцами. Больше ничего нового.

Январь 5 (вторн.).

Виктор уже в бригаду Саргенай не ходит, отдал карту и все. Сейчас, как вечный бродяга, переходит из бригады в бригаду. Маме нездоровится — у нее жар, и, кроме того, такой большой фурункул, что она не может сидеть. В моих руках работа «кипит».

Январь 6 (Среда).

Праздник «Трех королей». Тепло, но очень, очень много снега. У нас новостей нет. Проверка у ворот немного улучшилась. Остальное по-старому.

Январь 7 (четв.).

Дела наши идут неплохо. Папа сейчас зарабатывает лучше, кроме того, нас

²³ Der Hei — прозвище Гитлера в гетто.

поддерживает кое-кто из города. Нельзя даже сравнить наше теперешнее положение с тем, что было в прошлом году. Наша комната просохла; в прошлом же году с потолка текла вода. Но все-таки очень сыро, с окон и со стен течет вода. Бр, бр, бр, Бог весть какую холеру можно схватить в таком жилье.

Январь 8 (пятн.).

Настроение плохое. Рассказывают о каких-то акциях в Вильнюсе и Риге. Опасаемся, что и у нас может такое произойти. Остальное без перемен.

Январь 9 (Суббота).

Начинаются морозы. О, Боже мой, как окоченели ноги. Ну, братцы, зима еще не раз покажет себя: слишком рано обрадовались. В комнате тоже не очень тепло. Ну, теперь-то мы уже погибли!!

Январь 10 (Воскресенье).

Много работы с дровами. Каждое воскресенье мы их пилим и колем на всю неделю. Дрова нам достались не первого сорта, достаточно сырые. Что касается нашего пропавшего костюма, то мы подали в суд²⁴, и дело будет разбираться. Глупая история.

Январь 11 (пон).

Сегодня 15 градусов мороза. Считаем дни, оставшиеся до марта. С тоской ждем весны. Получили паек — не совсем аппетитную конину. Жиров нет ни крошки. Виктор ходит в бригаду, но мог бы и не ходить, так как ни черта не приносит.

Январь 12 (вторн.).

Дни бегут, будто кто-то их гонит. Имею много книг. И слава Богу, чтобы не сидеть сложа руки, буду учиться писать и читать по-еврейски. Дома много работы. Нет времени ни тосковать, ни мечтать, ни грустить.

Январь 13(среда).

Убрали коменданта. У ворот стало легче. Ввозят картофель и дрова. Очень холодно. В «Параме» получаем замерзший картофель. Хлеб дают регулярно.

Январь 14 (четв.).

Коченеют руки, мерзнут ноги. Совсем не хочется ничего писать. Я превратилась в настоящую мумию. О, весна, весна, как приятно произносить твое имя!

Январь 15 (пятн.).

Слава Богу, прошло половина января. До весны осталось только 45 дней. Дров тоже хватит до марта. Одним словом, все свои надежды связываем с мартом.

²⁴ В гетто был еврейский суд, который разбирал конфликты между узниками. Осужденные помещались в геттовскую кутузку.

Январь 16 (суббота).

Суббота, воскресенье, воскресенье, понедельник — мчитесь, мчитесь, дни! Назад не возвращайтесь. Я уже научилась немного писать по-еврейски. С чтением дело пойдет легче. Ах, нет ничего более легкого на свете, чем овладеть письменностью своего народа.

Январь 17 (воскресен.).

Грустно мне. О, Рудик, эта рана не дает мне жить. То, кажется, зарубцуется, то опять вскрывается и сильнее болит. Боже, что с Рудиком, что с ним? О, позволь ему вернуться домой! Верни матери ее дитя!!

Январь 18 (понед.).

Не о чем писать.

Январь 19 (вторн.).

Наконец-то, мороз лопнул. Вздохнули с облегчением. Сегодня дует сильный ветер, видимо, опять выпадет снег. Настроение хорошее. Скоро кончится январь. Фронтные новости очень хорошие.

Январь 20 (Среда).

Вечерами сидим без света. Много хороших новостей. В гетто ввозят дрова и продают по доступным ценам. Может быть, и мы купим. Получили кое-что от Зоси.

Январь 21 (четверг).

Очень сыро. Может быть, уже весна? Виктор сходит с ума. Книг имеем сейчас больше. Но мне очень грустно. Может, из-за тебя, Казис²⁵? Не знаю.

Январь 22 (пятн.)

Завершился последний акт трагедии с Гайстами. Его расстреляли на IX форте, а она, бедняжка, отравилась. Жаль. Траур в сердце из-за этой несчастной пары.

Январь 23 (суббота).

Нина болеет желтухой. Навещаю ее. На дворе опять подмораживает. С еврейским языком продвигаюсь хорошо. Уже читаю по слогам. Писать — совсем ерунда. Газеты стали интереснее. Русские побеждают на всех фронтах. Может, вскоре взойдет солнце и нам.

Январь 24 (воскресен.).

Получила «службу». Каждый день приношу соседке (наши соседи пожилые люди. Зубной врач Тверье и его жена. Им не дойти до обледенелого колодца за водой) три ведра

²⁵ Казис — школьный товарищ. Литовец. Первый мальчик, предложивший мне дружбу. Писал стихи. Передавал в гетто письма, написанные молоком. Конспирация.

воды и зарабатываю одну марку. Тоже заработок! Ах, все это ерунда. Я соскучилась по друзьям, по любви. Бешусь, злюсь, горит во мне огонь, сама не пойму, что со мной творится.

Щебечут пташки про любовь,
Про любовь мне лес гудит,
Любовь, любовь — волнует кровь —
Любовь, любовь — песнь молодых.²⁶

Январь 25 (понед.).

Двадцатиградусный мороз. Виктор был в городе и принес сало. Ха, ха, ха — это вещь, вот и нам улыбнулось счастье.

Январь 26 (вторник).

Вечно в темноте. Электричества не дают. В четыре часа темнеет, так и ложись спать. В гетто все очень дешево, цены совсем как в городе.

Очень, очень холодно.

Январь 27 (среда).

Ходят слухи о мобилизации литовцев. Новости с фронта хорошие, русские повсюду побеждают. Надеемся и живем только надеждой.

Январь 28 (четверг).

Получили от нашей бывшей домработницы килограмм масла. Жирная неделя!

У нас опять новый комендант — литовец. Не очень хороший. А hund²⁷.

Январь 29 (пятн.).

Из Каунаса вывозят поляков и также литовцев. Настроение подавленное. Все точно так же, как при советах.

Январь 30 (суббота).

Новый комендант взялся за спекулянтов. Ловит их в городе и в гетто. Цены растут. Литовцы тоже ничего больше не продают. Положение скверное.

Январь 31 (воскресен).

Ха, ха, последний день января. Беги, беги, зима, мы ждем весны, весны, весны. Продолжаю заниматься, но настроение плохое.

Март 7 (воскресен.).

²⁶ Здесь и дальше стихи в переводе Виктора Лазерсона.

²⁷ А hund (*идши*) — собака.

Больше месяца не писала. Почему? Не знаю. Может быть, я больна. Нет, не телом, душой. Боюсь, что из-за меня могут все погибнуть. Боюсь за дневник. Настроение плохое, и я опять возвращаюсь к любимым страницам. Кружится голова, не могу вытерпеть. Разочарование... Чем? Нет, не любовью. Нет. Ах, жизнь! Ах, лира жизни! Но уже не мне она будет звучать, не мне. Любовь? Может быть, но нет, еще не изгладился из памяти Казис. Ах пусто, пусто, все бесконечно пусто. Хочется бежать от мира, людей, одной или только с ним. Ах, К.! Ты забыл меня. Хочется сочинять. О, муза, посети меня, и я увековечу песню моей жизни.

Март 8 (понед.).

Самое большое мое желание, наконец, исполнилось. Меня приняли в ремесленную школу на курс огородников. Сегодня была на комиссии. Все в порядке. Как только закончит занятие первая группа, начнем заниматься мы. Кроме того, открылись еще курсы шитья, но я туда записываться не хочу.

Апрель 4 (воскресен.).

Почти целый месяц не писала. Сейчас я уже работаю в ремесленной школе. Я очень довольна. Лекции весьма интересные. Мы записываем, потом учим. Меня сейчас совсем нельзя узнать, ибо я работаю и учусь на благо нашей Родины — Эрец-Исраэль. Сегодня отдала довольно большую статью в стенную газету. Статью кончила девизом: «Вперед, за работу, друзья! Нас ждет Эрец-Исраэль». Весело...

Апрель 7 (среда).

Радость! Ликуй, ликуй сердце, целуйте уста этот маленький листочек от Казиса. Думала, что он забыл меня, но нет, вот и прислал привет. Не могу прийти в себя от радости. Это великолепнейший, интереснейший роман, роман моей жизни и любви. Помешавшись от счастья, любви и радости, сочинила стишок, в котором прекрасно отражается мое помешательство:

На западе садилось солнце,
От ветра прячась по пути.
Сидели мы на горке,
Беседуя в тиши.
Только грянул гром внезапно,
Зашумела буря вдруг.
Слышишь,
 возглас мой невнятный —
Я люблю тебя, мой друг.

Май 13 (четв.).

Здравствуй, мой дорогой дневник. Я опять устремляюсь к тебе. Только прости, что так долго не писала. Зато много, много тебе сегодня расскажу. Ну, начинаю. От Казиса получила всего два письма. Уже начинала воспламеняться любовь в моем сердце, но он ее погасил. Ну, к черту! Продолжаю работать в оранжерее три раза в неделю. Блоком «С»²⁸ я очень довольна:

²⁸ В гетто стояли три больших блочных дома, которые условно назывались: Блок «А», Блок «В», Блок «С». В Блоке «С» помещалась ремесленная школа. Там же было место сбора сионистских организаций.

отличная компания, весело. Я учусь хорошо. Мой огород замечательный. Сегодня уже ела первую редиску. Посадила помидоры. Красота! На днях в гетто было плохое настроение, но сегодня отличное, кажется, еще месяц и мы свободны. Об этом я уже мечтаю. Политические новости тоже хорошие. Немцы изгнаны из Африки, им предложен мир. Геринг и Геббельс отправились в Рим. Ждем, ждем свободы, сердце бьется сильнее в груди. Может быть, через неделю отворят, откроют ворота тюрьмы. Жди меня, Родина дорогая, я скоро буду. Еще немного, и тогда я твоя, о Эрец-Исраэль!

Счастье, что дни летят, как мгновенья,
Лишь приоткроешь глаза, —
И новой весны дуновенье
Встретит свободой тебя.

Май 20 (четверг).

Неделя промчалась как дым, а я все еще с желтой звездой «почета». Сейчас регистрируют детей от 13 до 16 лет. Надо обязательно явиться. Наверное, организуют детскую бригаду. Я надеюсь остаться на своей работе. Собою я очень довольна. Мне кажется, что, проблуждав так долго без цели, я наконец нашла жизненную цель. Сейчас я уже более не одинока: у меня есть Родина — и есть народ. Я нашла цель — бороться, учиться и отдать все свои силы на благо моей Родины, моего народа. Я горжусь этим. Наконец, я прозрела. Бог и судьба помогли мне: я увидела, что иду не тем путем, и повернула назад. Сейчас я нахожусь на верном пути, это подсказывает сердце. Я надеюсь, что никогда, никогда более не ослепну. Ура! Да здравствует Родина!

Май 25 (Вторник).

О, Боже! С болью в сердце возвращаюсь к тебе, милый дневник. Я не могу стерпеть и надеюсь на твоих страницах излить всю боль, что давит меня. О, была ночь! Восхитительная и страшная ночь! Эту ночь я не так скоро забуду. Она многое мне открыла. Только сейчас я увидела насколько была слепой. Как испорчена, как развращена молодежь гетто! Вместо того, чтобы отдаться священному чувству любви к Родине, к своему ближнему, они предаются разврату. Они свили себе гнездо в блоке «С». Несколько опасных ребят-первокурсников испортили всех остальных детей. На блок «С» сейчас смотрят, как на гнездо разврата. Мне противно, я не могу этого понять. Я одна, слабенькая, должна выстоять против всего этого. Разгоревшаяся в сердце любовь к Родине понемногу гаснет. Я стою на опасном пороге. Но нет! Я выстою, я клянусь, что выстою. У меня есть воля и я клянусь, пусть Бог и этот клочок синего неба будут свидетелями моей клятвы, Я буду служить Родине! Только, всемогущий Боже, дай мне образование и помоги мне. Пусть Сарра Л.²⁹ будет моей руководительницей.

Май 26 (среда).

Отличная, летняя погода. Птички весело щебечут, солнышко так ярко светит. Собираюсь сочинять, чувствую, что в течение этого месяца я создам что-нибудь такое, создам поэму о Родине. Небо синее, белые пуховые облака плывут в лазури небес... О, как очаровательно, как гармонично! Но недостает романтики, любви... Быть может, стоит влюбиться? Надо

²⁹ Сарра Лейбзон — старший товарищ и инструктор Тамары в нелегальной сионистской организации «АВС» (заглавные буквы от ивритского названия «Иргун Брит Цион» — Союз друзей Сиона (в настоящее время проживает в Иерусалиме).

подумать. Не могу найти себе подруг, лишь с тобой делюсь всем, любимый дневник. Я люблю Лею, так же и Сарру. Только эти две девочки мне нравятся, о, Боже, никто меня не понимает, все такие ограниченные.

Июнь 6 (воскресен.).

День рождения Виктора. Ему 16. Подарила 30 конфет и стихотворение. Выдался теплый день. Посадила помидоры. По-прежнему работаю каждый день.

Июнь 13 (воскресен.).

Начались жаркие дни. Купальный сезон. Эх, ура, иду сегодня купаться. Познакомилась с девочкой из Жежмаряй, которая неделю тому назад прибыла в Каунас. Волосы становятся дыбом, когда она рассказывает о том, что пережила. О, жизнь! Какая ты горькая и коварная. Как я заблуждалась! «Мир чудесен и красив», — сказала малое дитя. «Мир обманчив и фальшив», — изрек седой старик. Правильное выражение. Чувствую это по себе. Когда любишь, мир кажется прекрасным, когда разочаровываешься, — противным.

Купание не обошлось без приключения. Тонула. В этом году везде очень мелко и плохо купаться. В поисках более глубокого места я дошла до середины реки и попала в яму. Долго боролась с водой. Несколько раз мне удавалось подняться на поверхность: сколько было сил, звала на помощь. Сама выкарабкаться из ямы не могла, не было сил. Я начала погружаться все ниже и ниже. Было такое хорошее, сладкое ощущение... В последнее мгновение еще сжала сердце мысль о милой мамочке и... настал бы конец... Но внезапно почувствовала, что чьи-то руки схватили меня за волосы. Чувствовала, что тянут меня довольно долго. Сознания не теряла. Очень боялась, что мой спаситель может лишиться сил. Но нет. Вот уже перед глазами возник синего неба клочок. Значит, я уже на поверхности. Парень вынес меня на берег. Мне было стыдно своей беспомощности и слабости. Я даже не поблагодарила его, лишь попросила, чтобы он никому не рассказывал о случившемся, и убежала. Я была слабая и бледная. Прилегла на песок, чтобы немного прийти в себя. Даже сейчас, описывая всю эту историю, я еще не в себе. Кружится голова, и дрожат коленки.

Июнь 14 (понед.).

Миновали два года с того страшного для Литвы дня³⁰, когда Советы вывозили людей в Сибирь. О Боже, как быстро мчится время, как быстро бегут друг за другом года, а я сижу без пользы, никому не нужная, и смотрю, как уходят дни моей молодости. Ах, столько хотелось свершить! Я так хотела быть полезной. Самое большое мое желание — быть полезной Родине. И все это напрасно. Я разочарована жизнью. У меня кружится голова. Никто меня не понимает, и я сама не понимаю себя. Я не знаю, не постигла саму себя. Что мне нужно? Чего не хватает? Не знаю. О, спасите, спасите утопающего в трясине жизни!!!

Июнь 22 (вторник).

Два года страшного ада, два года войны³¹, собачьей жизни. А мы все еще живы. Два года, два года — твердит сердце, и не хочется верить. Неужели два года, неужели третий уже переступил порог?

³⁰ Советские войска оккупировали Литву в июне 1940 года. 14 июня 1941 года Советы провели акцию по массовому вывозу в Сибирь неугодных им жителей Литвы. Среди вывезенных — более 5 000 евреев.

³¹ 22/VI 1941 года — дата начала войны между фашистской Германией и СССР.

О, брат! За эти годы ты не изгладился из моей памяти. Как живой стоишь ты перед моими глазами. Где ты? Жив ли? Я не могу, я не могу смириться. А сердце матери? Как страдает она! Сжался! Вернись! Но к кому слова мольбы? Не в сырой ли яме ты? Где-то там, в краю чужом, под березкой белокрылой, может ты покой обрел, братик милый?.. Боль, — раскрылась старая рана. Пустая жизнь, просто не хочется жить. Может, это глупость, но счастья нет. Моя душа слишком уж переполнена болью и печалью. От каждого нового потрясения она содрогается вновь. А кругом только муки и горе. У меня плохое настроение. Впала в апатию. Надо было тогда утонуть, так близка была к этому. О, Боже, мне надоело — это не жизнь. Я должна найти цель и достичь ее, вот тогда будет жизнь. Кажется, что я опять влюбляюсь. Надоело одной. Пока люблю только девочек. О, Сарра, я люблю Тебя, люблю горячо. По-видимому, ты будешь ангелом-хранителем моей души. С твоей помощью я выберусь из этой грязи. Чувствую, что я могла бы достичь большего, но не хватает сил.

Август 1 (воскресенье).

Весь июль ни одного словечка не написала. Что делать? Даже вздохнуть времени не было. Сейчас не знаю с чего и начать — так много новых происшествий, приключений. Я работаю ежедневно. После обеда учусь, и так на протяжении всего июля. Только в конце месяца, вот прямо несколько дней тому назад, придумали открыть у нас гимназию. Что это значит? Все с ума посходили, все как помешанные ухватились за учебу, а я больше всех. Ведь цель моя была так близка — «Учиться, учиться и еще раз учиться» — эти ленинские слова я выбрала своей целью. Мы сдавали экзамены, всю неделю занимались, повторяли. Я за эту неделю много вспомнила. Но, увы, напрасны были иллюзии, надежды, планы на будущее, все рухнуло, все зря. На следующее утро после экзаменов в гетто было ужасное настроение. Будет лагерь. Что значит? Гетто раздробляется, новые акции — все ходили как пришибленные. Вот и прощай наша гимназия. Возможно, создание лагеря еще отложат на целый месяц, но настроение плохое. Мне очень жаль школы, нашей ремесленной школы — она тоже кончает свое существование. Работать уже не ходим, занятий тоже нет. Жаль! Я наконец-то нашла цель. Учебу выбрала своей целью. Нашла любовь. Вовку выбрала своим возлюбленным. Провожу время: купаюсь, плаваю, тону и не могу утонуть. Политические новости хорошие. Война в Италии подходит к концу. Мы ждем, с нетерпением, ждем освобождения! Мой огород красивый, уже есть от него польза. Виктор больше не работает в «Параме». Он перешел в «Веркштаты». Может быть, и я пойду работать. Вчера исполнились два года нашей жизни здесь. О, дай Бог, чтобы не пришлось встретить тут третий год. Стоят чудные летние дни. Жарко. Скоро кончится лето и опять наступит зима. Неужели пройдет лето, пройдет зима и будущее лето мы будем приветствовать снова здесь. Неужели?!

Август 2 (понед.).

Настроение плохое. Вывезли людей в Кедайняй³². Жуткий плач, рыдания, словно перед смертью. Политические новости хорошие. Италии предъявлен ультиматум — она должна перейти на сторону англичан. Ах, надоела уже война! Погода чудесная. Солнышко жарко греет. Небо синее. Лежу себе в тени и размышляю. Меня целует легкий ветерок. Размышляю о юности, смерти, о жизни. Размышляю об уходящих днях, о прошлом, а, может быть, и о Казисе. Но он разочаровал меня. С ним связывала большие надежды и большую любовь. Сейчас не люблю его больше. Его место занял Вовик. Учу древнееврейский, трудный, но красивый язык.

³² Кедайняй — город в Литве. Там был расположен рабочий лагерь, но узники гетто уже не верили, что евреев вывозят на работу.

Август 7 (шабат).

Льет дождь. Наступили дождливые дни. Я сижу дома, ничего не делаю, страшно ленюсь. Недавно получила привет от Изольды. Она совсем не интересуется мной. Я ее не люблю. Ждем скорого завершения войны. Надеемся, что зимовать тут уже не придется.

Август 10 (втор.).

Стала чаще писать, ибо имею больше времени. Все дни я свободна, много читаю. На дворе дождь, стало холодно. Дует суровый ветер, приближается осень. Я отделилась от природы. Много, много хороших новостей, но сердце еще спит летаргическим сном и отказывается верить. Неужели еще до наступления зимы покинем свою неволю и снова обретем свободу? Неужто снимут с нас железные оковы? Нет, не верится. Они издеваются над нами, смеются над нашей верой, над нашей надеждой. Это все ложь!

Вчера приезжала в «веркштаты» экскурсия — «Гитлерюгенд»³³. Они приехали посмотреть на работающих евреев, как будто в зоологический сад. Для них это развлечение.

Август 15 (воскр.).

Опять работаю, сейчас уже учусь шить. Ерунда! Продолжаю заниматься древнееврейским. Довольна. В личных моих делах ничего нового. Я принимаю участие в культурной жизни гетто. Очень радуюсь тому, что большая часть нашей молодежи участвует в разных кружках культуры, стремится к образованию, это замечательно. Я принимаю участие даже в трех таких кружках. Я довольна. Ясно, как и все на свете имеет две стороны, так и молодежь гетто. Одна часть молодежи стремится к образованию, горит энтузиазмом, любовью к Родине, ищет смысла жизни. Другая часть молодого поколения совсем распустилась, отдалась своим страстям и больше ни о чем не хочет знать. Это вызывает боль и омерзение. На мой взгляд, это низкие твари.

В политической жизни сейчас интересный период. Ходят слухи, что Гитлер заболел и удалился в свою резиденцию, точнее подал в отставку. В газетах это не подтверждается. В городе паршивое настроение. Производится последняя регистрация литовцев. Их отправляют на фронт. Поэтому завтра и послезавтра никто не может войти и выйти из гетто. Литовцы восстают. Рассказывают о беспорядках в Марьямполе, говорят, что горит Кибартай. Я настроена оптимистически, уже приближается конец. Это уже начало конца. Искорка надежды разгорелась сильнее. Я уверена, что до зимы «игра» кончится. Пока что идет дождь, на дворе серо, небо пасмурное, неприятно. Вечерами уже холодновато, дует северный ветер. Тянет в кровать, хочется больше спать — все симптомы зимы. Голод опять дает знать о себе. Все лето мы голода не замечали, но сейчас я опять ощутила это неприятное чувство. Виктор продолжает работать в «веркштатах» и как будто доволен. Госпожа С.³⁴ приходит ежедневно. Она очень привязана к отцу. Это замечательный человек. Она старается помочь нам, чем только может (одеждой, пищей и др.) Я ее очень люблю. Сострадание к ее несчастью разрывает мое сердце. Да, есть еще куда более несчастные люди, чем я.

Сентябрь 3 (пятн.).

Дождь. Небо пасмурное, настроение мрачное. Ужасные, ужасные дела творятся. Как я

³³ Гитлерюгенд — молодежная фашистская организация.

³⁴ Госпожа Сегаль — жена д-ра Сегалья. Друг семьи Лазерсонов. В гетто трагически погибла ее единственная дочь. Наверное, отец был ее психотерапевтом.

вчера узнала, немцы, отступая, забирают с собой малолетних детей от 2 до 10 лет. Эшелоны с этими детьми прибывают в Литву. Тут часть детей уничтожается, а остальные продаются по 2–3 марки за ребенка. Ужасно! Волосы становятся дыбом, когда слышишь о такой жуткой действительности. Ах, вот до чего докатилась культура Западной Европы! Так все, вся культура движется не вперед, а назад. Не хватает только того, чтобы немцы стали жрать живых детей. Вот к чему приводит война! Вот к чему приводит утверждение, что войны ведутся ради будущего других поколений, а следующие поколения заявляют опять то же самое — что тоже воюют ради следующих поколений. И так от века к веку человечество опускается, культура приходит в упадок, и... мир катится вниз.

Сентябрь 8 (среда).

Я страшно занята. К сожалению, нет времени писать. Я участвую в работе четырех кружков культуры. Двумя из них руковожу сама: провожу в них большую работу. Мы с Цилей встретили бедных детей из Жежмаряй и помогаем им. Они так нуждаются в помощи, эти несчастные детишки. Мы даем им знание, культуру, воспитываем в еврейском духе. Я живу. Я довольна собой, чувствую, что приношу пользу. Ура!

Сентябрь 10 (пятн.).

Позавчера капитулировала Италия. Очень хорошее настроение. Несколько дней тому назад было похоронное настроение — страшные слухи «Казернирунг»³⁵. Это пугающее слово передается из уст в уста, все дрожат. Вечером, в связи с новостями из Италии, настроение улучшилось. Но это было затишье перед бурей. Ночью творились страшные дела: брали людей в Кайшядорис. Напихали полную кутузку. Было ужасно плохое настроение, думали — уже «казернирунг». Была борьба между С. и К³⁶. В конце концов, К. победил, и людей освободили. Слава Богу, на сей раз обошлось.

Сентябрь 18 (субб.).

Настроение плохое. «Казернирунг» состоится на все 100 %. Сегодня было последнее заседание. Огромное несчастье неизбежно. Увы...

Страшная неизвестность, что сейчас будет? Расстреляют? Останемся жить? Страшно. Лучше уж смерть, чем неизвестность. Болит сердце. Не знаю, что теперь делать. Виктор принес плохое известие, будто бы Рудик расстрелян. Он встретил человека, который был вместе с Рудиком на 6-м форте. Нет! Нет! Не хочу! Я не верю. Нет! Не может этого быть. Сердце говорит нет, губы твердят — нет. Мало ли смуглых людей? О Боже, как страшно. Братик, ты жив еще, я знаю. В ответ тишина, жуткая тишина. Что же вы молчите, стены? Кричите, говорите, успокаивайте мою душу, прошу только одно словечко, самое дорогое — НЕТ!

Сентябрь 20 (понед.).

Туман покрывает небо, грусть — сердце. Настроение подавленное. Лагерь, «казернирунг» — эти страшные слова передаются из уст в уста. Перед глазами вижу мрачную картину смерти. Гетто переживает последний и самый опасный этап. Фронт приближается.

³⁵ «Казернирунг» (*нем.*) перевод на казарменное положение.

³⁶ К. — бригаденфюрер Крамер, который был заинтересован подольше сохранить гетто, ибо лично извлекал немалую выгоду из геттовских мастерских.

Беспокойно бьется сердце. Настроение у меня плохое. Смерть кажется страшной, жизнь привлекательной. Сегодня должно окончательно проясниться положение — два начала борются: кто победит, жизнь или смерть? Надейся, надейся только в надежде твоя жизнь. Надейся и жди, Вечный Жид. Позавчера откровенно побеседовала с Рашей³⁷, открыла ей свою душу, рассказала о своих желаниях, о своих делах. Она, кажется, осталась мною довольна. Я ее горячо люблю. Раша — вот это человек, — твердит мое сердце, — ты по сравнению с ней — червяк, упрекаю сама себя.

Раше

Вместе мы шли на Голгофу с Тобой,
Вместе извели столько страданий.
Лес вновь украсится желтой листвой,
Но годы не сгладят воспоминаний...
С трепетом в сердце к стихам прикоснись,
Братской могиле сходи, поклонись.

Тестамент (завещание)! После моей смерти передать Раше эту половину моей души (дневник).

Сентябрь 22 (среда).

Радуйся, о радуйся сердце! Большую победу одержала жизнь! Мы остаемся, «казернирунг» откладывается. Ура!!! А может и вовсе его не будет. Гетто ликует. Люди целуются на улицах от этой хорошей новости. Я продолжаю учиться. Ленюсь писать. Внутренний голос говорит мне «Не доверяй врагу, дары приносящему». Вспоминаю предание о Троянской войне, о деревянном коне. И я не доверяю, и я предчувствую, что это еще далеко не все. Говорят также, что нам увеличат паек. Бог знает. Погода холодная. Дует пронизывающий ветер. Странное у меня настроение: ко всему я стала равнодушной. Перед концом превратилась в скептика. «Мейле»³⁸. Читаю, занимаюсь, пишу, быть может, и люблю. Так бегут дни. Логически размышляя, можно предположить, что до Нового года закончится война. О, дай то Бог!

Сентябрь 24 (пятн.).

Дождь. Холодно. У нас настроение неплохое. По правде говоря, гетто уже не существует, теперь оно называется лагерем. И комендант у нас новый. Говорят, что теперь эсэсовцы будут жить тут на месте и не пропустят в лагерь никаких продуктов питания, зато увеличат нам паек. Это все же лучше, чем «казернирунг». Я очень занята (прилагаю расписание своих занятий):

- 3 раза в неделю курсы шитья.
- 3 раза в неделю учусь с папой.
- 3 раза в неделю учу иврит.
- 2 раза в неделю кружок в школе.
- 2 раза в неделю кружок с Рашей.
- 2 раза в неделю кружок с детьми.
- 3 раза в неделю занятия с Хавкой.

³⁷ Раша — Рахель Винер — инструктор Тамары по организации «АВС». Погибла.

³⁸ «Мэйле» (*иврит, идиши*) — все равно.

А еще мои работы по дому? А еще чтение? А еще мой дневник!

Октябрь 1 (пятн.). Новый год!

Праздник. Наш Новый год. Волнения. Застрелили Савицкаса³⁹. Очень жаль его. Опять всплыл «казернирунг». Настроение страшное, напоминающее первые дни в гетто. Этот новый комендант, этот Гекке — паршивый тип. Так ничего.

Октябрь 3 (воскресен.).

Погода плохая. Бушует ветер. Шью. В этом году прилежно готовимся к зиме. Сегодня настроение будто бы лучше. Хоронили Савицкаса. Я люблю Сальку. Дружу с Хавкой. Она мне очень нравится. Остальное, кажется, идет по-старому. Я, наверное, уйду из ремесленной школы. Надо идти в бригаду. Скорее всего, пойду в «Гуму»⁴⁰. А все равно лагерь будет.

Октябрь 5 (вторник).

Слегла. Схватила воспаление мочевого пузыря. Очень стеснялась, когда пришел врач осмотреть меня. Настроение плохое, читать нечего. Перед глазами видишь смерть. За окном осень наступила и душу камнем придавило. Все идет по старому: иврит, Раша, любовь, учеба. Все течет по старому руслу. Фронт приближается. Стала чаще писать, а писать, как раз, сейчас не о чем.

Октябрь 6 (Среда).

Самочувствие плохое. Слабость дает о себе знать. Начала бояться. Говорила с Цилей: жизнь так интересна! Виктор что-то готовит. Я начала шпионить за ним. Вроде хочет убежать, или связался с какой-то организацией⁴¹, а может, прячет оружие, кто его знает? Читаю Бялика — чудные стихотворения. Читаю также замечательную книгу «Люди в паутине». По сравнению с этим мое творчество ничего не стоит, хочется бросить все это. Опять плохое настроение. Не имею обуви. Погода хорошая.

Октябрь 7 (четверг).

Настроение скверное. Хочется писать, но не о чем. Тяжелый камень давит сердце. Ах, все это личные дела. Боюсь, чтобы он не рассердился потому, что он поздоровался, а я не ответила. С Рашей вела себя невежливо, наговорила ей много глупостей. Шалила, как маленькая девочка, как глупая кошечка.

Октябрь 8 (пятн.).

Эрев Йом-Кипур. Ясный день, хотя ночью лил дождь. Я занята, учусь. Завтра пост — 5704 год. Опять говорят, что «казернирунг» не будет. А, надоело, наконец. Фронт приближается. Люди боятся. Одни устраивают убежища в гетто, другие укрываются в городе.

³⁹ Альгирдас Савицкас — сын дипломата и писателя Юргиса Савицкаса. Жил в гетто вместе с женой-еврейкой. Его застрелили охранники-литовцы.

⁴⁰ «Гума» — завод по производству калош и др. резиновых изделий.

⁴¹ Виктор принадлежал к подпольной организации «Бейтар».

На этой неделе у меня должны быть значительные перемены. Я усиленно размышляю. /О побеге/. Вчера беседовали с Хавкой на интересную тему — до основания разобрали вопросы любви. Сплошная психология. Не зря говорят, что женщины интересуются психологией. Раша тоже ведет записи, для меня это новость. Хотелось бы познать ее душу, узнать, о чем она думает, что переживает, и вообще что в ней творится. «Ober nit mein mazl»⁴².

Октябрь 9 (Суббота).

Йом-Кипур. Решила поститься. Ощущение неприятное. Вытерпела со вчерашнего вечера — 5 часов до сегодня 5 часов. Только с утра сильно «сосало». Весь день пробыла в гостях. Ничего. Несколько дней можно и поголодать, но только при условии, если после этого дадут хорошо поесть. Все постились и молились, может, Бог выслушает их молитву. Фронт приближается, занят Невель, это в 20 километрах от латвийской границы. Люди сильно озабочены. В Каунас прибыло 800 эсэсовцев. Полагаем, что хотят нас прикончить. Все малые бригады аннулируются, оставляют только 4–5 больших бригад. Сегодня кончила жатву, убрала все со своего огорода. Прилагаю список урожая: морковь — 35 кг, свеклы — 42 кг, помидоров — 50 кг, картофеля — 2 центнера. Гуляла с Е.Х.

Октябрь 17 (воскресен.).

Беспокоюсь о нем. Полночи не спала. Приснился страшный сон. Явилась муза, и мои переживания воплотились в стихи. Сижу дома. Настроение плохое. Пишу и читаю: «Этмоль»⁴³, имела продолжительный разговор, но он ни к чему не привел. Была слишком хорошо настроена и много шалила. Однако меня радует, что Раша еще не поняла меня. Мое поведение ей кажется странным. В связи с праздниками всю неделю провела дома. Не скучала, имею достаточно книг. Занимаюсь также шахматами. Скоро сделаю «карьеру». Опять что-то с «казернирунг».

Октябрь 20 (среда).

Осуществила свою мечту — написала поэму «Жид». Довольна. Погода хорошая, не холодно. Не о чем писать. Все по-старому. В гетто настроение подавленное, у меня тоже не лучше. Давно не было уроков. Мы с Хавкой критикуем кружки. Частично стихами, частично прозой. Вынашиваю мысль написать книгу, но еще не чувствую в себе достаточно сил для этого. Я ослабла как физически, так и морально. Что-то с легкими. Мамочка говорит, что я выйду из гетто калекой. «Alevai halten mir dabai, zog ich»⁴⁴. Сижу и пишу. Мне мешают. Отец громко читает немецкую газету. Меня это очень нервирует, не могу сконцентрировать своих мыслей. Ну, пока, до свидания, до новых событий.

Октябрь 23 (суббота) 164 PJG⁴⁵

Чудесная осенняя погода. Многие люди убегают из лагеря. Большинство присоединяется к русским партизанам. Опасаемся несчастья. С.Д. заняли блоки и уже

⁴² Не мое счастье (*евр.*).

⁴³ Этмоль (*иврит*) вчера.

⁴⁴ «Дай Бог, чтобы мы были близко к этому» (*идиш*).

⁴⁵ 164 PJG. — номер билета Тамары в подпольной организации «АВС».

построили вокруг них забор. Говорят, что ликвидируют ремесленную школу. Я ко всему равнодушна. Надоело сидеть в лагере, всем сердцем тянет в город, хочется идти в бригаду.

Октябрь 26 (вторник).

Жутко. В половине шестого утра нас разбудили страшные крики: «Гетто окружено, на улице Варню находятся 50 грузовиков!».

Все поднялись, началась паника. То тут, то там виднелись испуганные лица женщин и детей. «Акция!» — мелькнула первая мысль. Но нет! Через короткий промежуток времени выяснилось, что берут на работу. Со списком в руках, от дома к дому шли немец и два еврея. Приказано: собраться и отправляться. Увезли Розу, Иру, Люсю, Баронов, боюсь за Рашу. Мы уложили вещи и ждем своей судьбы. Я смелая. Люди утомлены, равнодушны: «Если не сегодня, так завтра»... Бог знает, где лучше. А смерть только одна. Утешением служит то, что вчера вывезли 1 800 литовцев. Сижу и жду, что будет. Смотрю через окно — не идут ли за нами...

Ноябрь 3 (среда).

И на сей раз буря прошла стороной, не затронув нас. Вывезли на работы 4 000 человек. Отделили мужчин от женщин и разделили всех на три группы. Одна партия прибыла в Ригу, другая — в Запишкис. Но точных сведений нет.

Весь район от Блоков до ул. Варню уже пустой. Мрачно выглядят пустые Блоки. Я много работала, помогая людям переселиться. «Казернирунг» опять всплыл. Получила карту в «Гуму». Наверное, нас казернируют туда. Завтра уже пойду. Увы, придется уйти из ремесленной школы, но я не имею «a greiser fardrus»⁴⁶.

Ноябрь 7 (воскр.).

Сижу дома. Сегодня день моего отдыха. Каждый день работаю в «Гуме». Работа тяжелая и грязная. Мы отрываем подкладку от старых галош после чего галоши идут на переработку. Сегодня была регистрация всех жителей лагеря. Выдаются новые продуктовые карточки. Большинство людей скрываются, не хотят регистрироваться, но мы в этом ничего плохого не видим. Положение неясное, на днях оно должно окончательно выясниться. Я смело смотрю судьбе в глаза. К черту все это! Просто удивительно, что сегодня выпал первый снег. Погода холодная, неприятная. В комнате тоже холодно. Мы собираемся переставить печурку. Раша исчезла с горизонта. Уже занят Киев. Ну, так до следующего воскресенья!

Ноябрь 13 (субб.).

Опять 300 человек оторвали из гетто и отправили в Марьямполе на работы по прокладке кабеля. Так понемногу отрывают и отрывают людей пока никого не останется. На этой неделе будто должно начаться «казернирунг», но пока тихо. Фронт приближается, русские уже в 15 км от латвийской границы. В гетто настроение неважное, говорят, что в Шауляй вывезли всех из гетто. Погода еще не плохая. Я работаю в бригадном кооперативе ежедневно. Работой довольна. Виктор на днях должен получить карту в бригаду. Р. Т. Бр. и много других друзей работают вместе со мной. Ну, милый друг, хочу спать. До свидания!

Ноябрь 14 (воскр.).

⁴⁶ «Не особенно сожалею» (*идиш*).

Гекке⁴⁷ проявляет большую «заботу» о нас: обещает привезти дрова и строить новую больницу. Нам это не нравится. Что-то слишком хорошо. Из Марьямполе были письма, что там очень хорошо. Я ишу пару сапог, совсем не имею обуви.

Наше «дело»⁴⁸ дальше не продвигается. Раша, как будто, охладела. Явились немцы — все испугались, и «дело» прервалось. Разве это люди! Евреи, кто только может, убегают в город. Особенно озабочены матери, имеющие крохотных детей. Кто только может, отправляет детей в город к знакомым литовцам. В лагере детей ожидает смерть. Жаль молодого поколения. Но и в городе изнеженному еврейскому ребенку не жизнь. По этому поводу хочу осуществить свою мечту — сочинить поэму «Мать и дитя». Но все нет времени, нет настроя, нет музыки. Книг сейчас не имею, поэтому по воскресеньям скучаю. Давно не встречала Цилю. Никто ко мне не приходит. Я отдалилась от культурной деятельности ремесленной школы. Сомневаюсь, существует ли еще что-либо подобное. Блоки стоят пустые, мрачные. Никто там не поселился. Погода пасмурная — неприятная. В комнате холодно. Связи со знакомыми оборвались — никто не приходит. Скоро, очень скоро забывается дружба! С пищей у нас сейчас вроде лучше стало: имеем и сало, и масло. Идет дождь, мерзнут ноги, настроение плохое. Мрачно, скучно, холодно.

Ноябрь 19 (пятн.).

Я дома. Нездоровится. Наш «гдуд»⁴⁹, к моей большой радости, опять с еще большей энергией, взялся за работу. Я словно сумасшедшая, необыкновенная любовь горит во мне. В гетто настроение убийственное. Все больше и больше людей убегают. Мы беседуем об этом, я колеблюсь. С Рашей возобновились старые связи. Каунасу грозит опасность. Поговаривают об эвакуации литовцев.

Ноябрь 20 (субб.).

Вчера на фабрике «Гума» был митинг рабочих. Постановили бороться с большевизмом. Говорят, что Литва объявила войну СССР и что будет мобилизация литовцев. Вот упрямая муха — думает слона победить. Русские заняли городок Коростень, в 60 км от границы с Польшей. Турки заключили какой-то торговый договор с англичанами. В гетто получен привет от наших братьев, вывезенных в Эстонию. После долгих блужданий из городка в городок, из вагона в вагон, они, в конце концов, прибыли в Эстонию, где сейчас сильные холода. Прибыли все: женщины, мужчины, старики, дети. По дороге умерло 14 человек. Они там работают на фабриках и имеются два лагеря — мужской и женский. Это уже третий привет подряд. Были плохие слухи из Шауляй, будто там была акция по уничтожению маленьких детей, эти слухи не подтвердились. У нас отправка маленьких детей в город приняла массовый характер. Немцы пока не препятствуют этому, но кто знает, что они задумали. Взрослые люди тоже один за другим покидают арену смерти.

Ноябрь 28 (воскр.).

Пробил час — «казернирунг» приблизился. Во вторник начинают казернировать аэродром. Большое волнение. Имеются уже списки, кого и где будут казернировать. Люди

⁴⁷ Оберштурмбанфюрер СС Вильгельм Гекке — комендант гетто. Его задачей было провести «казернирунг». Он руководил ликвидацией и сожжением гетто 8-14 июля 1944 года.

⁴⁸ «Дело» — деятельность организации АВС.

⁴⁹ «Гдуд» — подразделение. «Хуг, плуга» — кружок, рота (*иврит*).

получают извещения. Настроение плохое. Наша работа (в организации) продолжается. Я чувствую в себе большую силу — она побуждает меня работать без оглядки. Вперед, на смертный бой, друзья! До последней капли крови смогу бороться. Вперед, только вперед!

Ноябрь 29 (понед.).

Необыкновенный день! Руль моей жизни, кренившийся вправо, теперь совершенно выровнялся. Впереди только прямая дорога. Смело смотрю направо и налево. Нет никаких перекрестков, мой путь ведет прямо и прямо, вперед, все вперед. Дороги назад нет. Первая ступень, самая тяжелая ступень, преодолена. Сейчас я буду подниматься все выше и выше, ступень за ступенью на высоту моего народа, на пик победы. Клятва⁵⁰ произнесена. Устами вещало само сердце. В комнате царила торжественная тишина. Сейчас я уже истинная дочь моего народа. Буду бороться до последней капли крови ради спасения моих братьев. Хватит мучений! Мы пророки свободы, света. Вперед за нами! Мы не остановимся ни перед гетто, ни перед лагерями, ни перед «казернирунг»! Мы не можем остановиться. Только смерть может остановить нас. Но тогда поднимутся другие — моложе, сильнее, и будут бороться с кличем: вперед, только вперед!

Клянусь — мои губы шептали,
Клянусь — трепетный сердца стук.
А ветры вокруг завывали
И ночь царила вокруг.

Ноябрь 30 (втор.).

Сегодня бригады не ушли в город. Первый «поезд»⁵¹ уехал. Я была на «станции». Страшная картина: вся ул. Крикшчюкайчэ полна людей, тюков, малых детей. Люди держались — на их лицах застыло ледяное выражение. Нет более слез! Подъезжает грузовик за грузовиком. Евреи садятся, втаскивают вещи, оглядывают последний раз гетто, и грузовик двигается. Тогда начинают махать шапками, носовыми платками, что у кого имеется. На глазах выступают слезы, у некоторых прорываются рыдания, и это все... Так уезжают люди из жизни и, как овечки, все еще с надеждой, въезжают в ворота смерти...

Декабрь 5 (воскр.).

Декабрь. Лежит глубокий снег. На дворе холодновато. Виктор был у Казиса, принес мне привет. К. ищет для меня укрытие. Я тоже не хочу быть наивной овечкой. Вчера работала ночью. Наша работа (в организации) продвигается вперед. Хотя это меня радует. Я полна энергии. Что касается переселения, то первый район еще не переселяется, но ходят слухи, что придется нашему району переселяться. С «казернирунг» тоже есть время, по крайней мере, до Нового года. Я колеблюсь. Передо мной четыре перекрестка. Куда мне свернуть? Посоветуй мне, хотя бы ты, Иисус, когда-то я так тебя любила! Казис в шестом классе. Еще два года, и он кончает. Слово ножом укололо в сердце. А что будет со мной? Кем я стану? Открылась старая рана — учеба, учеба... Три потерянных года. О, Боже! Вспомнилось прошлое. Класс за классом я поднималась все выше и выше, но вдруг стоп, препятствие, и уже три года я не

⁵⁰ Клятва. Каждый, поступающий в организацию «АВС» должен был дать клятву верности делу борьбы против фашистов.

⁵¹ Начался «казернирунг». Первая партия была отправлена в концлагерь Германии.

учусь. Трудно утешить себя. Но только не убивайте, не губите меня. Я еще достигну своего! Я еще смогу принести пользу человечеству. Сейчас совсем не имею времени ни читать, ни писать, ни даже думать. Многие мои произведения лежат неоконченными, в ожидании своей очереди. Я занята. Я по колени погрязла в страшной бригадной клоаке.

Вокруг меня тьма, а я жажду света, но времени нет... Выходишь — на дворе еще не рассеялись ночные сумерки, возвращаешься — на землю опускается ночь. Зря волнуется сердце, если бы не «гдуд» — я бы совсем пропала. Только маленькая искорка надежды, только большое желание жить, только красивые мечты — светлое будущее врача, только это еще поддерживает меня. Только это не дает погрязнуть все глубже и глубже в страшной трясине.

Декабрь 9 (четв.).

Хавка ушла из гетто в город. Жаль. Мама, я тоже хочу! Я хочу жить! Виктор болеет воспалением легких. Настроение у меня плохое, совсем не могу писать. Потухла печка, надо снова растопить. До свидания, до свидания страницы дневника!

Декабрь 24 (пятн.)

Сочельник. Тихо. Земля украсилась белым саваном. Звезды улыбаются, глядя на убранную землю. Вчера выпал снег как раз к празднику. Настроение праздничное — уже кое-где в городе валяются пьяные мужчины. В честь праздника надо выпить. Но самую большую боль причиняет сердцу зеленая елочка, украшенная золотистыми игрушками. Когда идешь по городу и заглядываешь в каждое окно, там видишь золотую елочку рая. Обидно! Э, хватит слишком уж далеко я заехала... Их праздник, не наш, их Иисус родился, наш Спаситель еще должен родиться. Они не соблюдают десяти Божьих заповедей, они не любят брата своего как себя — они убивают нас. Вы славите Иисуса ради праздника, ради водки, но не выполняете заповедей. Вы не любите своего Иисуса. И он проклял вас, и мы проклинаем вас — будьте прокляты вовеки!!

Уже много глупостей написала, много пустых фантазий. Сейчас расскажу о реальных вещах. Расскажу о том, что слышно у меня. Давно не писала, ленилась, а может, времени не было. Наша работа (в организации) продолжается. Сейчас, в один из восьми дней ханукального праздника, мы готовим вечер с программой. Район старого города и ул. Линкувос отрезали. Все люди оттуда переселились в наш район. Много людей возвращаются из города обратно в гетто, но многие и уходят. Хавка вернулась, подробностей еще не знаю. Я очень серьезно размышляю (о побеге). Виктор на днях встанет (с постели). Я продолжаю работать ежедневно. Кажется, все. Ленюсь, хочу спать. К черту сочельник! В кровать!

Декабрь 30 (четв.).

У меня отпуск до Нового года. 27-го была «месибя»⁵². Читала свое стихотворение «Тоска по Родине». Насколько удалось, не знаю. Было весьма уютно. После этого так впряглась в работу, что никого не встречала и ни с кем не говорила. В гетто настроение неважное. Из Вильнюса привезли группу евреев, пойманных в лесах и «малинах»⁵³. Пока они сидят в кутузке. Надеемся, что с ними ничего плохого не случится.

Глава 3, 1944 г.

⁵² Месибя (*иврит*) вечеринка.

⁵³ «Малина» — так назывались в гетто убежища, где прятались евреи.

Январь 1 (шабат).

Первое января — новая страница в нашей жизни. Рассвело новогоднее утро. Завершилась летопись старого года, заполненная страданиями и слезами. Перевернута последняя страница полная горя. Все жестокие события, вся пролитая кровь невинно загубленных жертв — все в ней отмечено и Тебе, 1943 год, придется ответить перед судом Божьим и выдать виновных. На страницах истории будешь Ты, 1943-й, отмечен как самый кровавый и жестокий год для еврейского народа. Что хорошего принес Ты? Ничего, ничего! Зато плохого так много! Уже с самого начала Твоей власти, еще при царствовании молоденького января, какие акции совершал в Вильнюсе? А? Признайся! Что с Гайстами сделал? А когда вывозили людей в Кедайняй? Скажи! Когда продавали русских детей? Когда отправляли в Кайшиядорис, разрывая семьи пополам? А страшная черная туча «казернирунг», которая то приближаясь, то удаляясь только издевалась над бедными страдающими людьми. Когда погиб Савицкас? Вспомни, 26 октября — самый страшный день изо всех дней, за этот один день будь Ты проклят! Три тысячи людей были вырваны из гетто и отправлены куда-то в холод и грязь в чужой Эстонский край. Сироты! Последние искры большого костра! Они гниют далеко от семей, братьев, друзей! Из наших «иргуним»⁵⁴ Ты вырвал многих нужных, дорогих друзей, товарищей по общей идее. Опять в Марьямполе 300 человек. За Гекке тоже Тебя надо «благодарить» и за два акта «казернирунг».

Что? Ты молчишь? Молчишь, у Тебя нет слов для оправдания! Виновен Ты, проклятый год, к суду призываю Тебя — будь проклят, будь проклят! За все кровавые жертвы придется ответить Тебе, кровавый 1943 год!

Немного надежды на новый 1944 год. Сердце забыло надежду после трех обманутых лет. Нет надежды, нет веры. Все ложь! Ложь на лжи!

Увы, потух свет — плохая примета, моя печка тоже слабо светит. К сожалению, введение в Новый год кончу завтра.

Январь 2 (воскр.).

Мой отпуск кончается, завтра опять на работу. По правде говоря, не хочется...

Январь 11 (вторник).

Сегодня я дома. Шанс. В «Гуме» нет света. Вчера был беспокойный день. Была большая паника, ожидали акции или чего-то подобного. Я работала в городе, поэтому сохранила немного нервов. Настроение мое так себе. Отца Ц.Э. арестовали и неизвестно где он находится. Страшно, что творится у них, все дни напролет сидят и плачут. Душа болит, когда заходишь туда. Ах, страшный век, жестокие сердца! Что творится в 20 веке! Жестокость! Кто бы поверил? Холодно. Холод шиплет руки и ноги. Десять градусов ниже нуля. Не хочется больше писать. До свидания!

Холод, холод —
Улица бела.
Холод, холод в помещении —
Холодна душа.
И лишь чувство мщения —
Согревает вновь.

⁵⁴ Иргуним (*иврит*) организации.

Не простим мучения,
Пролитую кровь!

Январь 15 (субб.).

Было собрание по идеологическим вопросам (в организации). В течение двух недель должно произойти сокращение членов нашей организации. Неделя уже прошла. Невольно задумываюсь: возможно, я буду этой несчастной. Только этого мне теперь не хватает. Кажется, что сейчас это вопрос жизни, и удар был бы очень чувствительный. Ц.Э. про отца ничего не знает. Но ходят усиленные слухи, что он на Девятом форте сжигает трупы. Увы, дни его сочтены. Гекке обещал, что до весны «казернирунг» не будет, а акций «аваде и аваде»⁵⁵. Но все-таки контроль у ворот становится строже. Ежедневно по двадцать раз пересчитывают, пока с трудом выпускают бригаду, вечером опять считают. Так что пройти в город «зайцем» становится все труднее и труднее. Время позднее. Веки слипаются, тело устало. Суббота несет на своих плечах бремя всей недели. До свидания. Через семь дней мы опять встретимся.

Январь 23 (воскр.).

Зимы уже почти не осталось. Кругом растаял снег, везде лужи. Дует сырой, неприятный ветер, изредка идет дождь. Внутренние дела тоже скверные. Проходит неделя за неделей, и ничего... Уже вечер. Кончится это счастливое воскресенье и завтра опять на работу. Ежедневно в бригаде та же картина: женщины, как стадо скота, подгоняемые пастухом с ружьем в руках. Так бегут дни, недели, месяцы, и все одно и то же. И каждый день идешь в бригаду, считаешь часы — уже 12, уже обед, еще через пару часов уже пять, шесть и, наконец, благословен будь час, идем домой. Эта дорога: шлепанье по грязи, по лужам и ругань, оханье измученных существ. Наконец — ворота, гетто. Уже дом! Кажется счастье, но нет, ведь завтра опять то же самое. Точечка в точечку повторяется день. День чернорабочего, день бедолаги.

И этот постоянный зов — хлеба и света! Вокруг лишь голод и мрак. Нет ничего для души, нет пищи для ума. Человек-машина недолго тянет. Его здоровье пожирает фабрика — мрачная убийца. Она вбирает в себя здорового, мускулистого юношу с красивыми мечтами и ясным умом. А выбрасывает почерневших, преждевременно постаревших никуда не пригодных людей-инвалидов. Да, жизнь так мрачна. Необразованный человек ничего лучшего не видел: он не знает, что такое знание, его дни пробегают впустую, он отдает свою физическую силу, он заменяет собой машину. Но ненасытная машина высасывает его силы и отбрасывает прочь. Человек умирает. На его место становится другой юноша и кончает тем же. Все кончат так же. Но я, я на это не согласна, я хочу учиться, я хочу столь недостижимого. Я хочу быть образованным человеком и просвещать мир. И вот, когда в моей голове такие мечты, такие стремления, я должна сидеть сложа руки в неволе и смотреть, как проходят лучшие дни моей жизни! Впустую, без надежд на будущее, без чего-нибудь реального в настоящем, лишь с пустыми фантазиями в голове. Страшно. Промчалось жуткие три года, и никто мне их не возвратит...

День прошедший не вернется
И реки вспять не поплывут,
И время вихрем пронесется —
Ах, как его вернуть?

⁵⁵ «Аваде» (*идиш*) тем более, конечно.

Январь 27 (четв.).

Три дня сижу дома. Немного отдохнула. Очевидно, скоро будут интересные перемены. Любопытно. К сожалению, за это время было мало новостей и не о чем больше писать.

Февраль 3 (четверг).

Промчался еще один месяц. Еще одним месяцем ближе к лету, к спасению или к смерти. В этом году зимы будто не было. Дождь, ветер, сыро или же по-весеннему сухо. Фронт приближается. Русские продвигаются в глубь Польши: на днях они пересекли границу с Эстонией. Я опять сижу дома, болит нога. У нас (в организации) Вулик перенял власть в свои руки. Надо надеяться, что будет лучше. Аш вернулся из лагеря, и его приняли (опять в организацию). Свирепствует эпидемия гриппа. В лагерях жить тяжело, люди болеют, вещей у них нет. Сейчас проводится обязательная акция по сбору вещей. Кто только может, тот возвращается из лагеря обратно в гетто.

Февраль 14 (пон.).

Не пишется. Нет ничего достойного внимания; ни на работе, ни в духовной жизни. Силы иссякли. Уже проходит второй месяц, а я не написала ничего нового. Этот год неурожайный. Нет желания, нет терпения. И сейчас даже эти несколько строк написать я должна себя заставить. Так стало трудно.

Февраль 26 (субб.).

Ничего особенного. Хожу, работаю, сплю, ем и немного читаю. Так сегодня и вчера, завтра и послезавтра. То же самое неделю тому назад, одно и то же через неделю. Абсолютно ничего. Вулик вечно болеет, поэтому мы сидим сложа руки. Дома у нас положение очень напряженное. Неделю тому назад произошел гранд-скандал, и более того — бокс от которого я и по сей день хожу с желтым знаком под глазом. Отец с братом не разговаривает. Виктор еды не получает. Вот и все краткие последствия гранд-скандала.

Погода замечательная. Зима уже прошла. С каждым днем солнце греет дольше и теплее. Чем ближе лето, тем ближе другая зима, а конца все еще не видать. С питанием сейчас у нас неплохо. Как-то привыкли. Жиры есть, но обед состоит из одного блюда. На днях меня обрадовала весть о том, что одна подруга выбралась из трясины на поверхность, Хавка — «шомер ха-цаир хе-халуц»⁵⁶.

Март 7 (втор.).

Сегодня я дома. Всю неделю работала. Вчера был мой день рождения.

Исполнилось 15 лет. Жду «клетку»⁵⁷ она не приходит. Отец комбинирует. Я выжидаю — терпение. «Терпение и труд — все перетрут». В гетто разные перемены. Капо все больше вмешиваются во внутреннюю жизнь, и своя инициатива пропадает. Это хуже. Фронт приближается. Каунас уже стал первой зоной. Мало пишу. Читаю Ницше. Ленюсь что-нибудь еще писать. До свидания!

⁵⁶ Организация молодых сионистов, ближе к социалистам.

⁵⁷ «Клетка» — имеется в виду Петронеле Ластене (клетка по-литовски «ластяле») — учительница истории, литовка, прятала у себя еврейских детей. Тамара нашла у нее свое первое убежище.

Несется вихрем время дорогое,
И детство словно сон промчалось,
Вчерашнее дитя малое —
Сегодня уж встречает старость...

Март 8 (среда).

Пурим. Что касается «клетки», то дело плохо. Она хочет, чтобы я пришла. А я трушу, уж очень трусливой создал меня Бог. Ничего не поделаешь. 6-го была «месоба» — день Трумпельдора⁵⁸. Удалось неплохо. Я роли не имела. Вообще стала пассивной. Хочу скорее «Вайврах»⁵⁹. Но не так скоро все делается. И я не могу сама себе помочь. Погода чудная. Солнышко греет все теплее и теплее. От снега совсем следа не осталось. Радость охватывает душу. Это уже весна, весна. Еще одна зима прошла, еще одной зимой меньше. Быть может, это последняя зима? Чего? Гетто или жизни? О, Солнце, великая звезда, Ты молчишь! В чем заключалось бы Твое счастье, если бы не было кому светить? Так говорил Заратустра⁶⁰. Так говорю и я. Чем была бы фабрика без рабочих, чем был бы идеал без идеалистов? Ах, хватит уже болтать глупости, чем дальше, тем я больше глупостей пишу. Работой в организации я недовольна, не то себе представляла, больно обманулась. Все игра, противная, обманчивая игра все цели в итоге кончаются любовью, свадьбами, детьми. Такова суть жизни. И никакими силами не искоренить этого. Да. Такова жизнь. Горькие слова правды говорил Заратустра.

Март 27 (пон.).

Акция. 1 500 малых детей и старых людей вывезены на форты. Сорок еврейских полицейских кончили свою жизнь на IX форте. Других продержали несколько дней, и за сообщенные сведения освободили. Многие убежища обнаружены. Погибло молодое поколение — дети до 12 лет, погибли старики, погибнем и мы. Но матери, матери, матери! Кошки царапаются, кусаются, но котят не отдают. Курица своим телом прикрывает цыплят и защищает их. А еврейская мать должна отдать своего ребенка и видеть, как его бросают, словно щенка, в грузовик. Но были и героические матери, которые собственными руками душили своих детей, которые настаивали, чтобы сперва убили их, и только потом забрали детей. Вечная слава этим матерям! А дети? Молодые родители отдали все, что было для них самым дорогим. Муж нес на руках до грузовика стариков родителей-инвалидов, жена несла малюток. Жутко! А солнце какое было! И оно улыбалось. Дождалась Ты, дождалась за долгие века красивых зрелищ, даже смех берет ха, ха, ха. И Ты, солнце, смеешься над человечеством...

Март 28 (втор.).

Продолжение. Думала, что уже конец. Всем. Кровавая трагедия. Не хватает слов писать. Я оба дня была на работе. О, бедные, бедные матери, вернувшиеся с работы домой и не нашедшие своих детей. И к кому, к кому осталось обращаться? Бога нет — он посылает солнце смеяться, люди предатели, один хуже другого они выдают детей, которых удалось спрятать. Богу, братству, идеалу — всему пришел один конец. Над всеми властвует инстинкт жизни и

⁵⁸ Трумпельдор — национальный герой еврейского народа.

⁵⁹ «Вайврах» — (*иврит*) убежать.

⁶⁰ Фридрих Ницше — немецкий философ.

смерти...

Апрель 4 (втор.).

На первый взгляд, кажется, все успокоилось. Кого не коснулась беда, тот остался спокойный. У кого вырвано сердце, рана от сострадания не заживет, ой не заживет. Сытый голодного не разумеет. И все же гетто нам ничего хорошего не обещает. Кто может, убегает. Ясно, вначале старых, потом молодых... Настроение плохое. Нет больше в мире чудес...

Апрель 7 — Побег Я там была...

Я там была. Земля дрожала,
Молитву рабби скорбно пел,
И лишь молитва провожала
Людей бредущих, на расстрел.

И слезы там лились ручьями,
И Бог несчастных не спасал.
В сарае, прячась за дровами,
Ребенок летопись писал.

Я снова вижу пред собой
Лицо немецкого солдата.
Детей, как стадо на убой,
Он гнал под дулом автомата.

Я там была в Литве, в аду,
Ужасных зверств я не забыла,
Но слов таких я не найду,
Чтоб рассказать, как это было.

Здесь кончается дневник, написанный в гетто. Дальше, по хронологии, следует очерк «Под небом, озаренным огнем», написанный в имении Пакамачай, 25 июля — 6 августа, 1944 г., куда меня отправила Петронеле, чтобы обеспечить большую безопасность для нас обоих.

Отступление третье:

Итак, после долгих колебаний и раздумий, я решила покинуть гетто. Конечно, это решение далось мне нелегко. Особенно тяжело было покинуть пожилых родителей, которые были не совсем здоровы. Но отец рассказал, что недалеко от Каунаса, в курортном городке Панемуняй строится «малина» для укрытия группы евреев. Родителей пригласили туда в качестве врачей. Перспектива спасения родителей меня успокоила. Побег хранился в строжайшей тайне. Даже Витя не знал о том, что я собираюсь уйти. Конспирация была необходима, чтобы не пострадали люди, помогавшие мне осуществить план побега, разработанный отцом совместно с др. П. Кисиной, которая была связной между нами и моей учительницей Петронеле Ластене. Эта смелая женщина выходила из гетто и шла к знакомым литовцам, прося принять и спасти детей. И многие откликались, несмотря на то, что за помощь евреям грозила смертная казнь.

После моего ухода, Витя обнаружил дневник, вложил в жестяную коробку обе наши тетради и закопал под окнами дома. Благодаря Вите, мой дневник сохранился. Парадоксально

звучит, но раньше чем появиться на свет Божий, дневник был похоронен в земле, где пролежал почти шесть месяцев. Надо отметить, что первую часть дневника, о которой я упомянула раньше, что она, якобы, утеряна, Витя просто забыл выкопать, а, может, не нашел. Я вспомнила об этом только тогда, когда начала подготавливать дневник к изданию на иврите. Это было в 1974 г. Витя был еще в Вильнюсе, в отказе. Я так и не спросила его о той первой коробке. Возможно, что кто-то выкопал ее и выбросил. Местные жители искали золото и драгоценности в районе гетто.

Понятно, что в ту ночь перед побегом, я не сомкнула глаз. Надо было хорошенько выучить и запомнить маршрут, придумать «легенду» в случае провала, запомнить фамилии многочисленных знакомых отца к которым можно будет обратиться за помощью в экстренных случаях. Ни малейшей записочки у меня не должно было быть. Все — в памяти.

Перед рассветом, я уже была на ногах. И, наверное, впервые в своей жизни увидела рассвет. Я была поражена красотой восходящего солнца. По небу катился большущий, красный как кровь, шар солнца. Мне казалось, что ничего хорошего он не предвещает.

От нервного перенапряжения, меня всю трясло, как в лихорадке. Я никак не могла справиться с дрожью. Только не хотелось, чтобы отец заметил в каком я состоянии.

Мама приготовила смену белья и положила в портфель. Если останоят, я скажу, что иду в баню. Расцеловалась — распрощалась с мамой, папа пошел меня провожать. По дороге я стала думать, что не знаю, где находится баня. Быстренько побежала домой, отдала маме портфель еще раз попрощалась, и, шагнула в неизвестность. Мне стало немного спокойнее. Ничего не иметь при себе, никаких улик, казалось, самым надежным вариантом.

Отец проводил меня до самой бригады, в которую я должна была внедриться. С бригадиром, очевидно, было все оговорено заранее. Никто ни о чем не спрашивал. Я попрощалась с отцом, и он двинулся в обратный путь. Перед моим взором на всю жизнь осталась сутулая фигура отца согнувшаяся под непосильной ношей. Так в сущности и было. Он отпустил свою малолетнюю дочь одну в этот коварный и злой мир. И, наверное, терзался сомнением — правильно ли поступил. Старшего сына папа не хотел отпускать, и брат погиб в свои 15 лет. Может быть, эта трагедия подвигла отца отпустить меня. Совпадение или случайность, но мне тогда тоже, как и Рудику, было пятнадцать.

Вот как я описала свой побег в очерке: «За право быть».

«...Опять наступила Пасха. Этот радостный для всех христиан праздник, когда Христос воскрес. И я воскресла. Седьмого апреля исполнится годовщина грустного и одновременно радостного дня, когда я покинула лагерь. Грустно, что в этот день я навсегда распрощалась с родителями, которые погибли в печах крематория. Радостно, что я сделала свой выбор и обрела свободу, и право на жизнь.

Я будто и сейчас вижу то яркое весеннее утро, когда красное, словно огненный шар солнце, купалось в голубых водах реки Нерис. Мы плыли на небольших лодках. На другом берегу был мебельный комбинат, в котором работали люди из лагерной бригады. Меня пристроили к этой бригаде и послали в первую лодку. Конвоиры находились в последней. Когда наша лодка причалила к берегу, конвоиры были еще на середине реки. Мне предстояло незаметно отделиться от бригады, быстренько сорвать желтые звезды, которыми были помечены все евреи, и скрыться в первой попавшейся подворотне. Я сильно волновалась, нервы были напряжены до предела. На душе очень тревожно. От меня зависела судьба многих людей, которые приняли участие в этой „операции“. А что если схватят? — преследовала назойливая мысль. Гестапо, смерть мучеников ожидало не только меня и родителей, но еще целый ряд людей. Я рисковала. Однако игра стоила того. Лодки причалили к берегу. Бригада построилась в колонну и отправилась к месту назначения. Слава Богу, людей не пересчитывали, как это было принято. Если бы обнаружили, что не хватает кого-то, мне несдобровать, ибо вытащить меня из незамысловатого укрытия было проще простого.

Подождав еще некоторое время, пока бригада удалится, я вышла из укрытия и направилась в центр города. Утро было раннее, и людей на улице немного. Но казалось, что все обращают на меня внимание и вот — вот останоят и спросят, что я тут делаю. А я скажу...

хм, что же я им скажу? Надо придумать какую-нибудь „легенду“, чтобы отвечать без запинки. Время у меня есть. Путь предстоит довольно длинный. Ну что ж, буду идти и думать, авось, что-нибудь придет в голову.

Прошагав через весь город, добираюсь, наконец, до улицы Донелайчио. Здесь улица сворачивает в тупик. Все точно по плану, который пришлось запомнить с рисунка доктора Кисиной. Она здесь бывала не раз, и начертила подробный план. Раннее утро. Где-то кукарекает петух. Играет музыка. Я топчусь возле калитки. Еще рано идти к людям. Неудобно. Но и задерживаться слишком долго тоже нельзя. Могут обратить внимание, арестовать. Ведь я — вне закона.

Медленно поднимаюсь по лестнице. Предательски дрожат колени. На третьем этаже стучу в приоткрытую дверь, и сразу же попадаю в объятия моей учительницы. Оказывается, меня здесь ждали. Петронеле тут же звонит кому-то и сообщает, что пришла Эленуте. Это я, Эленуте? Странно.

Петронеле дает мне метрическое свидетельство. Никогда раньше я не видела документов. Там четко написано, что я — Эленуте Савицкайте, дочь Алдоны. Вместо отца стоит жирный прочерк. Несмело спрашиваю:

— Здесь, кажется, должен быть вписан отец?

Петронеле смеется: „Не надо отца, так проще“.

Хорошо ей смеяться, а мне каково. Мало того, что присвоили чужие имя и фамилию, так еще и отца лишили, и жить мне сейчас незаконнорожденной. Ах, мой горячо любимый папа, не знала я тогда, что распрощалась с тобой навсегда. Я так гордилась тобой. Ты лечил людей, облегчал страдания душевно больных, лечил гипнозом алкоголиков. Писал статьи в научные журналы, читал студентам лекции по психиатрии, давая множество примеров из своей обширной практики.

Будучи военврачом литовской армии, ты подписал присягу о верности служения Литве. Ты служил Литве верой и правдой, но Литва даже мизинцем не пошевелила, чтобы чем-то помочь своему гражданину, как это сделали Финляндия, Болгария, Дания и некоторые другие страны.

Сейчас мне предстоит забыть свое имя, и отзываться на имя Эленуте. Предстоит забыть свою фамилию, свою семью, вычеркнуть из памяти свое прошлое. Мне предстоит... не быть самой собой. Разве это так много?

И началось мое хождение по людям. Как колобок, катилась я от одних добрых людей к другим, меняя место пребывания. Люди эти были герои.

Так хотелось крикнуть: „Не открывайте двери, не впускайте меня в свое жилище я — меченная, за мной по пятам плетется смерть“...

Но очень хотелось жить, выжить любой ценой... Однажды чуть не подвел Федор Михайлович Достоевский. Да, тот самый. Я читала „Преступление и наказание“. К учительнице пришла ее коллега. Поинтересовалась, что девочка читает. На следующий день в школе она сказала: „Ты скрываешь еврейку. Будьте осторожнее. Подумай сама, какая литовка в ее возрасте может читать Достоевского по-русски“.

С тех пор я больше не читала Достоевского».

Глава 4, 1944 г.

И... покатился колобок далеко-далеко, аж, до самой латвийской границы. Там стояло красивое имение — Пакамачай, и жили очень добрые люди Вера, и Петрас Эффертас, которые управляли этим имением.

Точно не помню когда, но после того, как у Петронеле собралось слишком много еврейских детей, меня посадили в кузов грузовика и велели ехать в г. Пасвалис. В Пасвалис, так в Пасвалис красивое название — подумалось мне.

— А дальше что?

Дальше — напутствовали меня, пойдешь на базар и там покрутишься немного, и к тебе подойдут.

— Пароль? — спросила я, начитавшись детективов.

— Тебя вычислят — был ответ.

Деревенские всегда узнают городского по им одним известным приметам. Конечно, я немного беспокоилась. Меня тревожил этот извечный вопрос, «А если?» Но выбора не было. И самое интересное, что все сошлось тютелька в тютельку. На базаре ко мне подошел мужчина, и сказал: «Поехали!». Я вскарабкалась на телегу, и снова отправилась в путь. Проехали мы по проселочным дорогам километров 20 или 30, точно не помню, пока не достигли имения. Там меня радушно приняла жена управляющего Вера, которая являлась сестрой Петронеле. Вера не знала, что я еврейка. Ее сестра решила, что так оно будет спокойнее. А была я блондинка с голубыми глазами и говорила бегло по-литовски. Легенду сочинила Петронеле: я сирота, ее ученица больна начальной стадией туберкулеза и нуждаюсь в свежем воздухе и калорийной пище.

Имение находилось недалеко от литовско-латвийской границы. Рядом уже шли бои за освобождение Литвы.

Пакамачай стоял на маленькой, но очень бурной речке Камате. Рядом шумел лес. Место было живописное и тихое. Здесь я нашла приют до прихода Красной Армии, помогая в хозяйстве, выполняла разную посильную работу. Первое мое задание было отгонять скворцов. Я замещала собою пугало в большом вишневом саду с изумительно вкусными вишнями, которые пришлось по вкусу не только мне, но и скворцам. Мне дали две деревянные колотушки, и надо было ходить по саду и стучать ими. Скворцы вначале пугались, но вскоре привыкли. Зато я объедалась вишнями за обе щеки, благо петь меня не заставляли. Я полола цветы, ухаживала за пчелами и даже пробовала доить корову, но этот мой опыт кончился печально. Корова взбрыкнула, и драгоценное молоко разлилось. Мне очень нравилось сбивать масло. В деревянный сосуд вливала сливки, вставляла деревянный поршень, который долго двигала вверх-вниз, пока не образовывалось масло.

Часто вспоминала рассказ Петронеле о двух лягушках, которые упали в сливки. Одна из них сразу сдалась и погибла. Другая карабкалась по стенкам сосуда, шлепалась вниз, и опять карабкалась до тех пор пока не сбила масло, и выбралась наружу. Эту притчу рассказывала нам Петронеле на уроке истории.

Так протекала моя жизнь среди добрых людей, красивой природы и легкой работы.

Случались, конечно, неприятности и здесь, но, по сравнению с городом, это была тихая заводь пока не приблизился фронт. Бои то приближались, то откатывались куда-то. Изобретательный Пятрас повесил на одной и той же рамке двухсторонний портрет. С одной стороны смотрел ненавистный Гитлер, с другой — тиран и диктатор Сталин. И так, в зависимости от того какие войска были ближе, Пятрас переворачивал портреты.

Но в один не совсем прекрасный летний день Вера и Пятрас засобирались в дорогу. Они очень боялись большевиков и понимали, что Сибири не избежать. Тем более что брат Веры был сослан в ГУЛАГ еще в 1940 г.

Зуд «писательства» не оставил меня и здесь и, раздобыв толстую тетрадь в клетку, я опять начала почти каждый день записывать что с нами происходит. Этим записям я не придавала форму дневника, ибо не могла обо всем писать откровенно, как в дневнике. Я все еще была вне закона, и об этом никто не должен догадываться, а тем более прочесть. Здесь привожу отрывок из этих записей.

Под небом, озаренным огнем. Пакамачай

28 июля-6 августа 1944 года.

По воле случая, летом 1944 г. я очутилась в имении Пакамачай. Имение находилось

близко от литовско-латвийской границы. Недалеко от этого места шли бои. В спокойные минуты я записывала, что происходит с нами.

— Элянуте, — раздался голос снизу, — спустись.

Гремя клумпами, слетаю с лестницы и останавливаюсь возле жены управляющего Веры.

— Кончайте с Казей собирать вишни и выберите косточки. Уже последние вишни, если их не собрать, то скворцы поклюют.

— Хорошо, — отвечаю, и, взяв корзину, спускаюсь в сад.

Уже несколько месяцев я здесь. Я — это Элянуте Савицкайте. Так написано в моих фальшивых метриках. А вообще-то, я — совсем не я, ибо быть собой мне запрещено законами Третьего Рейха. Но в пятнадцать лет очень хочется жить.

Пакамачай — красивое имение, стоит на берегу небольшой, но быстротечной речки Камате. Рядом — лес.

Управляющие — Пятрас и его жена Вера — на редкость хорошие люди. Добры ко мне.

— Пятруте, где хозяйка? Я принесла ягоды...

Что тут творится! Вера и Пятрас складывают вещи в мешки, а старая, мать Пятраса, рыдает.

— Элянут, — говорит хозяйка, — русские у Пасвалиса, мы уезжаем. Хочешь бежать с нами?

— Что? — Я растерялась. Не знаю.

Вера добавляет:

— Остаетесь самая младшая и самая старшая — хозяйничайте! Ты — «Маленькая хозяйка большого дома».

У меня сжалось сердце. Они уезжают. О, Адонай, Адонай!..

— Но послушайте, если русские сегодня у Пасвалиса, то завтра утром они будут у нас, — говорю домочадцам.

— О, Боже! — охает Пятруте, рассказывают, что они очень жестокие, вырезают всех, сжигают все.

— Ах, перестаньте, Пятрут, за что нас будут убивать? Мы — рабочий люд.

— Иди ты, дитя, не рассуждай, еще ничего не понимаешь, схватит тебя какой-нибудь «русак», потащит в канаву, тогда будешь знать.

А, причиняешь мне боль горбатая ведьма. Хорошо, буду молчать.

Бум, бум, бим, бим, — стенные часы пробили четыре. Вскликаю с кровати и выбегаю во двор. Русских еще нет? Бегу к дороге — никого не видно. Ну, зачем им ночью идти? Придут утром.

«Бум, бум, бум» — послышался близкий взрыв, и над лесом взвилось пламя...

Слышу, Балис говорит Марте:

— Увидите, госпожа, завтра здесь будут русские. Немец бежит...

— Ну, девчонка, что так поздно встала? Уже театр кончился, — приветствовала меня утром Марта.

«Девчонка» — это обращение всегда вызывает во мне горечь, и я чувствую к Марте неприязнь.

— Какой театр? — спрашиваю.

Вот, говорит, проехала по шоссе по направлению к Салочай немецкая армия.

— Пусть себе, не мое дело. Ну, а выстрелы еще слышны? Нет? Я слышала на рассвете, как весь дом сотрясся.

Вдруг близко раздался взрыв. Пауза. И воздух сотрясло мощное извержение ада. «Бум, бум» — бегу к дому.

«Бум, бум» — бежим в сад. «Бум», будто следует за нами, «И, и, и» — завизжала пролетающая граната, и «бум, бум, бум», — с угла дома на наши головы посыпались кирпичи.

Возникла паника... Балис кричит: «В подвал!», Пятре: «К речке!», Марта, смертельно бледная, кричит: «Погибли!».

Внезапно разверзшийся ад поверг всех в страх.

— Как посыпались кирпичи, как посыпались! — могли нас всех убить — делятся впечатлениями домочадцы.

— Сейчас бежим, — командую я.

Кто взял масло, кто схватил хлеб, нож, пальто и все понесли кто-куда. Мужчины уже давно разбежались, словно зайцы, и сидели, спрятавшись, во ржи. Бредем через хлеба, без дороги, спешим по направлению к лесу. Всех занимает одна мысль — сожгут или нет.

Слезший с дерева, Скуос сообщил последние известия: весь большак, словно муравейник, кишит солдатами, какой армии — невозможно различить. Недалеко от Салочьяй горят хаты...

Балис отправился в разведку. Бабы политикуют. Этого я не могу вынести. Все кричат вместе, размахивают руками, гордят чепуху. Мы с Мартой идем домой. Включаю радио. Слышится только «тра-ля-ля» и «тра-ля-ля», больше ничего. Выглянула в окно и вижу — старая идет с двумя солдатами.

— Русские, немцы? — промелькнула мысль.

— Здравствуйте, товарищи, — встречаю их.

— Здравствуй! Русская?

— Нет, литовка. Заходите, пожалуйста, перекусите.

Входят. Посылаю Лизу за пивом. Ничего, не страшные. Кажется люди, как и все. Успокаиваюсь.

Входит Марта.

— Ох, товарищи! — Она так радостно приветствует их, словно ждала всю жизнь.

«Артистка!» — думаю злобно. Наблюдаю за ними. Вижу только томимых жаждой людей. Есть не хотят. Выглядят хорошо. Видно, не голодают. Жадно пьют пиво.

— Вот пива-то я давно не пил, — говорит солдат. Четыре года воюю, а пива во рту не имел.

И так целый день шли солдаты один за другим. Лошадей всех вывели, пиво все выпили, а все еще идут и идут. Вот сейчас подходит толстый такой солдат с жестоким выражением лица.

— Где хозяин? — подошел к нам солдат.

Амис принялся лаять.

— Амис, перестань!

Солдат вытаскивает пистолет и целится в собаку.

— Не губите его, — просим, — это наш друг.

— Где хозяин? — повторяет вопрос солдат.

— Уехал.

— Куда?

— Мы не знаем.

— А, убежал с немцами, проклятый! Ну, а вы кто такие?

— Мы рабочие.

— Так вот, товарищи, мне нужна лошадь.

Мы вздохнули. Уже девятый солдат просит лошадь, откуда мы ее возьмем?

— Мы все вам отдадим, товарищ, мы душу вам отдадим, но лошадей больше нет, — красиво говорит Марта.

— На ваших душах далеко не ускачешь, мне нужна лошадь! Поняли? Чтоб сейчас же мне была лошадь, ибо, когда пойду искать сам — будет хуже.

— Пожалуйста — ищите, что найдете — берите.

Ясно, лошади он не нашел. Началась атака со второго фронта в столовой.

— Дайте пива, водки, самогона.

— Можете получить только воды.

— Дайте поесть!

Подали. Обыскав дом, он нашел сапоги.

— Сапоги — это хорошо! Без подошвы — дерьмо! — выругался. Оставив сапоги в столовой, вошел в кухню. Смотрит на Лизу и говорит:

— Они обуты, почему ты босая? Не имеешь? Так идем, я тебе дам.

Возвращается в столовую. Смотрит — сапог нет.

— Где? — остановился, рассерженный.

Я хватаюсь за живот, смех раздирает меня: оказывается, пришла старая, увидела хозяйкины сапоги, цап и — шлеп-шлеп — убежала с удивительной быстротой.

Солдат бесится. Входит старая. Со всех сторон нападают на нее: «Где сапоги?»

— Я не знаю, я не знаю, — вертит седой головой.

Солдат схватился за пистолет.

— Вот, я хотел своей землячке сапоги подарить, а ты — украла. Я тебя застрелю.

— Не губите ее товарищ, она уже и копейки не стоит, жаль трудов.

А старая, услышав, что ее хотят застрелить, пустилась в бега, залезла в кусты и проторчала там до самого вечера. Но солдат не успокоился. Не получив ни одной желаемой вещи, заявил, что ему требуются женщины.

Я первая быстренько умчалась. Потом убежали Балис с Лизой. Марта осталась одна и хитро откупилась, вместо себя дала ему меда, да пригласила еще и завтра прийти...

Ночью Балис говорит Марте:

— Тут уже никого не осталось. Утром будет большой бой. Уезжайте как можно скорее.

Марта:

— Что делать? Что делать?

Часы пробили два. На дворе темная ночь.

— Где свечки, спички? Запрягай, Балис, — наконец решается Марта.

Поспешно выносим вещи. Поднимаем шум, стучим дверьми, так что и мертвый бы проснулся. По лестнице спускается заспанная Пятре.

— Что вы тут вытворяете? — спрашивает.

— Мы уезжаем, Пятрут.

— Что? Ночью ехать, дурни!

Но и она оделась и пришла. Шумно кряхтя, словно тяжелая артиллерия, на крыльце появилась старушка. В белой ночной рубашке, в белых панталонах, словно явилась из потустороннего мира.

— Что выдумываете? Спать не даете! И, услышав, что мы собираемся бежать, как начнет смеяться: Ни тут стреляют, ни что-либо происходит, а они — бежать!

— Иди, иди, старая, если твои уши глухие, никто не виноват. До свидания!

— Возьмите и меня с собой, — внезапно взмолилась она. «Ни тут стреляют, ни что-либо происходит», зачем же тебе трястись в телеге?

Двинулись. Я села за кучера, взяла вожжи. Остальные шли пешком. Вперед, в путь, в темную ночь, вперед! Но-о-о, Гитлер (лошадь), беги!..

«Бам», — один чемодан свалился на землю, «тра-та-та» — мы въехали в канаву.

— Пс, пс, но, но о! — плохой из меня кучер. — Но-о, Гитлер, беги быстрее!

Ленивая лошадка еле-еле двигается. С такой клячей далеко не убежишь.

— Стой! — дальше не поедем.

Как жаль. Мне так хотелось ехать далеко-далеко, в самую пасть черной ночи, наперегонки с наступающим днем, вперед, куда глаза глядят. Мне было так хорошо сидеть в телеге, медленно покачиваясь во все стороны, подгонять ленивого Гитлера и ехать, и ехать всю жизнь, а тут — «стой!»...

— Какая страшная война! Сейчас уже умрем, — вздыхает Пятре...

Послесловие

Через несколько дней установилась советская власть. В имени организовали какой-то комитет. Сразу проверили документы. Я показалась им подозрительной.

— Твои метрики фальшивые, — сказал мне председатель. Кто ты?

Положение было еще нестабильное, немцы могли вернуться, и поэтому я не хотела

раскрывать себя. Но они сами придумали кто я.

— Ты — незаконнорожденная дочь хозяев, — сказали мне на следующий день.

(В письме из Канады в Израиль Вера написала мне, что кухарка часто приставала к ней с расспросами о том, кто я такая. Чтобы отвязаться от нее, Вера сказала, что она в юности согрешила, и я ее незаконнорожденная дочь. А, а, потому так похожи — выдохнула Пятре. Вера попросила никому не рассказывать. Этого было достаточно, чтобы все узнали).

Что ж, это была неплохая легенда. Так я стала «кулацким отпрыском», и кое-кто снова смотрел на меня с подозрением.

Надо было возвращаться в Каунас. Председатель лично проверил все вещи — много ли у меня золота. Обидно было, когда отобрали подарки, которые подарила мне Вера. Отныне все стало «народным добром».

Взяла я с собой только томик Лермонтова и словарь иностранных слов. Советская власть не возражала. Эти две книги и поныне со мной, и напоминают о пережитом в юности.

Отступление четвертое

Я вернулась в Каунас, где после почти полугодовой разлуки встретилась с Витей. Встреча была радостная и одновременно печальная. Мы потеряли самое дорогое в жизни — своих родителей. Пришлось начинать жить с нуля, я бы даже сказала намного ниже нуля, ибо душа была невероятно искалечена и в свои пятнадцать я ощущала себя глубокой старухой. Мне в течение года помогали материально спасительницы, пока их не репрессировало НКВД. Вите было семнадцать, и он пошел добровольцем в Красную армию.

При встрече, Витя вручил мне дневник, который с большим трудом нашел в руинах нашего дома. Перед отступлением фашисты сожгли все гетто и многие люди, которые надеялись спастись в «малинах», сгорели заживо.

Пришло время коротко рассказать о дневнике. Как я говорила выше, тетрадь досталась мне по несчастливой случайности. Друг брата Рудольфа, Цезарь Румшицкий, увлекался авиамоделизмом. Эта тетрадь принадлежала ему. Но ввиду того, что их семья попала в лапы гестапо, откуда уже никто не возвращался, авиамоделизм, светлой памяти Цезику, уже не мог пригодиться. Я дала тетради вторую жизнь, превратив ее в свой дневник. Это была довольно толстая тетрадь в клетку, исписанная только на треть. Вот она лежит передо мной в большом белом конверте, который оберегает от влажности. Тетрадь очень старая ей исполнилось шестьдесят шесть лет. За эти годы оторвалась обложка, пожелтели страницы. Я очень берегу ее, ведь это единственная моя реликвия сохранившаяся с тех ужасных дней. Первые двадцать страниц посвящены моим стихам того периода. Стихи я писала по-литовски. Они, по-моему мнению, не достойны перевода. Но кто-то сделал подстрочный перевод на иврит и студенты разбирали эти стихи. Мне прислали одну из таких работ. Далее идут записи. Вначале я писала каждый день, но потом все реже и реже по мере накопления материала. Среди записей мелькают разбросанные рисуночки и четверостишия. Я рисовала анютины глазки, зеленые веточки. На одном рисунке изобразила Вечного Жида. Этот рисунок привлек внимание издателя на иврите и он использован для обложки. В последних страницах я писала какие и сколько продуктов получила в обмен на ту или иную вещь. Деньги не имели ценности. И мы меняли ту или иную вещь на продукты. Одна запись особенно привлекает внимание. Я зашла в лавочку, где мы до войны покупали продукты. Хозяин узнал меня. Взял рюкзак и наполнил его доверху ценными продуктами. Это подарок, — сказал он. Я была счастлива.

Вначале писала химическим карандашом. Эти записи очень хорошо сохранились. Черные и синие чернила тоже выдержали испытание временем. Зеленые чернила оказались менее устойчивыми и местами сильно поблекли. А сейчас я возвращаю вас к оригиналу.

Октябрь 12 (среда).

Промчалось пять месяцев. Осеннее солнце опустилось на землю. Молоденькая весенняя жизнь угасла. Под ногами желтеющие листья. Картина изменилась. Погибли люди. От сожженного пламенем гетто остались жуткие следы. Ни одного дома там, где стояли наши дома только мрачные, серые трубы возвышаются над пепелищем, свидетельствуя, что это место — кладбище. Трубы устремились ввысь, будто моля у небес отмщения за причиненные злодеяния. Мы свободны. Уже пять месяцев как я скинула с рук оковы. Пришли освободители. Но, увы! Только горсточке евреев удалось спастись. Последние искры большого костра.

Моя жизнь повернулась опять в другую сторону. Сирота. Одна, как перст, в мире. Тяжелый жизненный путь. Родители вывезены летней золотой порой. Они погибли. О, бедные! Бедный мой папа, мамочка, не могли они убежать... Ой, только тяжкий вздох могу выжать из страдающей груди. Но мой милый Витукас, он жив. Ах, я еще не совсем одна, со мной друг моих горестей и радостей, мой милый братик. Очень рада, что ему удалось спастись.

И больше никого... Только два отпрыска из старого семейного древа. Грустно шуршит листвою дубняк, что растет рядом с нашим домом. Лишь несколько дубов осталось, и они грустят по вырубленным братьям. Я иду утешиться к ним — и нас только двое.

Но мое большое желание осуществилось. Вы слышите, дубы, я — ученица. Я опять села за старую гимназическую парту и пригоршнями черпаю знания. Счастлива ли я? Молча опускаю голову. Увы, я не чувствую себя счастливой. Перед глазами возникают видения, воспоминания счастливого прошлого. Почему я говорю — счастливое прошлое? Да, быть может, и счастливое, потому что, хотя руки и ноги были скованы, но сердце было свободно. Сейчас же сердце сковано. Я одна посреди дремучего леса, ищу путь к близкому, материнскому сердцу. Материально я существую, но морально? Ах, мораль. Я учусь, я живу, я жую траву горечи.

Дитя, чего тебе еще надо?

— Мамочку, — тихо шепчу в самом укромном уголке сердца.

Но что такое сама жизнь? Из темного угла комнаты выползает призрак. Такой молодой, такой красивый. Я смотрю на него, и замечаю, как постепенно лицо его меняется. Чем дольше смотрю, тем противнее становится его лицо, страшнее улыбка. Я отворачиваюсь. Такова и ты, жизнь. Я видела уже твое настоящее лицо.

Сегодня видела покойника. Красивый, цветущий человек, подкошенный смертью, лежал в гробу. Др. Стукас. Белые как снег руки покоились на его груди, а посиневшие губы улыбались. Он улыбался, но не жизни, он уже лицезрел смерть. А мне, казалось, что он жив. Вот улыбка на его лице расширяется, и мускулы лица приходят в движение. Галлюцинация! Он мертв. Как это может быть? Природа, объясни! Неужели человек бессилен против судьбы? Да. И перед лицом смерти также слаб и беспомощен человек. И зачем же тогда бороться, работать, страдать? Зачем радоваться или грустить? Ведь все равно завтра, вытянув ноги, будешь лежать в гробу. И ни одна слеза не проводит тебя в путь. Ни одна! Но к чему они — слезы? Разве легче смотреть на неописуемую скорбь матери у тела покойного сына? Неужели легче видеть муки матери, когда умирает ее кровное дитя? Нет, сто раз нет. Так не ищи ее, тебе ее не надо. Земля тебя, усталую приютит, небо прольет слезинку, и земной путь будет завершен. Зачем горевать, грустить, зачем любить или ненавидеть? Не надо. Это только засохший цветник на лугу жизни. Но человеке, ты же — человек!

Октябрь 25 (среда).

Интересная жизнь. Вот уже две недели как я в гимназии, кажется, что пробьюсь в число первых учеников. Этот месяц внес кое-что новое в мой жизненный путь. Получила письмо от тети из Киева. Теперь я не чувствую себя такой одинокой, где-то вдали бьется родное сердце. Из нашего дома позавчера выехали солдаты. После продолжительных столкновений дом

нахально занял Марконь-Маркович⁶¹, подлец из подлецов. Пострадали кухонные окна, и опечатана мебель. Вера⁶² проявила большую самоотверженность. Ах, бедная, как больно ее оскорбили. Золотой человек. Целый час я ругалась с Марковичем, но чья сила, того и правда. Я еще надеюсь на помощь Ластене⁶³. Может, моя дорогая опекунша сможет чем-нибудь помочь. Она прилагает много усилий, и я надеюсь на успех. Как мне обидно, как я нервничаю, когда эти восемь Маркончиков ревут целый день. Попробуй заниматься. О, отец, ради этого ли ты промучился всю жизнь, строя этот дом, чтобы какие-то воры отобрали его у твоих детей. Но нет, я этого так не оставляю. Виктор заварил кашу, наивное дитя, но я ее выхлебаю. Я добьюсь своего. Услышь, небо, мою клятву. Марконис еще очутится на ул. Мицкявичяус. (в тюрьме). Я борюсь, единоборствую с жизнью. Но жизнь, почему ты так жестока ко мне? Жизнь, сжался над бедной сиротой. Почему ты посылаешь мне столько испытаний? Ты думаешь, что я надломлюсь? Нет, ветры пустыни, вы не надломите меня, и не унесете с собой, как пушок. Я могу лишь сказать, что надоело и выпить бутылку «сабодила»⁶⁴. Но я хочу жить, чтобы победить в жизненной борьбе. Хоть век пришлось бы бороться. Но зато, когда лягу отдыхать, я смогу воскликнуть — «я победила». Я смету с лица земли этих пиявок, удалю жуликов и паразитов. Возродится новое поколение, и улыбнется изборожденное морщинами лицо земли. Поколение, возвращенное войной, — аморальное, лишенное совести и добродетели, — будет уничтожено. Погибнет оно смертью жалких вырожденков, погибнет оно, как запущенный лес. Придет палач-чума и уничтожит всех до одного, проклятых. Смерть паразитам! Вставай земля, вставай для новой жизни. Вскоре взойдет солнышко светлой жизни и исчезнут миражи темной ночи. Так, к борьбе, все те, кто только может!

Ноябрь 11 (субб.).

Дни бегут. И что? Ничего. Учусь. Переехала жить в город к Броне. Тепло, сытно, хорошо. Чего еще надо? Больше ничего — живи и радуйся, «һатиква»⁶⁵.

Декабрь 28 (перевод с идиша).

Ничего нового. С болью в сердце замечаю, что начала забывать дорогой мне язык идиш. Что с тобой, Тамара? Разве ты уже забыла тяжелые времена гетто? Разве забыла те страдания, что выстрадала вместе со своим народом? Как это могло случиться? Где клятва, которую ты принесла мрачной и темной ночью? Опомнись! Еще есть время. Открой глаза, взгляни, и ты опять увидишь, как страдает твой народ. Из тьмы раздается голос: «Оглянись». Да, я слышу этот голос. Он спасет меня от вечного позора. Я слышу этот зов, и мое сердце готово разорваться от боли. Где я была до сих пор? Быть может, дремала? И мне снился красивый и светлый сон. Увы, это был лишь сон. И сейчас, когда я встрепенулась, я увидела вокруг себя

⁶¹ Марконь-Маркович — поляк, занял дом семьи Лазерсонов. После войны много домов осталось без хозяев, и чужие люди захватывали их, ибо архивы сгорели и трудно было доказать свое право на недвижимость.

⁶² Вероника Жвирунайте — учительница, биологии. Литовка. Принимала участие в спасении Тамары. Советы выслали ее в Сибирь.

⁶³ Петронеле Ластене — учительница истории. Литовка. Принимала самое активное участие в спасении Тамары и других еврейских детей. К ней Тамара пришла из гетто и жила у нее некоторое время. Советы выслали Ластене в Сибирь почти на 10 лет.

⁶⁴ Ядовитая жидкость.

⁶⁵ Израильский гимн.

ночь — черную, непроглядную, мрачную ночь. Я увидела страдание моего народа — страшную войну, услышала детский плач. Где я находилась до сих пор? — спрашиваю себя. О, народ Израиля, я не могу Тебя забыть.

Внутренний голос зовет меня к Тебе. Я иду, я готова идти к Тебе, пасть ниц и целовать дорогую, святую землю Израиля. Скажи, слышишь ли Ты меня? Скажи, не оттолкнешь ли дочь, которая после столь продолжительного времени хочет опять вернуться в Твое лоно. Скажи! Я мечусь, бушую, колеблюсь... Скажи! Я жду ответа...

(Мне предложили присоединиться к нелегальной эмиграции через Польшу в Израиль)

Декабрь 29 (перевод с идиша).

Плачет мое сердце от одиночества. Оно хочет вырваться из клетки. Вдали от радости и смеха проходит моя юность. Я одна-одинешенька, как одинокая пальма на пустынном берегу океана. И что толку в моей жизни? Единственный брат⁶⁶ мой, который еще остался из всей моей семьи, ушел. Но не плачь, сердце! Он будет мстить за пролитую кровь, за убитых родителей. Он находится там, где ему положено быть. Он выполнит свой долг. Да, а я? Я ничего не делаю. Сажу над книжками, читаю, учусь, изредка сочиню стихотворение. Так бегут дни золотой юности. Но настанет день, когда я буду об этом жалеть. Я буду плакать и звать назад прошедшие дни. Но будет слишком поздно. Скажи, скажи, Иегова, что я должна делать?

Как жить иначе? Я далека от моего народа, и это причиняет мне боль. В гетто все было по-другому. Но не только одна я виновата. Почему они такие злые и плохие, сыны Израилевы? Я их люблю, я их дочь. Этого они не знают, и не хотят знать. Почему они все видят только в одном свете? Почему они такие ограниченные националисты? Я хочу всех любить, все человечество мне дорого, а они думают, что я ассимилирована. И что я больше не еврейская дочь. О, вы ошибаетесь, дорогие друзья. Мне очень стыдно, что я начала забывать идиш. Но ничего. Вы видите — я поклялась часто разговаривать хотя бы сама с собой на идише, а иногда писать на этом языке. Мне стыдно забыть язык моего народа. И этого не случится.

Глава 5, 1945 г.

Январь 14 (воскр.).

Скучно и холодно. Мрачно на улице, а на душе... Виктор уехал куда-то далеко и я не знаю где он. Дядя и тетя⁶⁷ в далеком степном краю, а я здесь одна, чужая. О, Боже какая мука быть одной среди чужих. Ни матери, ни отца... Не к кому приласкаться, поцеловать. Кругом только холодные, марионеточные лица. Люди, сколько может так продолжаться? Как может выдержать человеческое сердце? Я хочу умереть, чтобы не страдать, не жить, не ощущать ни этой нужды, ни ненависти, ни счастья. За что мне доля такая? За что я страдала столько лет? И когда кончится все это? Когда по щекам перестанет катиться слеза? Когда взойдет солнышко более светлой жизни? Когда? Никогда. Когда душа поднимется над землей, когда она попадет в рай только тогда найдешь ты душевный покой. Так почему же столь жестока жизнь? Неужто совсем нет счастья?

Январь 22 (втор.).

⁶⁶ Виктор добровольно ушел в Красную армию, на фронт. Ему было семнадцать лет.

⁶⁷ Тамару разыскала сестра отца, которая во время войны эвакуировалась из Киева в Чимкент.

Немного простудилась и в гимназию не хожу. Новостей почти нет. Дом стоял пустой, и пару дней тому назад его ограбили. Можно сказать хорошенько «почистили». Пострадала верхняя комната и моя летняя одежда. Но я не очень-то расстраиваюсь. Хотя это и случилось из-за моей неосторожности, точнее, оплошности. Но разве я когда-нибудь волновалась из-за таких вещей? Не волновалась и не буду волноваться. Нашлись какие-то господа, которые осмотрели дом. Может быть, купят? Во мне зажглась новая искорка надежды. Всем сердцем желаю, чтобы все устроилось как можно скорее, пока еще целы окна и двери. И, вообще, какое блаженство было бы переселиться туда и не ощущать тяжкого, вечно упрекающего голоса совести: ты ешь чужое, ты паразит — питаешься чужим потом и кровью заработанным хлебом.

Разве это не мука? Со странным удовольствием думаю, как хорошо, когда тебя не грызет совесть. А совесть молчит только в двух случаях: когда живешь с родителями, она дремлет и пробуждается, когда силы твои окрепли и ты совершенно подготовлен вылететь из родного гнезда, или хотя бы кормить своих воспитателей, и во-вторых — когда ты живешь на свой честный, хотя и нелегкий заработок. Тогда ты сам себе хозяин, делай что хочешь, живи как понимаешь. Нежной и сердечной опеки хотела бы я, ибо в сердце сибирский холод и никто его не отогреет. Мне жаль той ошибки, которую, допустила Ластене, составляя этот глупый акт опеки. К чертям! Сейчас она влюбилась в какого-то дядю и волочится за ним. Он живет у нее, а дальше там уж их дело... Но зато стала совсем злая. Будто девять чертей в нее вселились. И всего этого я козел отпущения... Увольте от такой роли.

Январь 28.

Освобождена Клайпеда.

Февраль 3.

Лужи. Кругом тает снег. Сыро. Промокают ноги. Как странно звучит февраль, разве уже прошла половина зимы? Как быстро мчится время. Жить становится все труднее. Кругом мрачная пустота. Меня мучают сомнения. На душе тяжело и грустно, но желудок сыт, а глаза видят исчезающие продукты. Тяжко. Учусь хорошо. Весной будут экзамены, а шестой класс так и останется в далекой мечте.

Февраль 12.

Потеряла душевный покой. Есть сведения о возвращении 600 каунасских евреев из Данцига. О, если бы среди них были бы мои! Тогда сердце билось бы живее, кровь текла бы горячее, и в голове родилось бы масса идей.

Февраль 24.

Не помню, когда ложилась спать раньше полуночи. Готовлюсь к экзаменам в шестой класс. День слишком короткий и приходится сокращать сон. Кончается триместр. Погода неплохая. Остальное все в порядке.

23/02 был день Красной армии — 27-я годовщина.

Февраль 28.

Кончается февраль. Тает снег, вокруг лужи, грязь. Сегодня узнала очень приятную

новость. Ластене получила письмо от др. Кисиной⁶⁸ из Польши. Она жива. Да, она не должна была погибнуть — спасительница стольких жизней и моей в том числе. О, Ты, идеальная женщина, я благодарю судьбу, которая хранила Тебя, ибо другую такую как Ты трудно встретить сейчас в мире. Мои последние дни в семье связаны с Тобой. Я помню как мы с папой поднимались по узкой и темной лестнице на Твой мрачный чердак. Ты первая раскрыла нам глаза. А этот последний вечер — слезы, благословение...

Нет, тогда не Ты говорила: это был глас наших праотцев. Ты умоляла меня не забывать прошлого. Ты умоляла меня остаться на веки вечные дочерью своего народа. Выполнила ли я эти заветы? О, милая Кисина, я ничего не забыла, и этот последний вечер еще долго будет мерцать в моей памяти...

Март 10.

Есть некоторые сведения о евреях, вывезенных в последние дни существования гетто. Будто бы мало кто погиб. Мамочка пять месяцев тому назад была еще жива в Штудхоффском лагере смерти. Очень, очень рада. О папе нет никаких известий, но терпение. Сегодня один из последних мученических дней. Заразились чесоткой и уже третий день смазываемся вонючими лекарствами. Фи, мерзко! Но сегодня последний сеанс. Занимаюсь много. Перед глазами весенние радости и горечь экзаменов. Броню⁶⁹ переводят в Вильнюс. Кажется, что начинается второй этап зимы. Давно не получаю писем и сама не пишу.

Март 24.

Кончается зима. Теплое весеннее солнце согревает мои старые кости. Вчера получила письмо от Виктора. Он возле Кенигсберга. Я готовлюсь вскоре переселиться на Видуно аллею. Провожу последние дни в городе. Остальное без перемен.

Апрель 1 (Пасха).

И опять наступила Пасха. Этот радостный для всех христиан праздник, когда Христос воскрес из мертвых. И я воскресла. Увы! Уже вторая Пасха без близких, без дома. Через семь дней исполнится годовщина грустного или, быть может, радостного дня, когда я покинула гетто. Я будто и сейчас вижу это яркое весеннее утро, когда красное, круглое, словно огненный шар, солнце купалось в прозрачной воде Нериса. Мы плыли в лодке. На груди красовалась желтая шестиконечная звезда, а на душе было тревожно. На моих плечах лежала ответственность за жизнь множества людей. «А что если схватят?» — преследовала назойливая мысль. Гестапо, смерть мученика ждет не только меня, но еще многих людей из бригады, родителей, «комитетчиков». Я рисковала. Лодочка ударилась о берег и потом что-то произошло... я будто ничего не чувствовала. Очнувшись, ощутила себя шагающей по ул. Ионавос. Бригада, немцы, гетто — все осталось позади и медленно погружалось в прошлое. На моей груди больше не было желтой звезды. Я была свободна. Обернись, посмотри в окно и ты снова увидишь маленькую улочку, вливающуюся в широкую ул. Донелайчэ. Ты верни этот прошедший год и снова увидишь девочку в красном пальто, в

⁶⁸ Д-р Песя Кисина — друг семьи. Принимала активное участие в спасении детей из гетто. Она выходила за пределы гетто и искала среди литовцев семьи, готовые скрывать у себя еврейских детей. Она нашла для Тамары убежище у П. Ластене. Умерла в Тель-Авиве.

⁶⁹ Броне Паедайте — зубной врач, литовка. Принимала участие в спасении еврейских детей. Она надевала желтый знак и приходила в гетто. Из Вильнюсского гетто вывела еврейскую девочку. После войны много помогла Тамаре. 3 сентября 1945 года НКВД ее арестовало. Она покончила жизнь самоубийством в Лукишской тюрьме в Вильнюсе.

черных резиновых сапогах идущую по улочке. Это было 7 апреля 44-ого года, ранним весенним утром. Где-то кукарекали петухи, лаяла собака, а кругом было тихо, тихо. Люди еще спали. Девочка шла, возвращалась, снова шла и возвращалась снова. Нерешительно она ходила вокруг. В крайнем доме заскрипела калитка, в каком-то окне поднялась занавеска, задрожало открываемое окно, а потом высунулась голова и стала петь оду этому прекрасному весеннему утру. Девочка созерцала, что творилось вокруг. И, наконец, решила идти. Неуверенными шагами, неспособная унять дрожь в коленках, она шла по узкому тротуару. Дошла. Открыла калитку и стала подниматься по лестнице. Где-то играло радио. Сердце трепетало от нежных, приятных звуков музыки. Девочка постучалась в приоткрытую дверь.

Услышав «пожалуйста» — несмело шмыгнула во внутрь квартиры.

— А, это ты, — сказал голос и она очутилась в объятиях госпожи Ластене.

Все кануло в прошлое. Прошел год полный беспокойства, мечтаний, грусти, чаяний — ничего не осталось от прошлого. Все кануло в лету. Только длинный темный путь будет светиться красным огнем подобным тому апрельскому солнцу. Путь в неясное будущее, с которым связаны самые лучшие надежды, мечты молодости, энергия и труд. Вперед с надеждой в светлое завтра!

Апрель 3.

Вот уже и Пасха миновала. Нажралась, как свинья больше ничего. Ну, и пирогов было... за весь год столько не ела. Замечательный праздник!

Завтра опять в гимназию. Кончились каникулы, начинаются будни. Сегодня еще схожу к Вере отведать торта. А потом можно будет снова погрузиться в будни. Броне сейчас ко мне очень добра и я люблю ее. Она стала очень заботливой. Вчера я немного болела, но это ведь ерунда, не вылезая из вечного насморка.

Предвижу скорую смерть. Я умру от чахотки, зачатки которой давно укоренились во мне. Не удивляюсь. Я отчетливо представляю себе продырявленные проколотые и прогнившие мои легкие. Смерть была бы избавлением. Лежи и отдыхай, так надоело все. Ну, пока, будьте здоровы милые страницы, до следующей Пасхи. Правда, вчера и у нас были гости — праздновали Пасху. А все-таки из всех матушек я выбрала себе Онутю и Броню. Они мне сейчас самые милые. Вера последнее время стала нервная, и я избегаю ее. А как только появилась Ластене, я сразу улетучилась. Вся ее доброта куда-то исчезла. Я никого ни в чем не упрекаю. Я глубоко благодарна всем за все. Но ведь и у меня есть душа и сердце. Увы! Ах, эта ненасытная душа все куда-то стремится.

Апрель 11.

Приобрела новую обувь, чувствую себя немного счастливее. Трагедия назревает. Сердце страдает, душа кровоточит. И что с того? Тяжко. Неизвестно в чьих руках находится дом. Хочу ли я любви, способна ли я любить? Может, и хотела бы полюбить, но я не умею. А кому нужна моя любовь? Тьфу, какой дурной ребенок. Ты совсем стала капризной. Ты сыта, одета, тебе тепло, ты учишься так чего же тебе еще надо? Ах, неблагодарный человек, какой-то любовью бредит. Осознай раз и навсегда — любви нет и незачем ее искать. И так не каждый сирота имеет то, что имеешь ты. Я благодарна, тысячу раз благодарна, но не могу обуздать свою душу. Вот, хотела бы подойти к Броне, обнять, поцеловать, сказать нежное словечко, но что ей с этого? Лизание жидовки, совершенно чужой. Так вот, заметь себе, любви нет есть только привязанности, и если появляется глупое желание лизаться, надо суметь обуздать свое сердце. Но что с тобой, дитя — ты ревешь? Лицо стало хмурым, а из глаз уже катятся крупные слезы. Сколько же тебе лет? Шестнадцать. Нашла время плакать.

Захотелось дитятке к матери, и начала детка реветь. Это уже никуда не годится. Ша! Надо же немного взять себя в руки. Ах, исчезли, исчезли дни моего счастливого детства, канули в вечность. Рудика застрелили, мама с папой погибли, Виктор погибнет на фронте, и в

эпilogе Тамара одна... победительница. И что с того? Кому нужна такая жизнь? Пусть я нечуткая, злая, нервная, ужасно плохая, но любовь! Я хочу любить и... Нет, больше ничего не скажу, это будет грех. Глупая, чуткая душа. Одна только Кайрене⁷⁰ оживляет ее сердечным поцелуем. Да, но ведь я одна из тех жидовок... Так вот, следи за своим языком и заткни свой рот на более длительное время, чтобы ни одно слово больше не вырвалось. Ну, доброй ночи, уже двенадцать — самое время духов...

Апрель 16.

Проходит олимпиада между восьмью братскими городами. Мне еще не довелось сходить. Вчера была на далекой экскурсии — в нескольких км за Марвой.

Вспомнились старые времена: мерещились поля с растущей морковью, фигуры полюющих женщин, вооруженный конвоир. О если бы я год тому назад знала, что буду здесь гулять — разинула бы рот от удивления. Только что пришла со стадиона Валя и рассказывает, что Каунас побеждает. Но, правда, вы еще не знаете кто такая Валя. Коротко: это студентка, а подробнее можно было бы многое о ней сказать. Но, простите, может быть в другой раз. Передо мной лежит куча книг, надо учиться, а я так ленюсь... Но экзамены не ждут, с каждым днем они приближаются. А в этом году ведь 11 экзаменов за четвертый класс, а сколько еще за пятый? Болит зуб. В городе продают мороженое, и я совсем одурела — купила три порции. Это все перед близким концом. По ночам я очень потею... Правда, чуть не забыла о крупной политической новости: кажется, позавчера умер Рузвельт. Это, наверное, будет иметь политическое значение. Берлин окружают. Так красиво смотреть по карте на продвижение флажков зеленых — англичане, красных — русские. Вчера уже были в 60 км от Берлина. Все складывается так, как предвидел папа. Только его, бедного, уже нет... Все говорят, что война вот-вот кончится. Может, даже до Первого мая. Что же будет дальше? Огненный вопросительный знак сдержанных слез, беспокойства, чаяния и мук сковал землю Литвы. И все этот извечный вопрос — а что дальше? И что же дальше, что будет в эпilogе? Смерть для них и смерть для нас. Да, мои братья и сестры — так это будет. Не имейте на этот счет никаких иллюзий.

Апрель.

Кончились соревнования. Каунас занял второе место. И то хлеб. Русские вошли в Берлин, англичане — в Гамбург. Мечь идет, конец приближается. Подождите еще десять минут. Послезавтра начинается конференция в Сан-Франциско. С интересом слежу за событиями. Так ничего.

Первое мая.

Большой праздник. В городе развеваются флаги. Даже и халу выдали по такому торжественному случаю. Берлин капитулировал. Муссолини убили. Гитлер умер. Конференция в Сан-Франциско началась. Вот и все новости. Больше ничего нового.

Май 9 (среда).

Вчера капитулировала Германия. Война окончена. Берлин подписал безоговорочную капитуляцию. Всю ночь стреляли из орудий и автоматов. Сегодня объявили нерабочий день. В Каунасе развеваются красные флаги, флаги радости и мира. Наконец-то мерзкий фашизм

⁷⁰ Она Кайрене — принимала участие в спасении еврейских детей, впоследствии Советская власть выслала ее в Сибирь. Оттуда она вернулась больная и через некоторое время скончалась.

разгромлен и с запада не угрожает жестокая смерть. Дальнейшее положение выяснит конф. в Сан-Франциско. Остается вопрос, как будет выглядеть послевоенная Европа? Какой будет строй? Так радостно, что главный враг, причинивший мне лично и другим столько страданий и боли, наконец, разгромлен. Это высокомерие с которым они обращались с другими народами... Этот высокомерный немец, который кричал: «Deutschland, Deutschland uber alles»⁷¹ — должен теперь подчиниться восточному диктату. И когда после подписания мирного договора в зале холодно прозвучали слова: «Немецкая делегация может удалиться», усмиренные «властелины» покинули зал. Так пало величие высокомерной нации, взявший за основу учение Ницше.

Ах, милый Ницше, хорошо, что ты не видишь падение своей любимой Германии, хорошо, что ты не видишь безумности своей теории. Нет, мир не предназначен только для сильных. И пусть они не пытаются убивать и устранять со своего пути слабых, ибо дождутся такой же судьбы, как Великая Германия. Мир предназначен для одной нации, которую составляет все человечество. Нет рас, нет наций, есть только люди. Мир предназначен для их братского сосуществования. И кто попытается сопротивляться этому — падет. Хватит места на земле и сильным, и слабым. Ты отвергал это, Адольф, и допустил ошибку которая привела к такому печальному концу. Даже фанатичная вера в победу ничем вам не помогла, ничто уже не могло вас спасти. Вы потерпели крах. Как не поднялся из развалин могучий и гордый Рим, так уже не поднимет над народами мира своей золотом расписанной головы Берлин. Вы пали. Великая мощь Германии сгорела навеки. Да здравствует мир! Слава героям, водрузившим флаги над башнями Берлина!

Май 15.

Девять ремесел, десятый голод. Последнее время очень много работаю. Вчера состоялся концерт нашей гимназии. Пару дней сидела в кассе, продавая билеты. Собралось немного денег. Все это отняло много времени. Позавчера целый день рисовала плакаты. Так и ускользает дорогое время. А тут уже одни экзамены на носу, скоро будут и другие. Решила сдавать за два класса, но вряд ли вытяну. 28 числа начнутся экзамены и продлятся до 25 июня. Придется поработать, но мы устоим. В городе распространяются слухи о капитуляции Японии. Война подходит к концу. Уже рассветает светлое утро мира. Но людей вывозят⁷². Огненный вопросительный знак повис над темно-синим небом. Чем все это кончится? Кто выйдет победителем в этой резне? Кто останется не затронутым жестокой бурей, которая вихрем пронесется над нашим краем? Кто?

Май 19-е.

Напряжение перед экзаменами, которые начнутся через неделю. Сейчас учим билеты, пишем одну за другой письменные работы, чтобы получить оценку за триместр. Пишу левой рукой, правую порезала и она болит. Новостей никаких нет. Ждем, что преподнесет нам недалекое будущее. Каунас ждет шагающих из Германии дивизий — гуннов, под ногами которых не растет трава и в домах не остается ни продуктов, ни одежды.

Май 27-е.

⁷¹ «Германия, Германия превыше всего» (нем.).

⁷² Сразу после окончания войны Советы возобновили вывоз жителей Литвы в лагеря. В основном вывозили жителей сотрудничавших с немцами, однако пострадало и много ни в чем неповинных людей, потому что ни суда, ни следствия в то время не вели.

Завтра первый экзамен.

Июнь 22-е.

Печальная годовщина. Лучше и не вспоминать о ней. Завтра последний экзамен. И можно будет спеть: «горькая чаша учений испита до дна». Эти экзамены были сущей мукой. К сожалению, весной не разрешили сдавать вступительные экзамены, и надо будет эту неприятную «ношу» пронести через все лето до самой осени. Кстати, недавно приезжал Виктор, зрелый, возмужавший. Из черт его лица исчезли детские приметы. Он преуспевает. В этом месяце я получила стипендию. Совсем не надеялась, что комсомол окажет мне такую честь. Всего 500 руб. Собираемся вскоре ехать в деревню. В начале июля будем в Утяне. Ох, как надоела уже городская пыль. Хотя атмосфера первых дней мне будет не очень приятной, но наплевать! Новые места, новые приключения. Вперед в деревню. Между прочим, живу у Веры, где мне так же хорошо, как и на улице Донелайчэ.

Июнь 30.

Все кончилось. Чаша учения испита до дна. Позавчера было торжественное собрание. В экзаменационных оценках у меня лишь две четверки. Получила в подарок 20 тетрадей. Ах, все ерунда, а знаний в голове ни на грош. Эту неделю отдыхаю. На следующей неделе поеду поработать в деревню. «Ora et labora»⁷³.

Глава 6, 1945 г. (продолжение)

Июль 8-е

Тервиджай. Воскресенье. На дворе дождь. За стеной качают новорожденного. Во дворе пытаются случить быка с коровой. Я уже позавтракала. И что дальше? Дальше можно читать книгу. Итак, я в деревне, в вотчине Брони. Как красиво кругом! Как добра ко мне Казюне, ее мамаша. Только вот работы не дают. Чувствую себя очень хорошо, словно дома у своих. Итак, аукштайтйские блины и полная доза аукштайтйского диалекта. И ничего более. Вчера видела «истребителей»⁷⁴. Настроение скверное.

Июль 17.

Иочишкес. Скучно. Ничего не делаю, только глотаю книги. Ленюсь что-либо сочинять, писать. Почти соскучилась по Каунасу. В воскресенье была в Тервиджах и Канюках. Встретила Валю. Сегодня похолодало, поэтому не могу купаться. Так, каждый день купаюсь, собираю ягоды, пью молоко и живу, в общем, великолепно.

Июль 21.

И опять Каунас. Увы. Сегодня большой праздник — пять лет со дня образования Советской Литвы. Город ликует. Идут колонны демонстрантов, парад, музыка. Как глупо!

⁷³ Ora et labora (лат.) — молись и трудись.

⁷⁴ «Истребители» — так называли в народе отряды, которые боролись против литовских националистов, скрывающихся от советской власти в лесах.

Погода посредственная. Вчера было очень жарко. Настроение плохое, хочется опять поменять небосвод. На сей раз, может быть, подольше. Что-то тяжелое, гнетущее ощущается в нашей среде и своим весом давит всех. Хмурые лица, а сердца?..

Что делается в них — неизвестно. Все нахмуренные, на каждом лице видна тень печали которая все увеличивается. Нет нормальной жизни. Повеситься, что ли? Очень сожалею, что так скоро пришлось уехать из деревни. Уже соскучилась по голубоглазому светловолосому Гитису.

Июль 25 (перевод с идиш).

Я больше не могу. Хватит! Слишком много страданий. Вчера я встретила Л. Я точно не помню ее фамилию. Она мне сказала: «Твоя мать была в Штуттгофе. Я помню, потом она заболела и...» Она не договорила. Дальше надо самой понять. Она умерла. Я больше не могу переносить страданий, я хочу исчезнуть. Я хочу домой. Моя мать погибла в лагере, моего отца нет. Что я должна делать? Я не хочу жить, как паразит и наблюдать за страданиями другого народа. Хватит! Я больше не могу. Из открытой раны сочится кровь. И я должна все это пережить. О, Боже, откуда взять силы? Надо смотреть и молчать, и ждать. Пока лопнет сердце.

Июль 30

Ничего нового. Все такое же серое, дождливое июльское утро, те же серые лица. Мне все уже ясно, до того ясно, что выводов не требуется. Но вдали все еще маячит звезда будущего. Что прошлое? Забудь, оно прошло.

Погрузись, дитя, в освежающие волны настоящего. И ты очнешься. Заживут раны твоего сердца, и успокоится душа. И к чему тебе вся эта искусственность. Не для тебя эти нивы, не для тебя воздух этого небосвода. Твоему сердцу тесно в твердом панцире грудной клетки, оно хотело бы взлететь в широкое пространство. Оно, как птица, безнадежно трепещет и бьется в неволе. Но куда взлетишь, когда кругом только четыре серые стены клетки.

Август 10-е.

Приезжал Виктор. Вчера началась война с Японией. Может быть, и его пошлют туда. Ах, уж этот мой пограничник. Броне уехала, и я уже скучаю по ней. Моя чаша переполнилась, и слезы льются каждый вечер. Вчера встретила Гершовича. Он был бригадиром в Ландсбергском лагере. Там работал и погиб дорогой мой папа. Бедный, как он, наверное, страдал — разве для него тяжелая работа, при его возрасте и здоровье! Да, факт подтвердился. Маленькая искорка надежды до сих пор еще тлевшая — погасла. Страница перевернута. К прошлому возврата нет. Надо лишь вооружиться любовью и терпением и прокладывать новую дорогу — в будущее⁷⁵.

Сентябрь 4-е.

Начался учебный год. Мое большое желание исполнилось — я уже шестиклассница. Экзамены удалось сдать легко, но сейчас по некоторым предметам надо догонять. Так, без особых новостей. Разгромлен последний агрессор. Вчера был подписан акт капитуляции Японии. Недавно праздновали именины Броне, атмосфера была весьма приятной. Я сочинила в ее честь стихотворение, Онуте написала музыку, и получилась своеобразная кантата.

Сегодня предприняла небольшую поездку в Бабтай. Боюсь за Виктора. От него нет

⁷⁵ Друзья по АБЦ предложили Тамаре присоединиться к ним и нелегально покинуть Литву с целью пробраться в Палестину. Однако Тамара осталась ждать возвращения из лагерей своих родителей.

никаких вестей.

Сентябрь 7-е.

Что слова? Это только пустые ничего не значащие фразы, что толку в них? А жизнь сдавливает клешнями грудь и я мечусь, и мечусь, а вырваться не могу. Я хочу начать борьбу, я хочу начать жить, а кругом так пусто и печально. В шкафу кончаются продукты, а в кармане — осенние ветры.

Казалось бы, не мое это дело, но имею ли я право так говорить? Почему я живу за счет чужого труда? Часто у меня возникает отвращение к самой себе — фу, паразит. Не могу далее молчать, надо кричать, звать и как можно громче. Не могу больше страдать. Я уже не малое дитя. О, мать всемогущая, до чего странный мой жизненный путь. В прошлом году еще было другое дело. Но в этом году не может быть никаких сомнений, ты уже окрепла и можешь вступить на путь жизненной борьбы. Но как? Может, лучше скорее умереть? Среди голубого небосвода я опять встречу маму, папу, Рудика. И все они там, и хорошо им там. Наверное, родители смотрят очами звезд и говорят: «О моя дочь, она еще живет на земле и бедствует, а нам здесь хорошо». Ну, и зачем жить, в конце концов? Кому ты приносишь пользу? Ведь никому и не приносишь. Ты не поняла, милое дитя, что эта земля предназначена только борцам, властелинам, но не рабам. А ты ведь кандидат в илоты⁷⁶. Даже своих прав ты не отстояла, а предпочла залезть на чужие плечи. Ты слабый земляной червь тебя растопчет каждый, никто тебя не разглядит. Ты будешь ползать, и пресмыкаться перед каждым, и молить, и умолять, и лизать ноги каждому патрицию. А зачем умолять, скажи, зачем? Ты умоляешь сегодня только лишь затем, чтобы завтра снова умолять. Мимо тебя пронесутся много гордых, высоко поднятых голов, многие пырнут тебя ногой и они будут правы. А самым правым окажется тот, кто тебя растопчет. Но ему отомстит твое дитя — возвращенное в твоей утробе, вскормленное тобой, обученное любви к ближнему и уважению к родителям. Оно станет мстить, несмотря на то, что ты ему повторяла и вечно твердила законы: Божий, заповеди Моисея, Аллаха и Магомета... Но в его душе ты посеяла мерзкое семя мести и так, из веков в века. Как глупо устроен мир, как мерзка жизнь. И я, точно этот земляной червь, ползаю здесь под ногами. О выродок, о нищенка, не стыдно ли тебе гадить и пользоваться лишь благами? Не забывай золотого правила жизни — нельзя только брать, надо и давать. Так это.

Сентябрь 18-е.

Сегодня ненастье на дворе и в душе. Мечется, мечется сердце — места себе не находит. Нет, сейчас уже жертва последняя, больше нет силы терпеть.

Вчера вечером НКВД арестовало Броню. Меня влекут волны Немана его прозрачная вода. О папа, мама, погодите, я вскоре приду. Еще одно последнее мгновение, еще одна предсмертная борьба, и тогда: или навеки сгнию я, или Неман усыпит меня. О, Бронечка, милая, что уготовано тебе, какую думу думаешь одна во тьме? Не забыли тебя мы, не забыли, о нет, лишь найти мы не можем пути. А обидно ведь как — ты нашла путь ко мне, а я — нет. О, лучше б слетела моя голова я готова идти пострадать за тебя.

Сентябрь 21-е.

Ну и деньки! Один «краше» другого, один печальнее другого. Часто навещают нас «гости»⁷⁷. И учебу забросили, совсем не до учебы теперь. Пропускаем уроки. А все мысли

⁷⁶ Илоты — (греческое) — бесправные.

⁷⁷ «Гости» — имеется в виду сотрудники НКВД.

кружат и устремляются туда — на угол ул. Лайсвес и Витауто, где она сидит, лишенная свободы. Ох, как тяжело, и все это на мои юные плечи.

Октябрь 2.

Октябрь. Холодно. Пришла буря и все рухнуло от дуновения злого восточного ветра. Все пропало. Пусто кругом, пустота в душе. Спим втроем в одной кровати. Толкаемся, не высыпаемся. Иногда посещаем уроки, иногда нет. Как придется жить? Большой вопросительный знак опять затмил светлое будущее. Служба — это, несомненно, это, во-первых, потом — комната. А учеба? Двери вечерней школы закрылись, рабфак тоже только в мечтах — зря пройдет и этот год. Но это мелочи. А они? (Уже и Кайрене арестовали). Они голодные в темнице. И все то, что было самым дорогим, вырвано из сердца и брошено во тьму. Жутко. Перед глазами возникает страдающее лицо Бронечки: щеки впалые, а глаза — грустные и укоряющие. Или вдруг вижу ее, будто сумасшедшую бьющуюся по камере... Она бьется, словно птица, пытающаяся взлететь в неволе. Она голодна, оборвана, ей холодно... И все это вытерпеть должна ты, Тамара, которую она спасала и приютила у себя, кормила, давала тепло и предоставила возможность учиться. И сейчас ты ходишь, словно тень, — пойдешь в гимназию и опять возвращаешься домой. Бродишь, мечешься, но помочь ничем не можешь. Почему, за что такие муки? Разве заслуженно? Почему гибнут люди, лучшие люди, любившие ближнего больше, чем самого себя? Почему не могут они жить и продолжать творить на земле благие дела?

О, люди, люди прозретьте, вы ослепли. О, очнись, человече! Неужели погасло в тебе чувство братства к ближнему? Очнись, человече, посмотри, что натворил, и ты ужаснешься. О, если бы можно было вернуть то, что утрачено. Итак, опять покидают меня все дорогие мне люди, и я вновь остаюсь одна на своем мрачном, ненастном пути. А что впереди?

Октябрь 4-е.

А впереди — еще страшнее! Тяжкие удары судьбы обрушиваются на меня, один за другим причиняя невероятные страдания. Уже и Ластене арестовали. Вера осталась последней опорой. Да, это последний из могикан, но и ее дни тоже сочтены. Долго ли выдержит Ластене при ее слабом здоровье и возрасте без пищи, без одежды? О, Боже! Какой острый, кровожадный меч навис над небом любимой Литвы! Прощай, Литва! Мне хорошо было тут жить пока не управляли тобой пришельцы. Но, разве сейчас я могу оставить все и уехать, чтобы строить свою личную жизнь? О, нет! Завтра пойду узнавать насчет службы, может, примут в «Летукисе», как-нибудь прокручусь. Хотя ботинки дырявые, чулок нет и мои бедные отмороженные ноги коченеют. А на дворе только октябрь. Завтра три недели со дня ареста Брони они тянулись, как вечность. Кажется, давно все это было, неизмеримо давно. Но сердце разбито, и рана еще кровоточит и не скоро ой не скоро время залечит ее.

Октябрь 10-е.

Работаю в «Летукисе» в нефтяной конторе. Вроде бы счетоводом. С 9 до 5.30. День проходит довольно быстро, ибо работы много. Давно не ела обеда, забыла даже вкус супа. Хлеб, сало и вода. Но хорошо, что еще хлеба достаточно. Обидно, что не могу посещать гимназию. Вечерняя переполнена и, может быть, придется долго ждать пока примут. Но, все равно, буду ждать и терпеть, а учебу не оставлю, нет. Слишком большая мука — еще не забыты времена гетто. О, учеба, моя мечта, ты так близка и так недоступна. Но при желании и воле всего можно достичь. Если я сумела окончить пятый класс второй ученицей то и остальные окончу. Насчет Брони на днях будут важные новости.

Октябрь 12.

И опять я сижу среди разбросанных вещей. Вчера открыли Бронину комнату, опечатали вещи. Квартиру занимает один врач со своей семьей. Придется опять убираться вон. Уже прошел месяц со дня ее ареста. Бедняжка, ей уже не суждено увидеть дневной свет и солнечное небо Литвы. При мысли о ней разрывается сердце. А это имущество, эти тряпки — все хлам, на все наплевать, важен лишь человек, лишь жизнь важна. А человека уже нет. Таким людям не место в стране Советов. Слишком они добры. И она была хорошая, всем сочувствовала, помогала. На ее долю выпало жестокое время.

Но наступит такое время, когда любовь, братство и равенство, а не грабеж и убийства будут господствовать на нашей земле. И тогда будет счастье бесконечное, а может, вернется золотой век, воспетый Овидием, и восторжествует природа. Обязательно вернется, но сколько потребуется жертв? При чем каждая жертва приносится во имя более счастливой жизни. Старое поколение приносит себя в жертву молодому, а молодое поколение, не найдя в мире ничего хорошего и ничего не создав, оставляет эти же гнойники детям своих детей.

Октябрь 13-е.

Сижу в комнате одна. Вокруг никого нет. За окном идет дождь. Чувствую себя одинокой и чужой в этом мире. Вокруг такие злые и мерзкие люди. Брат брату копает яму, убивают друг друга. Женщины дают волю своим злым языкам. Нет нормальной жизни и нечего за нее так цепляться. Не надо ни молодости, ни весны.

Декабрь 5-е.

Вот я снова в старом доме на Видуно аллее в верхней комнате. Мебели у меня немного, только кровать, лежа на которой пишу. Сегодня уже подмораживает, поэтому очень обрадовалась, обнаружив в своей комнате теплый радиатор. Приятно, когда в комнате тепло, я ведь промучилась две недели в совершенно нетопленном жилье. Внизу живут бывший комендант подполковник Хрустев и секретарь горкома. Люди, могу сказать, весьма неприятные. Если бы не черноокий старшина, то было бы совсем нетерпимо.

Много работаю. Меня назначили в конторе заведующей хозяйством. Настроение упало поэтому и работа не клеится, и желания нет, и все надоело. Почти с радостью жду намечающихся после Нового года перемен. Виктор гостит в Каунасе, он будет служить в этом районе. Жизнь моя скверная, боюсь, что придется прервать эту бесполезную игру. Несколько недель прожила без горячей пищи. Сейчас устроилась немного лучше. С утра иду к Стефании⁷⁸ (в гимназию) где получаю кофе и бутерброд. Обедаю в столовой, а ужин — как придется. Так и кручусь. Но вот сейчас я уже пять дней без обеда и два дня без хлеба. Такова жизнь. Уроки посещаю аккуратно, Отметки средние. Но с Нового года этот вопрос может решиться иначе, может, брошу гимназию и буду сдавать экстерном. Боюсь опять лишиться дома. Документы уже все в порядке. Словом, так бегут дни, заполненные заботами о земной жизни. А подумать о чем-нибудь другом — нет времени. Чувствую, что Новый год внесет ясность в мое будущее, поэтому жду его с нетерпением.

Декабрь 14-е.

Стою в коридоре возле радиатора⁷⁹ и учусь. Такая уж это учеба, как и вся жизнь. В

⁷⁸ Стефания — сторож 5-й Гимназии.

⁷⁹ После ареста Броне Паедайте, меня выгнали из квартиры, и негде было жить. В родительском доме жили секретарь горкома и бывший комендант Каунаса с семьями. Мне там выделили комнату на втором этаже. Но почему-то эти представители власти решили, что я буржуйский отпрыск и надо меня уничтожить как класс.

комнате холодно. Но, раз я заупрямилась, то перезимую тут. Благо, что на дворе мороз лопнул. Приближается рождество и Новый год. Наверное, буду менять службу. Нефтяную контору ликвидируют. Ничего хорошего на этой работе я не видела. Вот и все новости. По утрам питаюсь у Стефании, обедаю в столовой, а лимит на ужин снят. Есть три раза в день — буржуазные предрассудки. Истинным пролетариям вполне достаточно двухразового питания. Виктор пока еще в Каунасе.

Глава 7 1946 г.

Впервые не жду и не встречаю Новый год. Полночь застала меня глубоко спящей. А кровать была холодная, и в комнате тоже было холодно. И голодный желудок, мало что видевший за день, печально всхлипывал. Ни желудку, ни рукам, ни мозгу не было занятий, и я задремала. А задремала для того, чтобы увидеть сон, такой прекрасный сон, который напомнил бы мне все то, что было в этом же доме пять лет тому назад. Впрочем, что было тогда, того уж не вернуть. И те люди, те дорогие лица уже стертые с лица земли. Но, может, это к лучшему, ибо что еще есть на земле, кроме мучения? Тут так много зла. А там высоко, в небесах нет зла. Там или пустое пространство или же — рай небесный. Там встретились все те, которые еще пять лет тому назад были со мной и пили французское вино из хрустальных рюмок. Я думаю, что они смотрят на меня с сочувствием. Я будто слышу, как мама говорит, обращаясь к госпоже Брауде: — Она еще живет. О, несчастная дочь моя. Мы во много раз счастливее. Да, они все встретились там мама, и папа, и Рудик и все хорошие знакомые, друзья. Сейчас они только ждут меня и Виктора, когда мы закончим свои бедственные странствия... А внизу в столовой, комендант пьет с секретарем горкома. Они произносят новогодние тосты. Слышен тонкий, визгливый смех женщин и густой мужской бас. Они веселятся. Им тепло, хорошо, сытно. А наверху, несколькими ступеньками выше, в холодной комнатке лежит девочка и плачет. Она плачет, потому что когда льются слезы на душе, становится легче и ноша несчастий уже не кажется ей такой тяжелой. Сквозь мокрые от слез ресницы видит она любимые лица. Вот нежное, бледное, утомленное заботами лицо мамочки, вот папа и все другие, которых она так любила. И девочка зовет их и хочет видеть и разговаривать с ними всю ночь. О как хорошо было бы в течение всей этой последней ночи старого года созерцать дорогих, так быстро утраченных людей, беседовать с ними и быть снова, хотя бы на короткое мгновение, счастливой.

Январь 6 (воскр.).

Последний день каникул. Была на профсоюзной елке и в кино. Так попрощалась с каникулами. Смотрела фильм «Юность Пушкина» и записала понравившееся мне стихотворение «Рассудок и любовь».

Февраль 23-е.

Кажется, что в моей жизни скоро начнется новый этап. Одно крупное событие — дядя демобилизован и уже 18-го был в Москве. Это очень хорошо. Виктор находится здесь, видимся часто. Жизнь моя протекает ритмично и это действует на меня успокаивающе. Я нервничаю, когда меня выбивают из колеи повседневности. А сегодня мне много думать не надо. Я медленно встаю чаще всего раньше чем надо, ибо часов у меня нет. Пересекаю всю Видуно аллею, спускаюсь вниз с горы Пародос и захожу в свою милую 5-ю гимназию, где получаю сладкий кофе и бутерброд. Потом, так же, не подняв головы и съевшись от холода, я медленно шагаю по проспекту Витаутаса в «Летукис». Задыхаясь поднимаюсь на четвертый

Выбрали они довольно странный метод борьбы — холод. В доме было центральное отопление, но в моей комнате отопление отключили. Так я и перезимовала в нетопленной комнате.

этаж. Еще на лестнице начинаю раздеваться. Так начинается скучный день «канцелярской крысы». Радуюсь, когда появляются дела и я имею возможность вырваться в город, что бывает часто. В час дня иду обедать. После обеда время проходит быстрее. И вот я уже шагаю по улице Кястучё в гимназию. Эта часть дня самая приятная. В гимназии я слушаю глупые разговоры учеников, отвечаю уроки и черпаю знания. Потом наступает вечер, собирается наша пятерка — представители разных классов и мы шагаем домой.

Март 24 (воскресенье).

Подняла было крылья лететь в Москву, но, увы, пришлось их быстро опустить. Выдача командировок на месяц приостановлена. А я так хотела! Дядя тоже не может приехать по той же причине. Сейчас опять жди несколько месяцев. А так уже все надоело. Начались весенние каникулы. Лучше, чтобы их не было. Что толку? Сейчас дождь, грязь, сырость. Уж лучше сидеть в классе, а потом, когда пригреет солнце, высохнет земля и все зазеленеет кругом, — тогда можно бы и погулять. Кроме того, говорят, что будет большое наводнение и я боюсь, что гимназию опять на некоторое время придется оставить. Когда я не бываю в гимназии хоть один день, мне кажется, что теряю нечто очень дорогое. Целый месяц я не ела ни обеда, ни другой горячей пищи. Боюсь, чтобы желудок не испортился. Целыми днями грызу сухой хлеб, запивая холодной водой, и только изредка покупаю лимонад. Не позавидуешь такой жизни. В этом месяце мне исполнилось 17 лет. Не скажу, чтобы я очень радовалась или горевала по этому поводу. День прошел бы незамеченным, если бы не получила от родственников поздравительной телеграммы и перевод на семьсот рублей, которые поторопилась быстро истратить. В сфере политики бурная речь Черчилля вызвала много шума. Спекулянты подняли цены на продукты питания. Все активно обсуждают — будет война или нет. Но сейчас, как будто, все успокоилось и даже самые большие пессимисты думают, что войны сейчас не будет. Цена на хлеб в Вильнюсе достигает 50 руб. Говорят, что в мае отменят продуктовые карточки. Я панически боюсь голода и обдумываю, как пристроиться работать в продуктовый магазин или в ОРС, чтобы не пришлось напрасно проводить время в многолюдных очередях. Вчера была у Онуте, ей немного нездоровится. После встреч с ней, у меня обычно остается гнетущее впечатление. Мне жаль ее. Вера очень нервная. Уныние господствует во всем доме: одни занимаются тут спекуляцией, другие сплетнями, третьи — истерики. Упаси Боже! Думаю, что я счастливее ее, хоть на нищенском пайке, но на своем. Мне весело в своей комнате и всем сюда открыта дверь. А она — молодая, полная энергии, очутилась в этом загнивающем доме среди отживших людей. Она пропиталась их глупой сентиментальностью и мелочностью и теперь должна сидеть тихо и послушно. У нее нет ни общества, ни друзей.

Апрель 11-е.

Виктор уехал в Москву. Это очень важное событие в нашей жизни. Встреча с дядей предрешит будущее. Честно говоря, я завидую ему. На улице в течение нескольких дней стало по-летнему тепло. Склоны украсились зеленым нарядом, кое-где расцвели фиалки. Весело быть на дворе, согретом солнцем. Надоело сидеть в мрачной нефтяной конторе. Пару дней назад я подала заявление об уходе, но вряд ли отпустят. Учиться весной тоже лень. Но мне еще как-то везет. Мое здоровье ухудшается. Сегодня, когда я несла на третий этаж кипу журналов, началось такое сильное сердцебиение, что я стала задыхаться, чуть не свалилась. А, жаль, лучше бы сейчас умереть в нищете, чем потом, когда начнется более счастливая жизнь. В этом году было большое наводнение, даже старые люди такого не помнят. Пострадало и утонуло немало людей. Интересно, согласно доктору Купу была ли сумма их приятных и неприятных переживаний близка к нулю или нет? Впрочем, все философы лгут.

Май 30-е.

Последний день учебного года. Скоро экзамены. Плач, слезы и угрозы учителям раздаются в коридоре гимназии. К учительской невозможно подойти. Там стоят ученики, которые весь год дремали, а в последний день явились, чтобы купить себе отметку. Как обидно, когда гимназию превращают в «толкучку», а знания продаются за червонцы. Незавидное будущее литовского народа: даже в шестом классе гимназии почти все ученики имеют плохие оценки по литовскому языку. Как горько это должно быть сердцам патриотов. Я с упреком смотрю на всех тех, которые изволили явиться в последний день за тем, чтобы выплакать себе отметку. Одни плачут крокодиловыми слезами, другие угрожают посадить учителя в тюрьму в отместку за поставленную двойку. «O tempora, o mores!» — только и остается воскликнуть...

Июль 27.

Передо мной предстали величественные здания Москвы. Впервые в жизни я в таком большущем городе, впервые в жизни летела самолетом, ехала трамваем, троллейбусом, метро. Ах, что вы говорите метро — это сказка, как, впрочем, сказочна и вся Москва. А потом Киев. Гордый Днепр, очаровательный Первомайский парк и вызывающая слезы Шестая симфония Бетховена, которую я там слушала. И сентиментальная тетя, нежный дядя — всем этим до краев переполнена моя душа. Впечатления богатые, величественные. А после этого — опять Каунас. Маленький, нищенский. И после семи урожайных лет наступают семь лет голода.

Октябрь 24-е.

Сегодня может один из счастливейших дней, когда я могу прижаться к теплому радиатору и чувствовать, как приятное тепло согревает мои кости. Ах, юность, юность, слишком коротка ты! Шумные дети рабфака, длинные скамьи в малой аудитории — долго ли все это сохранится в памяти? Это поблекнет, как поблекло воспоминание о курсах огородников, как стерлись в памяти картинки гетто. Последний год девических грез. Неужели в будущем году я выйду на широкую жизненную дорогу ковать свое счастье? Неужели я оставлю крутой берег Нямунаса и сменю его на Днепр? Может быть. Не знаю. Тайнственные пути судьбы и все будет, как суждено. Но тогда (15/X), выйдя той осенней ночью на улицу, я почувствовала будто лишилась семьи. Я покинула шумный класс и стала медленно отдаляться от своей семьи. Словно сквозь туман я слышала галдеж молодых голосов, слышала голос Лейпуса у пианино. А потом наступили страшные минуты письменных работ и шорох шпаргалок, летающих по классу. Все исчезнет. Прощайте, друзья и соученики, я уйду ковать свое счастье.

Декабрь 25-е.

Рождество. И весело, и грустно. Общежитие. Пять белых, чисто застеленных кроватей. Пять юных и красивых девушек. Тепло и светло. Чего еще? Но некого прижать к груди, и среди бушующих волн и больших кораблей моя лодочка так мала и слаба. Юность, что ты? Неужто, это только танцы, песни и смех? Ах, суэта! Среди шума и песен мне становится грустно, и я начинаю тосковать. Я тоскую по той неизвестной могиле, которая находится в неизвестном мне месте, и я никогда не узнаю где она. Я тоскую по тому, кто похоронен там. Раз он лежит там, холоден и бесчувственен, этот самый дорогой мне в мире человек, могу ли веселиться, радоваться? Я не чувствовала молодости, когда он старился, я не могу ощущать радости когда его уже нет. Грустно, что мне, не дожившей еще до 18 лет, жизнь становится надоедливой, скучной, бессмысленной. Печально при мысли, что в самую невинную пору детства так страшно была изуродована душа и унижены все чувства. Трудная эволюция — превращение машины, автомата опять в человека!

(На этом завершается дневник.)

Стихи и два очерка моего брата Виктора Лазерсона Написано 15-летним подростком в гетто в 1942 г.

День в гетто

Текут, как песчинки, минуты.
Все ближе к черте роковой.
Сжимается сердце, как будто,
Смириться не хочет с бедой...
Мне страшно, меня угнетает
Забора колючего вид,
И страх, что над нами витает,
И меч, что над нами висит...
Окинешь окрестности взглядом: —
Унынья кругом пелена.
А радость, вчера только бывшую рядом,
Сожрала злодейка-война.
Тут брат мой, тут тысяча братьев,
Отцов, матерей и сестер.
В холодного мрака объятия
Загнал их фашист-живодер.
Истерзан душою и телом,
Запуган, унижен, забит
Народ мой, что славился смелым,
Под градом проклятий лежит...

Бесконечно долго тянется день в гетто. Медленно катят в неизвестность минуты и часы. Отчаянно хочется вернуть их, наполнить пользой, смыслом, каким-то нужным занятием. А я провожаю время печальным взглядом. Ничего другого просто не остается. Одно только утешение, что бег времени приблизит какое-то решение и положит конец неизвестности.

День, который проходит, не оставляет в памяти событий, а только цветное видение, чаще всего темное, как вечернее небо. И это видение населено черными тенями. Это наши, геттовские дни. Каждый из них разрывает душу: стоит только взору памяти коснуться пережитого, счастливых детских и школьных дней — всего, что было до начала войны.

Но, как ни гнетут дни в гетто, они бессильны потушить звездочку надежды — единственное, чем мы живем. Я верю, что придет время, и она засверкает, разгонит мрак и возвестит о возрождении той, прежней, счастливой жизни. На печальных останках поломанной войною жизни расцветет буйный сад, и чудными розами в нем будет цвести любовь и сострадание — все хорошее, присущее человеку, все то, что было приглушено войной и ее последствиями. Но, довольно иллюзий. Узник в тюрьме, видимо, тоже считает дни, — я зачеркиваю их на отдельной бумажке. Ему лучше, он знает свой срок, а нам неизвестно, что будет через час. Преступника осудил закон, а нас судьба. Он окружен стенами тюрьмы, но знает, когда покинет их. А мы видим солнце, зелень, красоту, но все, что мы видим, не радует нас, все покрыто черным покровом нашего настроения. Лучше бы не видеть этой манящей воли, этой красоты природы, пусть эти картины рисуются в моей мечте. Разочарование усиливает боль — ведь манящие картины, та же моя родная Зеленая гора, тут же рядом, за рекой. Я, кажется, отклонился от того, о чем хотел писать. Но этот кошмар и эти

мысли, будто застыли в моих жилах, стали частью меня самого. Мне, однако, совсем не хочется вызывать жалость у тех, кто, может быть, прочтет эту тетрадь.

Горькие строки, наполненные обидой, сами просятся на бумагу. Я хочу заглушить гнетущие меня мысли и передать какие-то события, факты...

Страшных дней вереница,
Ей конца не видать,
А свобода лишь снится,
Сил нет больше страдать.
Ловим сплетни и слухи,
И надежду плетем,
Нет, не пали мы духом,
Мы надеемся, ждем.
Грядет час тот, последний,
Переполнивший чашу,
Час борьбы и возмездья
За страдания наши...

Утро.

Едва рассеивается серый утренний туман — просыпается гетто. Занавешенные окна пропускают скупой свет. Кое-где слышатся шаги, скрип колодезной цепи.

Как призраки, прорезают полусвет безмолвные, сгорбленные силуэты людей. Холодно. Холод тоже занимает свое место в цепи наших несчастий.

Люди идут по одному, по два, сперва редко, затем чаще и чаще — слышится кашель, тихий разговор, вспыхивает огонек самокрутки.

И вот уже одиночки сливаются в непрерывную струйку, и она течет все время: зимой чернеет на белом фоне снега, весной ее подгоняет ветер с реки, летом солнце светит в спину, осенью желтая листва шуршит под ногами.

Люди идут, не останавливаются, не оглядываются, будто они ничего не видят, будто ни о чем не думают, как механизмы, отрешенные от всего.

Светает. Уже можно различить людей, желтые звезды на спинах, металлические застежки рюкзаков, до жалости тощих. В руках раскачиваются котелки...

Но почему я о вещах? А люди? Молодые и старые, женщины, мужчины, даже дети. Истощенные, бледные, они медленно движутся к воротам. Есть и такие, в чьих шагах отличаешь признаки былой энергии, но лица выражают одно только безразличие.

Все больше людей покидают домики. Они жадно вдыхают свежий, утренний воздух и вливаются в поток, заполняющий улицу Крикцюкайчѐ.

Так начинается трудовой день — дорога на работу, выполнение повинности рабов XX века и, вместе с тем, шанс ценой последних усилий поддержать висящую на волоске жизнь. Уже по лицам людей видно, что ничего хорошего от начинающегося рабочего дня они не ожидают.

Навстречу потоку шагают трое полицейских-литовцев — наших стражей. Поблескивают форменные пуговицы. Люди гетто поспешно стягивают шапки; на улице ветер — он ерошит черные волосы юноши, поблескивает серебром седина пожилого человека.

Во взгляде и приветствии нет злобы, скорее чувствуется презрение к мучителям.

Полицейские и не думают отвечать на приветствия: они шагают дальше, по своим делам.

Недалеко от ворот гетто, ближе к реке, домики реденеют, вдали виднеется просыпающийся Каунас: белый дым из труб клиник стелется по откосам и окутывает знаменитую

«Бразилку»⁸⁰. Издали чернеет Вильямпольский мост: это уже плывут колонны невольников из гетто — они идут строить, перетаскивать грузы, словом, вносить свой же вклад в свое уничтожение.

У ворот гетто — муравейник. Картинка невольничьего рынка из какой-то прочитанной мною в детстве книги. Через маленькую калитку гуськом проходят бригады. Чины местных служб в бело-синих повязках бегают, кричат, считают и пересчитывают, щедро раздают подзатыльники. Всюду успевают побывать вездесущий Аронштамм — король геттовских ворот; его звериная морда вызывает отвращение.

К воротам то и дело за живым грузом подъезжают машины с охранниками-«постэнами».

И вот люди из гетто оказываются на воле. Они выравнивают ряды, скапливаются на мосту, затем растекаются во все стороны по Каунасу.

Солнце поднимается выше. Площадь становится пустой, и теперь она похожа на разрушенный муравейник. А по улицам гетто вновь идут люди. Только теперь уже в обратном направлении. Не видно ни мешков, ни котелков. Это рабочие местных мастерских — «веркштатов». Работа у них примерно такая же, как у рабочих городских бригад, но они работают на месте и не встречают недобрых взглядов сторонников «нового порядка», оглядывающих еврейские бригады с высоты городского тротуара. Так что работа в гетто морально легче: нет конвоиров, мастера-надсмотрщики свои — евреи, но зато здесь ничего не выменяешь, не скомбинируешь. Но зато и не отберут, не отсыплют ничего при ежевечернем обыске у ворот в гетто. Около семи утра на улицах появляются чины гетто — полицейские, служащие магистрата и различных его служб. Они чище одеты, не спешат, чем-то отдаленно напоминают чиновников довоенного Каунаса. На курсы ремесленников идут подростки — в руках мешочки с инструментом. Этот «хлеб» мне знаком; несколько месяцев я учился ремеслу жестянщика в блоке «С», но жестянщика из меня не получилось. Худая кляча тянет телегу — геттовский лимузин. Прохожие с интересом приглядываются к лошади, будто давно такого не видели, и еще долго провожают телегу взглядом. Мы как дикари: так же, вылупив глаза, смотрим на велосипед, на котором мчится гонец какой-то срочной службы «айльботе».

Наше любопытство какое-то тупое, бессмысленное. Одичали мы, отупели, наверное, теряем человеческий облик. Но это лучше видно со стороны.

Появление в гетто настоящего автомобиля — сенсация. Это бывает, правда, редко и ничего хорошего не предвещает. Но любопытство и тут берет верх над страхом. Люди льнут к окнам. Перед автомобилем снимают шапки — раз в автомобиле, то начальство, и немаленькое. А теперь, пожалуй, самое время описать иждивенцев гетто. Это те, которые то ли по возрасту, то ли по состоянию здоровья не входят в так называемый «арбайтсайнзац»⁸¹. В условиях гетто такие люди доставляют своим близким немало забот. Они не должны бросаться в глаза немцам и полицейским. Они свободны от работ в городе и в гетто и от главной хозяйственной проблемы «как из ничего что-то сварить». У них самый длинный день в неволе. Но дети есть дети, и они играют даже в гетто. А старики живут прошлым. С девяти до двух часов улицы гетто словно вымирают. Никому не должно бросаться в глаза, что в гетто есть народ, не приносящий пользы.

Сменяются караулы полицейских — и на «тартаке», и на Варню, и у главных ворот. Иногда врач спешит к больному или служащий по делу.

Дни в гетто только кажутся однообразными. Практически каждый день приносит новости, в основном слухи, самые разнообразные, часто даже фантастические и, что самое интересное, эти слухи почти никогда не подтверждаются. Слухи приходят из города. И поэтому иждивенцы гетто с нетерпением ждут возвращения бригад. Иногда я задумываюсь над тем, пригодится ли мне опыт такой жизни в будущем, если будущее вообще у меня будет.

⁸⁰ Район бедноты.

⁸¹ Рабочая сила.

Я часто думаю, что если выйду отсюда, то отдам все силы, чтобы больше ни с кем и никогда такое не повторялось. Никто не должен страдать из-за того, что он родился, ну, допустим, евреем или кем-то там другим. А вдруг никто, ни один человек не выйдет отсюда живым. Тогда, может быть, то, что я пишу украдкой на чердаке дома на улице Гриняус, переживет всех нас и попадет к людям, которые призадумаются, как не допустить в будущем тех заблуждений, жертвами которых мы стали. Порой мне начинает казаться, что я слишком наивно и по-детски рассуждаю даже для своих 15 лет. Я пишу и все время ощущаю, что отвлекаюсь, ухожу в себя, а не описываю события нашей невеселой жизни. Мною больше владеет стремление передать ярко и зримо наши переживания, ход наших мыслей и тактику, что ли, поведения в тот момент, когда опасность тут же над головой...

Все начинается с пробуждения. Для большинства в гетто пробуждение — это грубый толчок из очаровательного царства сна, где нет обид и унижений, в мир ужасающей действительности.

Взгляд на часы, и голова падает на подушку, еще хранящую очарование сна. Сон — благо: больше проспал, больше времени отвоевал у мрачных мыслей.

Я всегда стараюсь осмыслить свои сны: если сон хороший, то просто больно с ним расставаться. В неясных, путаных снах я всегда ищу намек, разгадку — ответ на вопрос, что с нами будет — выберемся ли мы отсюда?..

Взгляд в окно на природу — уже чуть веселее, острая боль где-то внутри становится глуше. Лежу с закрытыми глазами: в голове роятся мысли — эх, лишь бы время не спешило сейчас. Сколько уже прошло? 10–15 минут? Многие мои сверстники, здесь в гетто, наверное, переживают то же, что и я. Многим иждивенцам гетто забыться помогает домашняя работа, но ее здесь меньше, чем людей, могущих ее выполнять. Это хорошее средство уйти от реальности, забыться и, кстати, хоть на время отделаться от мыслей о еде. Для остающихся в гетто пропитание — это серьезная проблема: в городе или даже здесь в мастерских дают четвертушку хлеба и миску «зуппе»⁸². Вспоминается дымящийся черпак с гороховой похлебкой, которую опрокидывал в мой котелок могучий Берка Гемпель в бригаде «железнодорожное депо». Там вообще были хорошие ребята: и сам бригадир Мейер Елин и его помощник Рубинсон.

Глава 8 завершающая. Послесловие

Но там же был и надсмотрщик фашист-зверюга, по прозвищу «боксер». Это после знакомства с его кулачищами я уже несколько месяцев являюсь иждивенцем гетто. А еще до того была лютая зима 41-года на аэродроме, проклятые вагонетки — «лоры»; угольная бригада Фраткина с «постэном», который то и дело заявлял: «Мало того, что я ненавижу евреев, так приходится теперь их дважды в день пересчитывать». Под его опекой я однажды чуть не отдал концы, не выдержав соревнования с неутомимым угольным транспортером. Не стерлась с моей памяти и строительство моста в Шансах, в распоряжении фирмы «Грин Бильфингер». На этом мосту я проработал недолго: упал, не выдержав тяжести баллона с кислородом, и при том еще покалечил своего напарника. Но там, на городских работах, я меньше размышлял: надо было двигаться, мгновенно оценивать ситуацию, сохранять силы, комбинировать пару полешек, краюху хлебца, картофелину. Здесь в гетто, наверное, размышляет каждый, строит свою заградительную крепость; одни уповают на то, что болезни и голод «освободят» их от гетто и от жизни вообще; другие строят из себя равнодушных ко всему: будь, мол, что будет. Есть еще третьи: они бодрят и себя, и других. Таковы ребята Лейбки Лаца, с которыми судьба свела меня в гетто. Но о них... Не сейчас и не здесь. Еще несколько слов о равнодушных. Когда окружают гетто и начинается очередная акция, с них быстро слетает равнодушие: они бешено мечутся по гетто в поисках варианта «выжить на этот

⁸² Суп (нем.).

раз», не попасться, пережить других. Стыдно признаться, но и мне порой эти мысли были не чужды. Но на практике часто получалось так, что те, которые мудрили, меняли места пребывания, как раз попадались в облавы первыми... Впрочем, все это про маски и про самоуспокоение — все это частности: груз общей беды давит на каждого. Чтобы отвлечься, обсасываются разные мелкие события — им придается значительное, а порой и загадочное толкование. Какое-нибудь двусмысленное высказывание немца или строительные работы, проводимые где-то неподалеку от ограды гетто, — все это пища для длинных дискуссий и опрометчивых выводов. Для того чтобы потолковать, не нужно много времени. В рядах бригады по дороге в город или тут же на строительной площадке, когда надсмотрщик «ялэ вэяво»⁸³ удаляется достаточно далеко. Но лучше всего отвести душу вечером, когда идешь к знакомым, где попутно что-то можешь продать, выменять или упросить, чтобы взяли с собой в город какую-нибудь вещь, если сам не идешь на городскую работу. Вечером иногда и пошутить с кем-нибудь, посмеешься. Вот, например, вечер в канун Нового 1942-го, у нас на Гриняус. Каждый вытащил что-то из люкс-продуктов, остатков довоенной роскоши. Сварили кофе. И к этому «шикарные пирожки» из картофельной шелухи. А наш сосед, композитор из Германии Эдвин Гайст, напевал нам мотивы из своей оперы «Дионизиус».

К собачьей жизни с удавкой на шее, тоже, оказывается, можно привыкнуть, приспособиться. Нельзя же все время тянуть на одном только страхе. Чувствительности у многих жителей гетто теперь явно поубавилось по сравнению с первым периодом жизни в гетто. Не через одно сито мы уже просеялись за это время. Распознали коварство фашистов-душителей. И проклинали их на чем свет стоит, избранными изречениями в духе Шолом-Алейхема. И не только проклинали, но и организовывались потихоньку... Надежда, что все изменится к лучшему, жила в каждом из нас, но жила где-то глубоко. К слухам, содержащим хоть малейший намек на добрый исход, мы относились с большим интересом. Такие слухи живо подхватывались и растекались по гетто широкими кругами. Поскольку чаще всего эти слухи оказывались мыльными пузырями, к ним со временем выработалось отношение легкой иронии. Легчало порой на душе и от того, что покроешь проклятием кого-либо из «своих» мучителей — Павлушку Марголиса или морду — Аронштама⁸⁴.

Время у работников городских бригад бежит быстрее: для них первичная мечта дожить скорее до «файерабенда»⁸⁵, до построения домой, пусть бегом, пусть под пинками, под улюлюканье «постэнов», но домой, хоть дом этот и окружен колючей проволокой. Эта цель — домой, заглушает мысль о завтрашнем дне, который конечно будет таким же, как и сегодняшний. В данный момент главное — скорее остаться со своими, без «фрицев» и не слышать над головой осточертевшего «Лос»⁸⁶. И мысли, и чувства подавляет усталость. Физическое изнеможение порождает равнодушие. А этого и добиваются, видимо, наши хозяева.

Уже с четырех часов начинается возвращение в гетто. Первыми возвращаются некоторые малочисленные специальные женские садовые бригады. Опять упирается в ворота гетто черная лента живых существ. Не с победой это возвращение. Это приход рабов на ночлег. Но вечером шире шаг у бригад, веселее позвякивают котелки и за спинами не у всех уже тощие мешочки, у некоторых уже кое-что и есть: полено дров, — а это теплый вечер дома, или мешочек с картошкой, спасающей от голода иждивенцев гетто, которые часто жмутся в переулках за воротами гетто, ожидая возвращения из города своих кормильцев.

⁸³ Пароль «идет начальство» (*иврит*).

⁸⁴ Гетто-полицейские.

⁸⁵ Окончание рабочего дня (*нем.*).

⁸⁶ Давай, пошел (*нем.*).

Но ворота еще надо пройти. Надо подойти к охраннику, и горе тому, кем охранник заинтересуется. Отсыпать, забрать, избить — любимое занятие этих извергов. И тогда прощай «смысл» целого дня. Часто, еще на подходе к воротам, «разведка» предупреждает, что у ворот «горит огонь». И тогда вспоминаешь рожденную в гетто песню про полицейского в зеленой шинели, который отобрал весь «пэкль»⁸⁷.

Но вот ты минуешь эти адские ворота и сразу же забываешь про цену своего риска. Ты торжествуешь, как победитель, гордо несешься домой, стараясь продлить свое «чудное мгновенье» и выглядеть таким героем перед близкими. Лениво тянутся дымки из живших геттовских труб, приглашая к теплу и похлебке. До полуночи люди все возвращаются из многочисленных бригад. А утром все повторится. И так до тех пор, пока придет «ди геуле»⁸⁸. И только тогда оборвется поток и, наверно, закончатся все наши переживания.

День закончен. Мне стало грустно, и мне не о чем больше писать. Я чувствую, что вот-вот прорвется клокочущая где-то у самого горла боль, прорвется недетским моим рыданием, и оно сольется с завыванием ветра на нашем пустыре у геттовских огородов.

Пора кончать, пора бросить карандаш, все это ни к чему, все равно никто этого не поймет, не услышит, не прочувствует Никто!.. Несколько моих видений и дум воплотились в стихотворные строчки:

Картинка Каунасского гетто

Вечер темный и промозглый,
Вижу, как крадутся тени,
Тихий свист и тихий возглас,
И свиданье привидений...
Ночь безлунная, глухая,
Ветер облаками правит.
Страх из щелей вылезает,
Расползается и давит.
Неба краешек сереет.
Недалек и час рассвета
Поднимайтесь побыстрее,
Флюгплиц⁸⁹ ждет рабов из гетто.

Альбому (мой альбом сгорел в пожаре гетто)

Странички моего старого альбома! Я листаю вас застывшими пальцами. Каким от вас веет теплом! Чарующим запахом свободы, счастья, беззаботных юношеских лет. Я вспоминаю совсем недавнее прошлое. Прошлое, куда так хотелось бы вернуться. Сказку минувших дней, вытканную золотом... Сколько хороших минут доставили мне записи, стихи и рисунки друзей в эти мрачные дни, когда то и дело окружают гетто и фашисты готовят нам расстрел...

Я не могу удержать катящуюся из глаз слезу...
Все-таки не всегда было так, как сейчас,
Со страниц альбома на меня смотрят знакомые лица

⁸⁷ Пакет (*идиш*).

⁸⁸ Освобождение, избавление (*иврит*).

⁸⁹ Аэродром (*нем.*).

Вот Натик, Лева, Юозас,
Где вы теперь, ребята?
Видно, не суждено нам встретиться вновь
И заниматься милой, детской чепухой...
Нечего тешить себя напрасной надеждой...
Прощайте, друзья!
Не избежать мне братской траншеи.

*5 июля 1942 года
Каунасское гетто*

28 октября 1941 года (Большая акция)

Длинная зимняя ночь прошла спокойно. Резкий звонок будильника разрушил тишину и вернул нас к действительности. Я открыл глаза и тотчас же вспомнил, что настает день, который внесет изменения в нашу жизнь.

На всякий случай натянул на себя побольше белья, носков и встал. Вскоре встали отец, мать и сестра. Брат наш погиб на VI форте еще летом, и семья наша уменьшилась.

Резкий свет электричества высветил бледные лица, разбросанные по комнате вещи. Говорили шепотом, будто боялись спугнуть тишину. Я вышел на улицу. Догорала холодная звездная ночь. Где-то недалеко уже слышались гулкие шаги по земле, охваченной первыми заморозками. В домиках зажигался свет, скрипели колодезные цепи. Гетто просыпалось. Мне вспомнилось, как я вставал когда-то в школу, с каким настроением скорее к ребятам, спортивным состязаниям, к прерванным, будто вчера, разговорам. И еще почему-то вспомнились бутерброды с брусничным вареньем, которые мама давала мне с собой в школу. От этих воспоминаний меня начало знобить. Я скорее вернулся в комнату. Втихомолку поели, а то, что осталось, рассовали по карманам.

Мы с сестрой вели дневники с первых дней гетто и теперь припрятали их. Я открыл сарай и подвал — так было приказано накануне. Не хотелось ни о чем думать, но желание поскорее узнать, что же с нами будет, не давало покоя. Пусть это любопытство: оно все же лучше чем страх, это предохранитель, привилегия незрелого моего возраста. Вот уже позади темные окна нашего домика, и мы шагаем в неизвестность. Мы шли, взявшись с сестрой за руки, старались развлечь друг друга. В темноте различали фигуры сгорбленных от холода людей, идущих в том же направлении, к площади Демократу. Тоненькая пленка льда трещала под ногами. Красными полосками занималась заря. Людей на улице становилось больше, чаще мигал свет карманных фонариков, слышались голоса. Женщины окликали проходящих, искали мужей, не вернувшихся с ночных работ в городе. Слышался тихий плач. Мы еще крепче взялись за руки, подобрались, насторожились. Вскоре мы уже влились в скорбный поток. Мороз хватал за уши и за нос. Темнота сменилась туманом, который был заполнен черными тенями. Мы приближались к площади. Возможно, среди нас были люди, которые догадывались, что будет дальше. Хорошего, собственно, никто не ждал, давно его не видели, этого хорошего, с самого июня 1941 года. Но большинство старалось успокоить себя, что, мол, ничего страшного не произойдет. Внутренняя дрожь, видимо, была многих, но я не видел, чтоб хоть один повернул обратно в гетто, в поисках тайного убежища.

Когда я теперь вновь переживаю эти минуты, становится не по себе от того, что люди так послушно шли навстречу своей гибели. Никто не кричал, не бросался, как я себе это представлял из прочитанных книг. Никто не ждал хорошего, но вместе с тем в каждом жила искра надежды и она почему-то направляла нас не назад, а вперед, опасности навстречу.

Вот и пустырь или площадь, открытая всем ветрам. С одной стороны — граница гетто, с другой — блок и река.

Недолгое замешательство — куда пристроиться? Затем разобрали таблички с наименованиями городских бригад и местных служб. Это подобие «организации»

подействовало успокаивающе: если нас созвали сюда, чтобы убить, то зачем еще это построение по бригадам: не все ли им равно, этим палачам, в какой колонне покончить с нами? Кругом был слышен глухой шум, притоптывание замерзших ног. Туман рассеивался. За спиной людей с табличками строились обитатели гетто со своими семьями.

Самая большая группа людей собралась у таблички с названием «аэродром». Это была фирма, как-никак обещающая жизнь. Так тогда казалось многим из нас. Люди были одеты во все лучшее, что у них оставалось, никто не знал, вернемся ли «домой», да и дом то остался открытым — «бери что хочешь». В карманах у каждого было все самое ценное, что удалось еще сохранить после многочисленных обысков, облав, которые не прекращались с самых первых дней прихода фашистов. Женщины держали на руках малышей; их плач сводил нас с ума. Совсем дряхлые старики сидели на замерзшей земле, умоляя близких оставить их. Больных доставляли прямо на носилках и оставляли на краю площади у кустов. Наши застывшие, заиндевелые лица выражали крайнее напряжение и тревогу. Глаза смотрели, угадывая, с какой стороны появится тот, в чьей власти наша дальнейшая судьба.

О чем думали в этот миг люди на площади? Обдумывали свою прошедшую жизнь, молились, хладнокровно ждали своего часа? Мы пристроились к колонне «медицинский персонал гетто», на самом краю площади, ближе к гетто. Все четверо мы стояли во втором ряду. Сильно озябли, несмотря на то, что были тепло одеты. Вдруг со стороны блока показались зеленые мундиры частей «самообороны» — добровольного литовского националистического формирования. Солдаты шли гуськом, приближаясь к нам. В голове мелькнула шутовская мысль: «Представление начинается».

Солдаты зарядили винтовки и выстроились полукругом против колонн. Интервал между ними был очень небольшой. Мне стало не по себе. Все кругом смолкло. Из-за блока выехал легковой автомобиль. Двое в форме СС в сопровождении штатского с большой собакой вылезли из машины. У меня опять отлегло от сердца. Подумаешь, их всего-то несколько. Не устаивая нас взглядом, они прошли к оцеплению. Собака, с плеткой в зубах, бежала впереди. Когда она выбросила плетку, стоявший поблизости солдат, чуть не кланяясь, поднял плетку и протянул ее псу. Это отвлекло меня, даже чуть рассмешило. Еврейские полицейские стояли в строю недалеко от нас. Фашисты приблизились. Мужчины сдернули шапки. Местные полицейские вдруг снялись с места и побежали друг за другом, описывая круги, как на гимнастических занятиях. Но было уже не до смеха. Начальство подходило к первой колонне, и мы вытянули шеи в ту сторону. По рядам прошелестел шепот, и все смолкло. На сером небе проглянуло солнце. Все мы остались стоять в жутком безмолвии... Вижу: немцы о чем-то спрашивают стоящих впереди. Взмах руки, и вся колонна идет влево, сопровождаемая солдатами. Еще взмах, разрубающий ряды. Рука поднимается, указывая то одну, то другую сторону. В правую все больше, как мне казалось, попадают дети и люди постарше. Стало ясно, что происходит отбор. В голову лезет мысль: так, пожалуй, могут меня отделить от родителей. Гулко стучит сердце, чувствует недоброе. А отбор все идет. Людей гонят то влево, то вправо. Предполагают ли они, что взмах руки — это их смертный приговор? Фашисты задают некоторым вопросы о специальности, о месте работы. Те отвечают торопливо, показывают какие-то бумаги. И вот немцы уже около нас. Тот, что в форме, мельком поглядывает на дощечку и отрывисто по-немецки спрашивает у отца: «Ты, кто, еврей?» — «Врач», — отвечает отец, не шевелясь. Удостоверившись, что это колонна медиков, немец показывает рукой, и мы бежим влево.

Там мы выстраиваемся в прежнем порядке по четыре, пристраиваясь к уже направленным сюда группам. Охраняет нас только еврейская полиция. Голос из первых рядов вещает, что мы на «хорошей стороне». Я узнаю обладателя этого голоса хирурга Вениамина Захарина, часто бывавшего в нашем доме до войны. Его слова медленно проникают в сознание. Барабаном бьют в голову слова «мы спаслись».

Мы долго стоим так, как нас поставили, боимся даже повернуться в ту сторону, где продолжается «игра». Когда все же поворачиваюсь, вижу, что люди, по-прежнему, растекаются по разным сторонам. За рекой, на холме чернеет группа людей, наблюдающих с

воли за тем, что у нас происходит.

Наши ряды начинают распадаться; чертовски холодно, и я топчусь, стараюсь согреться. Глазами ищу знакомых. Вот соседские ребята, и мы тихо начинаем обсуждать только что пережитое.

Хочется домой, хочется согреться, напаянные на меня одежки давят. От длительного стояния ломит кости.

Получено разрешение завести коляски с детьми под крышу самого ближнего дома. Первый проблеск чего-то человеческого.

Солнце осветило площадь-муравейник. Только вместо муравьев в разных направлениях быстро передвигаются люди. Я подумал, что незачем дольше хранить еду и быстро проглотил весь свой запас. Наши ряды пополнялись. Многие, еще отчетливо не сознавая, что произошло, плакали потому, что оказались разделенными со своими близкими.

Те немногие, которые уже трезво оценили происшедшее, поделились с другими, и ужасная весть электрическим током ударила по нашим рядам. Мы ощутили свою безопасность и обратили взгляды туда, к улице Панерю, куда подходили все новые колонны и выстраивались рядами. Если они, на той стороне, думают, что они спаслись, значит, нам конец. Я стараюсь на расстоянии определить, какое там настроение. Собственно, вскоре все и так должно проясниться, зачем еще ломать над этим голову? Каждый час, каждая минута были решающими для многих. Все больше мрачнели лица людей, пополнявших наши ряды. Черный квадрат еще сортируемых на площади людей менял свои очертания. Масса людей напоминала мне глыбу, от которой все время откалываются и куда-то исчезают большие куски. Иногда я замечал взвивавшуюся над головами плетку, приклад винтовки. Доносился крик. Я заметил, как к нашим рядам прибилась женщина с двумя детьми на руках. Видимо, она удачно перебежала и теперь кротко улыбалась спасенному сокровищу.

Шел разговор о том, что полиция гетто старается помочь людям попасть на хорошую сторону. Не слишком ли много людей окажется на «хорошей стороне» и не возьмутся ли за нас вторично? Господи, какие это жуткие мысли! В какое ничтожество можно превратиться в часы таких испытаний, когда ты молод, неопытен и не знаешь жизни.

Пусть все это только скорее кончится... Я гоню из головы нехорошие мысли... Кружусь между рядами. Уже совсем осмелел. Встречаю знакомую девушку. Оглядываем друг друга и глупо улыбаемся. Мы выглядим, как эскимосы. Рядом с нами люди группируются в кружки, высматривают знакомых, ищут родных. Отовсюду доносятся плач, причитания, женщины заламывают руки. Рассказывают о том, как из рук матери вырвали ребенка, как старого отца отделили от сыновей...

Я прислушиваюсь. Соболезнование, сочувствие, какое-то глухое: душа не вмещает этих тысяч трагедий, слитых в одну. День проходит.

Склоны Нериса уже в тени. Что нас ждет? Пойдем ли по домам или нам предстоит еще что-то ужасное и это лишь передышка? Но кому какое дело до того, что мне хочется поскорее к себе в комнату, подальше от этого кошмара. Люди, отделенные от нас пространством площади, ведь хотят того же. Как-то автоматически мы начинаем смещаться ближе к массиву гетто. Трудно устоять на ногах, все тело налито свинцом. Положить бы сейчас голову на подушку и забыться сном, чтобы стереть из памяти этот страшный день — все, что сегодня видели мои глаза. Площадь становится все более пустой. Солнце дарит последний луч, какой-то короткий, будто стыдливый, что приходится освещать этот ужас.

Вдруг все мы поворачиваемся в одну сторону: эсэсовцы конвоируют двух женщин и двух мужчин, не похожих на евреев, без звезд Давида на одежде. Эти четверо «под шумок» пробрались в гетто и выносили оставленные в домах вещи. Хотели попировать во время чумы. Наша ненависть моментально переключается на них, будто эти мародеры, которые идут, опустив головы, виноваты во всей сегодняшней нашей трагедии. Их увозит зеленая полицейская машина.

С реки тянет прохладой. Я уже в головных рядах тех, что вот-вот соприкоснутся с домами гетто. Сделать это мешают цепи еврейских полицейских. Но вот эта цепь подается, и

мы бегом, как выпущенные из клетки звери, устремляемся к своим домам. Дверь нашей квартиры открыта. Навстречу мчится из комнаты большой черный кот. В комнатах все перевернуто.

Бегу встретить родителей. Заходим все в комнату, садимся и молчим. Холодная постель успокаивает звенящее тело. Сон наступает сразу же. Всю ночь плачет гетто. Участь десяти тысяч человек становится известной много месяцев спустя, но мы распрощались с ними сегодня. За окном опять холодная октябрьская ночь. Тихо стонет ветер в такт материнским рыданиям...

Дню 28 октября

Кровавый день, иди к концу скорее
И прячь закат багровый от крови:
Фашисты убивают тут евреев,
Опять погромов время обновив.
Я призываю Вас: ни крика и ни стона.
Веками истязали наш народ,
И фюрер — не страшнее фараонов,
Но час расплаты все равно придет

*20 сентября 1942 года
Каунасское гетто*

Послесловие

*«Ещё одно, последнее сказанье –
И летопись окончена моя.
Исполнен долг, завещанный от Бога,
Мне, грешному»...*
А. Пушкин, «Борис Годунов»

Печальное повествование о страшном периоде моей жизни во время Второй мировой завершено. В этом повествовании нет литгероев, нет выдуманных эпизодов. Чистейшая правда, живые люди, которых жестокая жизнь сделала героями. В самых страшных обстоятельствах эти люди сумели сохранить гуманность и человечность, ибо они были Человеками.

К моему величайшему сожалению, никого из этих людей уже нет в живых. Судьба подарила мне долгую жизнь, видимо для того, чтобы я, посредством интернета, рассказала миру о том, что сделали с нами фашисты.